

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VINIK 434 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ВОПРОСЫ РУССКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ II

ТАРТУ 1977

TARTU RIIKLIKU ULIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 434 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ВОПРОСЫ РУССКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

II

ТАРТУ — 1977

Редакционная коллегия:

М. А. Шелякин (отв. редактор), П. С. Сигалов, Б. М. Гаспаров.

Первый выпуск серии «Вопросы русской аспектологии» вышел в г. Воронеже в 1975 г. под ред. проф. М. А. Шелякина.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ (2)*

М. А. Шелякин

V. Понятие способов глагольного действия

Не касаясь истории вопроса (она подробно изложена в работах Ю. С. Маслова [11], И. П. Ивановой [7]), остановимся на современном состоянии разработки данной проблемы.

Как известно, несмотря на длительное и частое использование термина «способ действия», однозначного его понимания пока не достигнуто. Одной из причин этого, если говорить о точности научных понятий, является, на наш взгляд, само содержание данного термина, с которым связывается представление о том, как происходит действие, каков способ его осуществления. Такую формулировку понятия способа действия давали С. Апреэль [1/36], В. Порциг [19/41], А. Нурен [18/335]. А. В. Исаченко предложил вместо соответствующих калькированных терминов термин «совершаемость», но только по чисто языковым причинам (абстрактность, книжность, возможность образования прилагательного). Его общее определение «совершаемости» ничем не отличается от указанного понимания «способа действия»: «Вводимый нами термин «совершаемость» имеет в виду определенную модификацию глагола, указывающую, как именно действие, выраженное глаголом, совершается» [8/210]. Ср. определение С. Апреэля: «Термином способ действия я обозначаю до сих пор почти вовсе не привлекавшие внимания и тем более никем не классифицировавшиеся семантические функции приставочных (а также некоторых бесприставочных глаголов и суффиксальных образований), которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления» [21/36]. Следствием такого понимания спосо-

* Продолжение. Первую часть обзора (разделы 1—4) см. в кн. «Вопросы русской аспектологии», Воронеж, 1975. Цифры в прямых скобках указывают на номера работ, цитируемых в статье и перечисленных в конце обзора. Цифры после косой черты в прямых скобках указывают на страницы упоминаемой работы.

бов действия явилось отнесение к ним только производных образований, морфологически выраженных модификаций исходного глагола, ибо такие глаголы, как *стоять, висеть лежать, писать, рисовать* и т. д. не отвечают на вопрос, как происходит действие, каков способ его осуществления, но ср. *попеть* (немного петь), *запеть* (начать петь) и др.

Однако оказывается, что не все производные способы действия, отвечая на вопрос, каков способ его осуществления, можно считать модификациями исходных глаголов. Так, А. В. Исаченко признает существование однократной «совершаемости» (типа: *боднуть, кольнуть*), образующейся, по его мнению, от многофазисных глаголов (*бодать, колоть*) и обозначающей «отдельно взятый фазис комплексного, многофазисного действия» [8/253]. Но вряд ли можно говорить о суффиксе -ну- как о модифицирующем значении многофазисных глаголов, так как однократные глаголы показывают, как совершается действие не многофазисного действия, а действия, обозначенного корневой морфемой (*бод-, коль-*). Уже этот факт наводит на мысль, что способы действия необязательно модифицируют значение именно исходного глагола.

Концепция «совершаемостей» А. В. Исаченко тесным образом связана с его взглядом на наличие в языке формально выраженного «переходного члена» [8/222] от семантики лексической к семантике грамматической: «совершаемости» — это «явления, стоящие на грани между (лексическим) словообразованием и (грамматическим) формообразованием» [там же, 220]. Поэтому, следуя традициям С. Апреля, он ограничил способы действия не только производными глаголами, но и видовой дефективностью. Близость способов действия к словообразованию он видит в том, что «совершаемости, образуемые от одного и того же глагола, не составляют строгой «системы» в смысле бинарных противопоставлений» [там же, 295], а близость способов действия к формообразованию обнаруживается в том, что они «не затрагивают индивидуальной семантики исходного глагола» [там же, 223], не нарушают семантической связи с исходным глаголом, не являются «вполне самостоятельными глаголами» [там же, 224].

Для доказательства последнего обстоятельства А. В. Исаченко вводит понятия «квалификаторов» и «модификаторов» глагольного значения, которые соответственно либо квалифицируют значение глагола «так сказать, с внешней стороны, т. е. прибавляют к исходному значению глагола еще дополнительные, уточняющие оттенки значения» [там же, 222—223], либо модифицируют значение исходного глагола, сосредоточивая внимание «на каком-либо внутреннем признаке протекания действия, выраженного бесприставочным глаголом» [там же, 223]. Квалификаторы семантически отрывают приставоч-

ные глаголы от своего исходного глагола, образуя новые, самостоятельные глагольные лексемы (*рвать* — *разорвать* — *разрывать*), модификаторы образуют только «совершенности» (*говорить* — *заговорить*). В таких формулировках понятий «квалификаторов» и «модификаторов» ничего лингвистического, конечно, нет: «внешняя» и «внутренняя» сторона значения, разумеется, является скорее метафорой, чем лингвистическим понятием. Поэтому А. В. Исаченко, с одной стороны, прибегает к видовым признакам квалификаторов и модификаторов (квалификаторы создают парные по виду глаголы, модификаторы — только одновидовые), а, с другой стороны, при определении «совершенностей» избирательно перечисляет разновидности модифицируемых значений: «Под совершенностью следует понимать те общие значения глаголов, которые, будучи выражены формальными средствами (приставками, суффиксами), модифицируют значение исходного бесприставочного или приставочного глагола в отношении фазисности, кратности или количества действия и семантически с ним соотносены. Глаголы, выражающие ту или иную совершенность, представлены всегда лишь одной видовой формой» [там же, 218]. Таким образом, как отмечалось в критических замечаниях на книгу А. В. Исаченко (см. А. В. Бондарко, 2), автор попал в плен традиционных «подвидов» и семантически разорвал единые по сути явления надвое (ср. *разахаться* и *разгореться* — *разгораться*).

Основным недостатком теории А. В. Исаченко является то, что он не доказал существование производной и формально выраженной семантической категории, стоящей между словообразованием и формообразованием. Неубедительность концепции А. В. Исаченко объясняется прежде всего спорным характером ее теоретических посылок. Они сводятся к следующему вопросу: можно ли считать грамматическую дефективность слова и вместе с тем его производность семантической модификацией слова (свидетельством отсутствия самостоятельности слова). То, что грамматическая дефективность часто сигнализирует о специфическом значении слова, кажется, не подлежит сомнению: ср. семантические группировки существительных *pluralia tantum*, *singularia tantum*, «недостаточных» глаголов, не имеющих всех форм спряжения, и др. факты. Однако никто, видимо, не будет утверждать, что, например слово *смелость* изменяет слово *смелый* в меньшей мере, чем *смельчак* — *смельчаки* именно потому, что первое — грамматически дефективно, а второе — грамматически «нормально». Ссылка на то, что слова *смелость*, *смельчак* и *смелый* относятся к разным лексико-грамматическим разрядам и что это подтверждает их лексическую самостоятельность, не имеет в данном случае принципиального значения. Ведь, по мысли А. В. Исаченко, *закри-*

чать в меньшей мере изменяет *кричать*, чем *запеть* — *запевать* изменяет *петь* именно потому, что *закричать* грамматически дефективно, хотя и входит в один лексико-грамматический класс вместе с *петь* — *запевать*.

Грамматическая дефективность слова может быть вызвана не только семантическими причинами, но и морфонологическими и коммуникативно-нормативными [см. об этом, например, ст. И. С. Улуханова, 22]. Видообразование в этом отношении не является исключением: в науке уже отмечались факты, когда видовая соотносительность наталкивается на «формально-технические» преграды или нормативно не использует всех своих «резервов» (см. А. В. Бондарко, [3/46]; Л. А. Быкова [4]; Ю. С. Маслов, [12]).

И, наконец, основной массе «совершаемостей» русского языка, как они описаны у А. В. Исаченко, в болгарском соответствуют глаголы, выступающие в формах обоих видов [Ю. С. Маслов, 13/204]. Можно подумать, что этот факт снимает проблему семантического влияния способов действия на видовую дефективность глаголов. Мы полагаем обратное: одинаковые, на первый взгляд, способы действия в разных языках могут отличаться в сигнификативном и экспрессивно-стилистическом отношении, что, несомненно, отражается на их видовых свойствах. Например, А. В. Исаченко отмечает, что словачья ограничительная «совершаемость», выражаемая приставкой *po-*, отличается от соответствующей русской приставки *по-* возможностью сочетания с возвратным местоимением, придающим им «медиальный оттенок значения («действие выполняется с чувством удовольствия или наслаждения»)» [8/237]. Ю. С. Маслов указывает на возможность болгарских начинательных и особенно однократных глаголов сочетаться с обстоятельствами продолжительности [11/227], чего не наблюдается в русском языке: по-русски нельзя сказать «продолжительно хлебнул», «продолжительно заплакал». Этим, по нашему мнению, и объясняется имперфективация болгарских начинательных и однократных глаголов и отсутствие ее в русских соответствующих глаголах. К сожалению, славянское языкознание не располагает сравнительным изучением способов действия.

Уязвимость взглядов А. В. Исаченко на «совершаемости» заключается в том, что для их характеристики он выбрал признаки (производность, видовая дефективность, морфологичность и др.), не всегда покрывающие друг друга и соотносительные друг с другом. Иначе говоря, эти признаки выбраны им как бы по определению («будем считать, что...»), а не на основе последовательной теории, опирающейся на обобщение фактов.

Если способы действия влияют на видовую дефективность глаголов, то почему они не могут влиять также на видовую

недефективность? Или этот вопрос можно сформулировать иначе: если способы действия влияют на видовую дефективность, то какие семантические факторы влияют в таком случае на видовую недефективность? Проблема взаимоотношения глагольной семантики и категории вида может быть успешно решена только при условии учета одних и тех же семантических факторов, их общей специфики.

В концепции А. В. Исаченко способы действия представляют собой, по сути дела, простую адвербиальную характеристику действия, связанную с одним каким-либо видом, но не обязательно взаимодействующую с ним. Эту характеристику можно расширить за счет способов действия, имеющих парные по виду формы, и тем самым отличить значение способов действия от видовых значений. Но в таком случае вряд ли оправдано рассмотрение способов действия в грамматике, а именно в рамках общей аспектуальной категории, так как последняя окажется сведенной к любой адвербиальной характеристике действия.

Другая точка зрения на способы действия опирается на высказывания и наблюдения А. А. Потебни, разработку проблемы в трудах Э. Кошмидера, Кр. Неттенберг и др. В советском языкознании ее впервые обосновал и развил Ю. С. Маслов. Определение способов действия им дано следующим образом: «... под способами действия следует понимать некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» [11/191]. В других своих работах Ю. С. Маслов подчеркивает, что способы действия «выделяются на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия» [14/71] и что «определяющим формальным признаком способа действия являются не те или иные словообразовательные морфемы, а направление словообразовательной активности, синтаксического употребления и тип взаимодействия с категорией вида» [13/204].

Согласно проведенным определениям, Ю. С. Маслов предложил говорить о морфемно выраженных (или характеризованных) и морфемно невыраженных (или нехарактеризованных) способах действия с выделением промежуточной группы (непоследовательно характеризованных) способов действия, а также о внутривидовых и межвидовых способах действия [14/72], что затем легло в основу описания способов действия русского языка в книге А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» [3, автор описания — А. В. Бондарко].

Как явствует из указанных формулировок, а также положения Ю. С. Маслова о том, что способы действия «важны не сами по себе, а своим взаимодействием с категорией вида» [15/12], в излагаемой концепции обращается внимание на роль способов действия в аспектуальном статусе глаголов. Уже сам факт признания того, что способы действия свойственны всем глаголам, более убеждает в полуграмматическом характере данных явлений и близости их к категории вида, чем отнесение способов действия к ограниченной группе глаголов.

Однако в концепции Ю. С. Маслова остался не выясненным до конца вопрос о семантических границах способов действия. Те формальные признаки, которые названы исследователем для способов действия, различают их отдельные группы, но не определяют еще их семантической зоны.

Общее определение способов действия как особенностей лексического значения тех или иных глаголов, относящихся к протеканию и распределению действий этих глаголов во времени, слишком широко, чтобы, с одной стороны, отделить способы действия от любой адвербиальной характеристики действия и, с другой стороны, включить способы действия в функционально-семантическую категорию аспектуальности.

Таким образом, как видно из изложенного, определение способов действия или их места в глагольной лексике всецело зависит от общего понимания аспектуальности как функционально-семантической категории.

Иными словами, в интерпретации способов действия возможны два направления: либо их считать только адвербиальными признаками глаголов, указывающими на способ, характер осуществления действия (ср. *мчаться* — «идти очень быстро», *плестись* — «идти очень медленно, устало»), либо их считать специфическими признаками глаголов, указывающими на формы аспектуального осуществления действия.

Второе направление позволяет не только отличить значения способов действия от видовых, но и связать их внутри общей категории аспектуальности. В этом отношении может возникнуть сомнение в целесообразности аспектологического взгляда на способы действия, если иметь в виду замечание Ю. С. Маслова о том, что «для славянского вида эта тенденция (тенденция к видовой формализации, к максимальному обобщению — М. Ш.) раскрывается как тенденция к обособлению вида от способа действия, к существенному сужению сферы видовой дефективности («непарности»), как стремление иметь для все большего числа глаголов парные формы обоих видов» [13/202]. Мы полагаем, что в основе данной тенденции лежат определенные семантические факторы, так как «непредельные способы действия выступают во всех славянских языках, в том числе и в болгарском, только в несовершенном виде. Среди осталь-

ных способов действия одни выступают в обоих видах повсеместно и вполне свободно, другие же, в зависимости от языка, либо свободно, либо лишь с известными ограничениями, либо даже вообще только в одном виде (именно — совершенном)» [там же, 205]. Все это, видимо, свидетельствует о том, что способы действия в разных языках не совпадают по своим семантическим характеристикам. Следует также подчеркнуть, что способы действия важны для аспектологии не только для семантического объяснения видовой дефективности или парности глаголов, но и для исследования лексического «наполнения» частных видовых значений.

При аспектуальном рассмотрении способов действия границы их выделения и сама их характеристика определяется семантической зоной аспектуальности. Для аспектологов способы действия интересны не как семантическое явление само по себе, а как такое семантическое явление, которое обладает «объяснительной силой» при изучении видовых свойств глаголов. Поэтому целесообразно было бы способы действия назвать аспектуальными способами действия, чтобы подчеркнуть, что они являются той семантической областью глагола, которая вступает во взаимодействие с грамматической категорией вида.

Обратимся к пояснению нашего понимания способов глагольного действия.

Способы действия однотипны в семантическом отношении, но неоднородны функционально и по формальному выражению. В функциональном плане способы действия можно интерпретировать следующим образом.

Одни способы действия показывают общность аспектуальности самих действий «по природе».

Другие способы действия показывают общность аспектуальности не самих действий, а характера их проявления и распределения во времени.

Так, среди способов действия (нехарактеризованных) обычно выделяют стательный способ, особенность которого состоит в том, что он не имеет парных по виду форм, не образует одноактного способа действия (с суффиксом -ну-), не сочетается с наречиями типа «быстро», «медленно», «постепенно» и др.; ср. *сидеть, лежать, висеть, спать, страдать, горевать, учительствовать* и т. д. Стательность — это особенность проявления аспектуальности самого действия «по природе»: статичный процесс, лишенный динамичности и развития во времени, происходящий на одном уровне, характеризующийся «монотонной, себе тождественной длительностью» [Ю. С. Маслов, 16/18], является всегда непределённым процессом. Стательный способ действия — это обобщение значений разных лексических групп глаголов по ряду аспектуальных признаков. Однако, видимо, он делится на отдельные способы действия, поэтому скорее всего

мы имеем дело со статальными способами действия. Так, например, статальные глаголы типа *служить, командовать, ректорствовать, учительствовать, секретарствовать, батрачить, бродяжничать, жадничать* и под. отличаются от других глаголов невозможностью употребления их в конкретно-процессном значении несовершенного вида, отсутствием образования от них ряда приставочных способов действия (начинательного, аугментативно-интенсивного с приставкой раз- и суффиксом -ся). Статальные глаголы типа *ценить, стоить, находиться* и под. вообще не образуют никаких приставочных способов действия. С другой стороны, статальные глаголы типа *тосковать, волноваться, буйнить, плакать* и др. употребляются в конкретно-процессном значении несовершенного вида и образуют количественно-интенсивные и начинательный способы действия (ср. *растосковаться, затосковать, расплакаться, заплакать* и под.).

Признак статальности, хотя непосредственно и связан с предметно-понятийными признаками глаголов, являясь как бы следствием последних, все же обладает относительной самостоятельностью. Например, инхоативные глаголы (*краснеть, белеть* и под.) могут терять значение инхоативности и выступать в статальном значении (*что-то белело вдаль, что-то краснело в лесу*). В таком случае глаголы приобретают разные значения, выражающие разные «по природе» действия.

Иную особенность проявления аспектуальности самого действия представляет общезерезультативный способ действия, относящийся к предельным глаголам. К нему относятся глаголы типа *вооружать, входить, давать, лишать, решать, брать* и многие другие. Входящие в его состав глаголы также объединяются по типу проявления аспектуальности действия: все они обозначают активные, развивающиеся действия, направленные на определенный результат, предусмотренный самой природой действия. Но он тоже неоднороден и, видимо, состоит из отдельных способов действия. В этом отношении представляют интерес наблюдения Д. Грубора над пантивными и тотивными глаголами развития [6/77]: пантивные глаголы обозначают результативные действия, проявляющие себя в полном объеме постепенно, часть за частью (*строить дом, вязать чулок, идти в город*); тотивные глаголы обозначают результативные действия, проявляющие себя полностью без частичного осуществления (ср. *давать, брать, встретиться на улице* и др.). Предельность пантивных глаголов непосредственно связана с развивающимся и постепенно изменяющим или созидующим характером осуществления действия, а предельность тотивных глаголов — с «нераздельным» осуществлением действия. Различие между пантивными и тотивными глаголами отражается, например, на видовом употреблении их форм несовершенного вида: пантивные глаголы в отличие от тотивных нельзя использовать в исто-

рическом настоящем в значении последовательных разовых действий, т. е. их нельзя перевести в план конкретно-фактических действий прошедшего времени (нельзя сказать «она вяжет чулок и уходит»).

Признак результативности действия является также относительно самостоятельным, как и признак статальности. Он может быть снят у ряда глаголов. Так, Ю. С. Маслов говорит об эволютивном способе действия [11/190], который, хотя и сопровождается каким-то количественным или качественным изменением в субъекте или объекте, является, однако, непределенным, так как не имеет признака определенной результативной направленности, указывая только на занятость субъекта действием (ср. такие глаголы, как *плясать, читать, гладить, гулять, заседать* и под.). Этот аспектуальный признак может быть заменен признаком результативной пассивности: ср. *она сидела у окна и шила*; но: *она вчера шила себе платье; все танцевали и пели*, но: *она танцевала (исполняла чардаш, пела арию)*. При снятии и включении признака результативности значение глагола, как правило, изменяется: ср. *танцевать* как глагол «развлечения» (*все пели и танцевали*) и как конструктивный глагол (в значении исполнения определенного танца).

Отмеченный факт «подвижности» способов действия говорит о том, что они занимают промежуточное положение между лексическими и грамматическими признаками глагола. Особенно показательны в этом отношении способы действия второго типа, модифицирующие характер аспектуальности действия. Такие способы действия в русском языке представляют собой словообразовательные классы. Их специфика состоит в том, что они, не создавая глаголов с новым предметно-понятийным содержанием, указывают только на аспектуальность характера проявления и распределения действия во времени. Аспектуальная характеристика, например, таких глаголов, как *заплакать, засидеться, нагуляться, раскричаться, переломать все игрушки* и др. заключается в указании тотивности начала непределного действия (*заплакать*), исчерпывающей продолжительности разового непределного действия (*засидеться*), исчерпывающего развития интенсивности непределного действия (*раскричаться*), исчерпывающего дистрибутивного проявления результативного действия (*переломать все игрушки*). Все указанные характеристики глагольного действия являются акциональными характеристиками и одновременно показателями форм проявления аспектуальности: ограниченность проявления действия представлена в признаках тотивной начинательности, исчерпывающей продолжительности, тотальной дистрибутивности. Тем самым эти значения семантически определяют формы вида, их отдельные функции и другие аспектуальные свойства данных глаголов: они являются либо одновидовыми, либо их имперфек-

тивные формы употребляются только в значении кратных действий (ср. *он часто засиживается в гостях*).

Способы действия второго типа являются как бы своеобразными акционально-аспектуальными парадигмами для исходных глаголов. Формально это обнаруживается в том, что они не изменяют функционально-синтаксических свойств производящих глаголов и диагностируются особой адвербиальной валентностью: ср. *нагуляться вдоволь, засидеться до сумерек, переломать подряд все игрушки*. О таких значениях русских префиксов французский языковед Ш. Корбе писал как о значениях «нулевого семантического действия [10/283], лучше сказать — «минимального семантического действия». Они отличаются от префиксальных значений «сильного семантического действия» тем, что не переводят переходные глаголы в непереходные и, наоборот, не устраняют субъекта некоторых глаголов и др. Ср., например, *идти в школу, под навес* и др., но *войти в ...* (это глагол с особым предметно-понятийным содержанием, которое не сводится к акциональной характеристике действия «идти куда»).

В некоторых случаях префиксальные способы действия изменяют управляющие свойства производных глаголов, но при этом сохраняют единство функций управляемых форм, т. е. допускают вариативное управление. Например, *лить воду в стакан — подлить воды в стакан*: изменение управления связано со значением либо совершенного вида, либо самого способа действия, а не со значением самого действия.

Признаки стательности, результативности (пантивной и тотивной), тотивной начинательности и другие являются акционально-аспектуальными признаками, оказывающими влияние на аспектуальные свойства глаголов. По своей специфике они относятся к характеризующему типу семантики. Разница между способами действия первого и второго типа состоит в различной связи их с предметно-понятийными признаками глагола. Способы действия первого типа непосредственно связаны с предметно-понятийными признаками глагола, можно сказать, выводятся из них, поэтому при изменении предметно-понятийных признаков глаголов или изменении в одном глаголе подобных способов действия выражаются разные действия. Способы действия второго типа не изменяют предметно-понятийных признаков глагола, они еще более самостоятельны, чем первые.

Способы действия второго типа по особенностям своих значений и функций, видимо, не одиноки в языке. Подобные функции по отношению к своим производящим основам имеют, например, суффиксы «субъективной оценки» существительных, степени сравнения прилагательных и наречий. Как известно, до сих пор не решен окончательно вопрос об отнесении этих форм к словообразованию или грамматическому формообразованию.

Между способами действия первого и второго типа существует определенная взаимосвязь: вторые семантически могут повторяться в первых, см. примеры А. В. Бондарко на непосредственно характеризованные способы действия, одноактные (*мигнуть* и *бросить*, *ступить* и др.), многоактные (*трясти* и *мести*, *тереть* и др.) [3/25].

Подытоживая сказанное, можно предложить следующее определение аспектуальных способов глагольного действия: способы действия — это общие особенности лексических значений отдельных групп глаголов, выражающие тип протекания и распределения действий по отношению к пределу их осуществления во времени.

Способы действия отличаются от категории вида и предельности/непредельности тем, что аспектуальные значения в них детально семантизированы в акциональных характеристиках, тогда как в грамматической категории вида и семантической категории предельности/непредельности они обобщены либо в грамматических, либо в широких абстрактно-семантических характеристиках.

VI. Проблема чистовидовых приставок

Проблема чистовидовых приставок давно дискутируется в научной литературе, см. С. Карцевский, [9], Ю. С. Маслов [13], А. Н. Тихонов [21], И. П. Мучник [17], П. С. Сигалов [20], К. Мулиш [24], М. Вэ [27], В. Бэк [23] и др.

На наш взгляд, существуют две крайности в выделении чистовидовых приставок: одни лингвисты слишком расширяют, другие — полностью отрицают их. Эти две крайности определяют тем, что анализ чистовидовых приставок обычно проводится только интуитивно, без применения объективных методов их обнаружения. Если чистовидовые приставки представляют собой видовые форманты, то они не должны иметь никаких особых семантических признаков, кроме значения совершенного вида. В таком случае обычно применяемые методы семантического анализа (дистрибутивный, трансформационный, валентный и др.) не обнаружат семантической самостоятельности приставки в производном глаголе. Напротив, если чистовидовые приставки функционально не во всем аналогичны значению совершенного вида, то семантически они должны чем-то выделяться, что можно доказать методами семантического анализа.

Как показывает валентный анализ, не для всех приставочных глаголов удается выявить специфическую акционально-аспектуальную валентность. Например, А. В. Исаченко считает, что перфективные глаголы типа *побледнеть* (ср. *бледнеть*) выражают завершение постепенного перехода к какому-либо со-

стоянию или же начальную точку пребывания в данном состоянии [8/166], при этом не доказывая отличие данных значений приставок от видового значения совершенного вида. Ведь признак завершенности обозначаемого действия свойствен совершенному виду вообще как компонент значения целостного предельного действия, значение же начальной точки пребывания в состоянии должно диагностироваться временными конструкциями со значением исходного момента и возможностью трансформации в сочетании с начинательными глаголами, ср. *с утра завьюжило* — *с утра начало вьюжить*; но *вокруг все побелело* нельзя трансформировать в «вокруг все начало белеть», и вряд ли возможна фраза «с утра все побелело» (обычно говорят *утром все побелело*). Глаголы типа *бледнеть* — *побледнеть* трансформируются в сочетании «становиться — стать бледным», где «становиться — стать» являются видовыми парами. Подобную трансформацию не допускают начинательные приставочные глаголы. То, что А. В. Исаченко расценивает как значение начальной точки пребывания в состоянии, на самом деле является перфектным значением совершенного вида.

В качестве критериев выделения приставочных глаголов, являющихся перфективными коррелятами исходных имперфективных основ, мы предлагаем считать следующее:

а) исходный и приставочный глагол должен иметь идентичную валентность: ср. *писать* — *написать* (*хорошо, плохо, быстро, утром, брату* и т. д.);

б) исходный и приставочный глагол могут быть синонимичными видовым парам, связанным либо с имперфективацией основы совершенного вида, либо с супплетивным способом образования грамматических форм, либо с двувиновым характером основы: ср. *делать* — *сделать* и *производить* — *произвести, изготовлять* — *изготовить* и др., *краснеть* — *покраснеть* и *становиться* — *стать красным, благодарить* и *поблагодарить* и *выражать* — *выразить благодарность* и под. Видимо, не все такие приставочные глаголы имеют синонимичные параллели, но тот факт, что они все же существуют для целого ряда приставочных глаголов, является убедительным аргументом для признания их коррелятивными по виду к своим исходным глаголам [см. об этом А. Н. Тихонов, 21];

в) надежным критерием выделения рассматриваемых приставочных глаголов является возможность употребления вместо них исходных глаголов несовершенного вида в позиции синонимии видов: ср. *кто рисовал/нарисовал эту картину? он благодарит/поблагодарил ее за гостеприимство и ухаживает/ушел*, ср. *кто записывал/записал эту стенограмму? он берет/взял карандаш и записывает/записал адрес*;

г) приставочные глаголы выступают в чистовидовой функции и в том случае, если производящий глагол в данном зна-

чении не имеет другого выбора в приставках. Такие приставочные глаголы можно подразделить на образования, производящие глаголы которых не имеют вообще никаких других связей с приставками, кроме данной (ср. *сниться* — *присниться*), и образования, которые в данном значении имеют только одну производящую основу (ср. *резать* в значении «убивать» и *зарезать*, *ковать подкову из серебра* и *выковать подкову из серебра*).

Наличие приставочных глаголов, выступающих перфективными коррелятами к своим исходным глаголам, не означает, что в самой системе языка существуют чистовидовые приставки. В этом отношении мы придерживаемся взгляда А. В. Бондарко [3/39—40] и др. [см. также П. С. Сигалов, 20], которые признают зависимость чистовидовой функции приставки от семантических особенностей глагольных основ. По словам К. Сконефельда, «*préverbes vides*» употребляются в своих лексикальных значениях и потому для определенных основ являются избыточными [26]. На наш взгляд, сама избыточность приставки объясняется тенденцией к выравниванию морфологии видовой системы и основывается на мотивированности синтагматики значений.

Однако проблема мотивированности в сочетаниях приставок и исходных глаголов еще мало исследована. Некоторые лингвисты вообще сомневаются в правомерности ее постановки. Например, А. В. Исаченко пишет: «... о внутренней обусловленности выбора перфективирующей приставки лексическим значением самого исходного глагола можно говорить далеко не во всех случаях: не семантика глагола определяет выбор приставки, а приставка с ее семантикой способствует именно такому, а не иному толкованию общего значения глагола» [8/165]. В этом суждении прежде всего неясно, о какой семантике исходного глагола и приставки идет речь, а также не принимается в расчет указание самого автора цитируемой работы на то, что в целом ряде случаев приставочные глаголы являются кальками [см. там же].

Приставочные глаголы современного русского языка исторически возникали на разных этапах развития внутрислогового приставочного образования. Поэтому двусторонний мотивированный «выбор» приставки и исходных глаголов для образования приставочных глаголов мог происходить на разных семантических основаниях в зависимости от коммуникативных потребностей и специфики наличной системы языка. Проблема появления приставочных глаголов с чистовидовой функцией — это проблема прежде всего историческая, тесно связанная с вопросом становления и развития видовой системы. Так, например, при определении современных семантических групп исходных глаголов несовершенного вида, которые в сочетании с при-

ставкой по- отличаются только значением совершенного вида, надежным семантическим «ориентиром» может служить историко-семасиологическое исследование И. Немца о славянской приставке ро- [25].

Чешский языковед установил, что наречие *ро-, из которого развилась славянская приставка по-, имело три типа локальных значений: а) аблативное значение, б) значение локальной близости (аллативное и адессивное) и в) аккузативное значение (близкое к значению за-, лат. post). Данные значения позволяли приставке по- выражать или уточнять локальные отношения, которые выражались падежами: а) аблативные отношения (с генитивом), б) дативные отношения (близкие к аблативному значению при-), в) адессивные отношения (с творительным), г) аккузативные отношения. Из адессивного значения развилось по отношению к живым объектам социативное значение приставки, а по отношению к неживым объектам — специальное локальное значение «находящийся на поверхности». Из первоначального аккузативного значения развились значения цели и значение полного уничтожения объекта действием.

Анализ современных глаголов с приставкой по- в чистовидовой функции показывает, что их исходные глаголы несовершенного вида содержат семантические признаки, аналогичные историческим значениям приставки, как они определены И. Немцем.

Ср. исходные глаголы с семантическим признаком аблативности, обычно управляющие (с предлогом или без предлога) родительным и винительным падежом: *стыдиться — постыдиться кого-чего, совеститься — посовеститься кого-чего, гнушаться — погнушаться кого-чего, стесняться — постесняться кого-чего, бояться — побояться кого-чего, опасаться — поопасаться кого-чего, чуждаться — почуждаться (устар.) кого-чего, конфузиться — поконфузиться (устар.) кого-чего, щадить — пощадить кого, жалеть — пожалеть кого-что, хоронить — похоронить кого, чистить — почистить что, терять — потерять что, тратить — потратить что, таить — потаить что от кого-чего, родить — породить кого-что. Видимо, с аблативным признаком воспринимались и глаголы *брить — побрить (ср. сбрить), стричь — постричь, жать — пожать (ср. сжать), косить — покосить (ср. скосить), стирать — постирать, мыть — помыть, таять — потаять (ср. стаять). Аблативный признак также свойствен глаголам с общим значением «взять что-либо у кого-либо или от кого-либо»: похитить у кого-нибудь, просить — попросить у кого-нибудь, требовать — потребовать у кого-нибудь, ср. также: заимствовать — позаимствовать у кого-нибудь.**

Ср. исходные глаголы с семантическим признаком дативности, управляющие дательным падежом: *дарить — подарить,*

жаловать — пожаловать, слать — послать (кому), велеть — повелеть, обещать — пообещать, сулить — посулить, верить — поверить, клясться—поклясться, виниться—повиниться, советовать — посоветовать, божиться — побожиться, молиться (кому) — помолиться, хвастаться — похвастаться, жаловаться — пожаловаться, плакаться — поплакаться, желать — пожелать, гадать — погадать, рекомендовать — порекомендовать, содействовать — посодействовать, мешать — помешать, вредить — повредить, перечить — поперечить, льстить — польстить, завидовать — позавидовать, следовать — последовать, служить — послужить (кому), жать (ему руку) — пожать (ему руку), мерещиться — померещиться, чудиться — почудиться, казаться — показаться, грозить — погрозить, звать к себе — позвать к себе, манить к себе — поманить к себе и др.

Ср. исходные глаголы с семантическим признаком социативности: *скандалить — поскандалить с кем-нибудь, встречаться — повстречаться с, здороваться — поздороваться с, знакомиться — познакомиться с, ладить — поладить с, мириться — помириться с, меняться — поменяться с, считаться — посчитаться с, брататься — побрататься с, ссориться — поссориться с, вздорить — повздорить с, браниться — побраниться с, венчаться — повенчаться с, прощаться — попрощаться с, ругаться — поругаться с, делиться — поделиться с, целоваться — поцеловаться с, говорить — поговорить с, спорить — поспорить с, ровняться — поровняться с, шутить — пошутить с, драться — подраться с и др.*

Ср. исходные глаголы с семантическим признаком направленности действия на поверхность объекта: *ставить — поставить на, вешать — повесить на, стлать — постелить на, сыпать — насыпать на, сеять — посеять на, садить — посадить на, ложить (простореч.) — положить на, валить (пол) — повалить на, метить — пометить, мазать — помазать (хлеб маслом), ваксить — поваксить, канифолить — поканифолить, красить — покрасить, белить — побелить, гладить — погладить (рубашку) и др. Видимо, к подобным глаголам относятся: *строить — построить*, а также инхоативные, обозначающие действия, совершающиеся на поверхности предметов типа: *краснеть — покраснеть, бледнеть — побледнеть, блекнуть — поблекнуть.**

Ср. исходные глаголы с семантическим признаком направленности действия на уничтожение предметов, их истребление, порчу: *разить — поразить, топить — потопить, тонуть — потонуть, травить — потравить, рубить — порубить, сечь — посесть, топтать — потоптать, гасить — погасить, тушить — потушить, ломать — поломать, морить — поморить, рвать — порвать, коверкать — поковеркать, корезить — покорезить, гибнуть — погибнуть, гнить — погнить, гнуть — погнуть, морозить — поморозить, мять — помять, давить — подавить, калечить — по-*

*калечить, вредить — повредить, кривить — покривить, кле-
вать — поклевать* и др.

Старое значение цели в приставке по- обнаруживается в таких глаголах как: *благодарить — поблагодарить за, хвалить — похвалить за, бранить — побранить за, журить — пожурить за, ругать — поругать за, пенять — попенять за, карать — покарать за, целовать — поцеловать за* и др.

Подобно приставке по-, каждая приставка в чистовидовой функции имеет свои определенные семантические группы исходных глаголов, совпадающие со значением приставки. Ср., например, конструктивное значение глаголов с чистовидовой функцией приставки с-: *сделать, смастерить, спеть, станцевать, сыграть* и др. Несомненно, что конструктивное значение приставки с- возникло на основе значения локальной направленности к пункту сосредоточенности (ср. *съехаться, собраться, составить*), из которого развились значения общей сосредоточенности действия (ср. *копить — скопить, конденсировать — сконденсировать, концентрировать — сконцентрировать*) и «составления», «конструктивности» (*сделать, смастерить*).

В десемантизации приставок с определенными группами глаголов участвуют и приставочные способы действия. Если значение способа действия совпадает с соответствующими признаками исходных глаголов, то такая приставка теряет семантическую функцию образования нового глагола. Например, приставка за- специализировалась в русском языке в функции проспективного способа действия (ср. *купить — закупить, продать — запродасть*), но с глаголами, которые лексически выражают перспективность действия, она уже не выделяется в данной функции: ср. *планировать — запланировать, страховать — застраховать, консервировать — законсервировать*.

И, наконец, десемантизация приставок нередко является следствием совпадения их «сильных» значений со значением исходных глаголов. Приведем ряд примеров.

В русском языке одним из значений приставки про- является указание на сквозную направленность действия через предмет: ср. *проколоть, прорезать, просверлить* и т. д. Данное значение приставки про- продуктивно и во многих случаях переходит в чистовидовое, когда характеризует сквозное по природе действие исходного глагола. При этом сквозная направленность действия может носить конкретный и отвлеченный характер. Ср. глаголы со значением конкретной сквозной направленности действия: *дырять — продырять, сверлить доску — просверлить доску, таранить — протаранить, тушить мясо — протушить мясо, дезинфицировать одежду — продезинфицировать одежду, фильтровать — профильтровать* и др. Ср. глаголы со значением отвлеченной сквозной направленности действия: *демонстрировать фильм — продемонстрировать фильм* (ср. по-

казывать — показать фильм), нумеровать книгу — пронумеровать книгу, диктовать — продиктовать статью, декламировать — продекламировать стихи, иллюстрировать — проиллюстрировать книгу, дирижировать — продирижировать музыкальное произведение, дублировать — продублировать фильм, читать текст — прочитать текст и др. Видимо, неслучайным также является чистовидовая функция приставки про- с глаголами речи в переходном значении типа: говорить — проговорить что-либо, молвить — промолвить, консультировать — проконсультировать, информировать — проинформировать, цитировать — процитировать текст и под. Ср. еще: следить за полетом — проследить за полетом, штудировать — проштудировать книгу, слушать курс лекций — прослушать курс лекций и др.

Подобная десемантизация приставки наблюдается и у глаголов с приставкой раз-, когда ее деструктивное значение совпадает с деструктивным значением исходного глагола: ср. бить стекло — разбить стекло, рвать — разорвать бумагу (и порвать), дробить — раздробить, членить — расчленить, кромсать — раскромсать, давить — раздавить таракана, бомбить — разбомбить и др.

Ср. также глаголы с приставкой о- (об-), в которых признак круговой направленности действия выражен и приставкой и исходной основой: лупить яйцо — облупить яйцо, чистить — очистить яблоко.

Исследование приставочных глаголов с чистовидовой функцией — задача специальной и большой работы, предполагающей также изучение проблемы вторичной имперфективации глаголов. Нам здесь важно подчеркнуть, что приставочные глаголы с чистовидовой функцией приставок не относятся к особым способам действия совершенного вида, так как приставки в данных случаях не модифицируют акциональной аспектуальности исходных глаголов.

Общая семантическая зона чистовидовых приставок проявляется в сочетании их с результативно-предельными глаголами (или значениями), способы действия которых могут быть различными. И общая семантическая зона образования видовых пар при помощи суффиксальной имперфективации перфективных глаголов также в основном очерчена результативно-предельными глаголами. Вряд ли совпадение семантических зон проявления чистовидовых приставок и имперфективации является случайным фактом. Напротив, его можно считать свидетельством тенденции русской видовой системы к морфологическому выравниванию образования видовых пар.

Наше мнение о приставочных глаголах с чистовидовыми функциями как глаголах, не относящихся к особым способам действия, расходится с мнением А. В. Бондарко и авторами академической «Грамматики современного русского литера-

турного языка» (изд. 1970), которые выделяют приставочный общерезультативный (в указанной грамматике — результативный) способ совершенного вида, образующий видовые пары с беспрефиксальными глаголами несовершенного вида [см. А. В. Бондарко, 3/23—24, 39—40; Грамматика, 5/348—349].

Мы полагаем, что говорить об особом приставочном общерезультативном или результативном способе действия совершенного вида нецелесообразно по следующим соображениям: приставке приписывается значение, которое она в синхроническом аспекте рассмотрения вряд ли имеет, так как значение направления к достижению результативности действия заключено уже в самой беспрефиксальной основе, а значение достижения результативности действия связано с функцией приставки перфективировать глагол, как и в случаях беспрефиксальных и приставочных видовых пар типа: *дать — давать, брать — взять, переписать — переписывать* и др. Если бы приставка сама по себе имела специальное значение достижения результата действия, то она образовывала бы новые глаголы определенного словообразовательного типа. Однако см. следующее положение упомянутой грамматики: «Беспрефиксный глагол несовершенного вида получает пару совершенного вида путем прибавления префикса, если этот префикс не вносит нового значения в глагол» [5/339].

Кстати говоря, академическая грамматика указанного издания проявляет непоследовательность в характеристике отдельных групп глаголов с точки зрения образования видовых пар путем префиксальной перфективации. Так, она говорит о глаголах инхоативного способа действия (не относящихся, по ее мнению, к результативному способу действия) как о таких глаголах, которые «путем прибавления десемантизированного префикса ... могут образовать пару сов. вида: например: *погаснуть, увянуть, побледнеть, окаменеть*» [там же, 349]. Но ведь результативность этих глаголов ничем не отличается от результативности глаголов типа «побелить», «приготовить», «сконструировать» и т. д., в которых грамматика видит особое результативное значение префиксов. В этом отношении более прав А. В. Бондарко, причисляющий к общерезультативному способу действия инхоативные глаголы и считающий, что приставка в общерезультативном способе действия подчеркнута выражает идею результативности [3/22—23]. Действительно, в ряде случаев, отмечаемых А. В. Бондарко, приставка подчеркивает особую результативность действия (как: выточить, выстирать и др.), что отражается на валентных свойствах глаголов и позволяет относить их к способам действия, а не к видовым парам. Однако, например, в глаголах *построить, пообедать, заминировать* и др. при учете предельных значений их исходных основ мы не видим этой результативной подчеркнутости, так

как она не отражается на специальных валентных свойствах глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агрелль С. О способах действия польского глагола. — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
2. Бондарко А. В. Рецензия на книгу А. В. Исаченко «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. II». Братислава, 1960; ВЯ, 1962, № 5.
3. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
4. Быкова Л. А. Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке. Уч. зап. Харьковского ун-та, т. 99. 1958.
5. Грамматика современного русского литературного языка. М., изд-во АН СССР, 1970.
6. Грубор Д. Из книги «Видовые значения». — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
7. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. Изд-во ЛГУ, 1961.
8. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. II. Братислава, 1960.
9. Карцевский С. Из книги «Система русского языка». — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
10. Корбе Ш. Префиксация и структура глаголов в русском языке. IV Международный съезд славистов (Материалы дискуссии), т. II. М., 1962.
11. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. — В сб.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
12. Маслов Ю. С. Заметки о видовой дефективации. — В сб.: Славянская филология. ЛГУ, 1964.
13. Маслов Ю. С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. — В сб.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.
14. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В сб.: Вопросы общего языкознания. ЛГУ, 1965.
15. Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — Вступительная статья к сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
16. Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958.
17. Мучник И. П. О видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке. — ВЯ, 1956, № 6.
18. Нурен А. Из V тома книги «Наш язык». — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
19. Порциг В. О способах действия индоевропейских презентных образований. — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
20. Сигалов П. С. Об одной группе приставочных глаголов. Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 166. Тарту, 1965.
21. Тихонов А. Н. Чистовидовые приставки в системе русского видовой формообразования. — ВЯ, 1964, № 1.
22. Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем. — В сб.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
23. Boeck W. Wechselbeziehungen zwischen Aspekten und Aktionsarten in der russischen Sprache der Gegenwart. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Ges.-Sprachw. X/1, 1961.

24. Mulisch H. Zum Problem der präfixalen Aspektkorrelationen in der russischen Gegenwartssprache und ihrer Verifizierung im Kontext. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule K. F. Wandler, Dresden», Heft 4, 1969.
25. Němec J. O slovanské předponě po- slovesně. — «Slavia», Praha, 1954, Roč. XXIII, seš. 1.
26. Schooneveld C. H. The so-called «préverbes vides» and neutralization. Dutch contributions to the fourth international congress of slavists. Mouton, 1958.
27. Vey Marc, Les préverbs «vides» ei tchèque moderne. — «Révue des études slaves», tome XXIX, fasc. 1—4, Paris, 1952.

РУССКИЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД В ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ. II*

Ю. С. Маслов

5. Глагольный вид, типы «действий» и семантические разряды глаголов

Соотношение СВ и НСВ с разными семантическими разрядами глаголов и, в конечном счете, с разными типами самих обозначаемых глагольной формой «действий» освещалось в ряде работ.

Так, шведский лингвист Эстен Даль в интересной статье «Некоторые соображения о логике видов» [28], стремясь дать формальное описание семантического содержания вида, начинает с разграничения разных типов явлений, обозначаемых глаголами и, шире, предикатами предложений естественного языка. Исходным в его модели является понятие «состояния» (*state*); в любой данный момент времени «индивид или система» пребывает в том или ином состоянии, которое может быть описано с помощью (возможно, бесконечного) множества предложений (напр. *я бодрствую, я голоден, я сижу за пишущей машинкой* и т. д.). Состоянию противопоставлено «событие» (*event*), заключающееся в том или ином изменении, в смене состояний (*я заснул в полночь*), и «процесс» (*process*), определяемый как некоторая последовательность событий. Далее вводятся понятия, связанные с преднамеренной каузацией тех или иных явлений: «акт» (*act*, что по-русски можно передать и как «действие в собственном смысле») и «деятельность» (*activity*). «Акт» (напр. *Джон открыл дверь*) направлен на осуществление (или неосуществление) некоторого события, а «деятель-

* Продолжение. Первую часть обзора (разделы 1—4) см. в кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975, 28—47. Как и в первой части, здесь используются сокращения СВ (совершенный вид) и НСВ (несовершенный вид) и термины «перфектив» (глагол или форма СВ) и «имперфектив» (глагол или форма НСВ). Цифры в прямых скобках [ ] отсылают к библиографическому списку, помещенному в конце обзора. Если цифры в скобках разделены косой чертой /, то цифра или цифры после этой черты (до точки с запятой) указывают на страницы соответствующей работы.

ность» (напр. *я играю на пианино, я работаю*) — на осуществление некоторого процесса.

Э. Даль пишет, что «события» и «акты» не имеют протяженности во времени, они представляют собой, таким образом, мгновенные смены состояний, тогда как «процессы» и «деятельности» могут и даже должны быть развернуты во времени. Вместе с тем, подобно «событиям» и «актам», «процессы» и «деятельности» определяются теми состояниями, которые непосредственно предшествуют им или следуют за ними, причем в случае «деятельности» важно не только то «конечное состояние», которое наступает реально, но и то, «которое соответствует замыслу, намерению (действующего лица)» (*intended end-state*). Ср. *Джон пишет книгу*: деятельность направлена на достижение состояния 'книга существует', но нет гарантии, что это состояние будет на деле достигнуто. Затем Даль переходит к русскому виду. Совершенному виду он дает слишком узкую интерпретацию, считая, что формы СВ обозначают «события» и «акты», короче — то, что «не имеет протяженности во времени» [28/27] (ср. в русской грамматической традиции близкие формулировки А. М. Пешковского). Ниже Даль добавляет еще другой признак: «неразложимо на части» [28/28]. Перед примерами типа *поспал часок, прожил там долго*, не укладывающимися в его схему, Даль становится в тупик. Интерпретация НСВ в примерах вроде *он строил дом* более удачна: по Далю, НСВ не имплицитует, но и не исключает в подобных случаях реального достижения результата, соответствующего замыслу.

В рассматриваемой концепции существенно еще одно положение — подразделение «деятельностей» на «связанные» (*bounded*) и «несвязанные» (*unbounded*). «Связанные деятельности» однозначно определяются предусматриваемым (соответствующим замыслу) конечным состоянием, напр. деятельность 'строить дом'. «Несвязанные» не могут быть охарактеризованы указанием на какое-либо определенное конечное состояние, напр. деятельность 'курить': не существует какого-то определенного состояния, которое обязательно следовало бы за каждым осуществлением деятельности курения [28/29]. Здесь же в сноске Даль указывает, что 'курить сигарету' это уже «связанная» деятельность, а ниже специально отмечает связь между различием *bounded : unbounded* и категорией переходности глагола. Как видно, Даль говорит о явлении, неоднократно описанном в работах по аспектологии, о противопоставлении, за которым у нас закрепилось обозначение «предельность/непредельность». Подход Даля в данном случае напоминает подход А. А. Холодовича, хотя база рассматриваемого противопоставления оказывается у Даля несколько суженной (речь идет почему-то только о «деятельностях»), и кроме того термин «со-

стояние» оба автора употребляют по разному. Как известно, у Холодовича предельные и непредельные глаголы (или, шире, предикаты) интерпретируются как отражение внеязыковых состояний, соответственно, «с одной степенью свободы» (когда предусматривается переход в какое-то другое, вполне определенное состояние) или «с несколькими или многими степенями свободы» (когда окончанием данного состояния не имплицуруется переход в какое-то определенное другое состояние), см. [19/7—11].

Используя другой аппарат понятий и терминов, на вопросе о роли предельности/непредельности останавливается также голландский исследователь А. А. Барентсен, см. [2] и [3]. Введя для понятия «явление внеязыковой действительности, на которое указывает глагольная форма» символ E (от англ. event 'событие', — как видим, не в том специализированном смысле, которое придает этому термину Э. Даль), Барентсен разбивает «класс E на два подкласса: предельные E... и непредельные E» [3/11]. Для обозначения тех и других, наряду с приведенными сейчас русскими терминами, Барентсен использует соответственно символы E_{tel} и E_{atel}, построенные с применением терминов, предложенных в свое время Г. Гэреем, см. [7/347], именно «telic» и «atelic» (букв. «целевые» и «нецелевые»). «Предельный E — продолжает Барентсен — это такой E, который по своей природе в какой-то определенный момент обязательно должен кончиться. Обязательный конец такого E обусловлен характером самого E» [3/11]. Далее следует пример — сгорание свечи: «когда весь материал, из которого состоит свеча, исчерпан, сгорание кончается». Конец E, «обусловленный самим характером E», Барентсен называет «внутренним пределом» и обозначает его сокращением TERM (от лат. terminus). Если «конец E» не обусловлен самим характером этого E, такой конец обозначается сокращением FIN (от лат. finis). «Предельный E (E_{tel}) может кончаться как FIN-ом (свечу задувают), так и TERM-ом (свеча догорает). Непредельный же E (E_{atel}), если он уж кончается, всегда кончается FIN-ом. Например: E_{atel} 'свеча лежит на столе' кончается, когда свечу снимают со стола» [3/12]. «E_{atel} нельзя себе представить как причину перехода какой-то ситуации в другую» [3/16].

Как видим, Барентсен говорит не о предельных глаголах, а о (внеязыковых) предельных событиях (events). На эти события могут указывать либо глаголы (глагольные лексемы), стоящие в СВ или в НСВ, напр. *тонуть* — *утонуть*, *войти* — *входить*, либо словосочетания, содержащие глагольную форму СВ или НСВ, напр. *открыть окно* — *открывать окно*, *писать книгу* — *написать книгу* [2/34]¹. Соответственно Барентсен гово-

¹ Здесь же приводятся еще примеры *погулять* и *прогулять два часа*, к которым придется вернуться ниже.

рит также о (внеязыковых) непредельных событиях, на которые указывают такие глаголы, как *плавать*, *писать* (без дополнения), *сидеть*, *гулять*, *жить*, *разговаривать*. В основном понимание предельности/непредельности Барентсеном не расходится с тем, которое принято во многих других работах по аспектологии, хотя некоторые авторы пользуются полностью или отчасти иной терминологией, см. [7/80, 82 и след., 335 и след., 345 и след.], и, может быть, не всегда достаточно щепетильно разграничивают внеязыковое событие и его обозначение с помощью языковых средств.

Как известно, современной аспектологией установлена связь между категориями предельности/непредельности и явлением дефективности видовой парадигмы: глаголы, обозначающие непредельные действия, выступают в славянских языках в качестве глаголов *imperfectiva tantum*. Пишет об этом и Барентсен: « E_{atel} не может быть выражен формой, содержащей элемент PERF» (т. е. формой СВ) [3/16], в то время как E_{tel} может выражаться формами как одного, так и другого вида. В другой своей работе Барентсен идет несколько дальше: говоря, что «видовая оппозиция возможна только при тех лексемах или сочетаниях лексем, которые соотносятся с классом E_{tel} », он делает вывод, что лексемы, соотносимые с E_{atel} , стоят «вне видовой оппозиции» и «с точки зрения вида являются индифферентными» [2/36]. Впрочем, Барентсен здесь же выражает готовность согласиться и с (общепринятым) отношением непредельных глаголов к НСВ, так как признает, что они «конечно, не вызывают представления, связанного с элементом PERF».

Глаголы ограничительных способов действия — делимитативного (*погулять*, *посидеть*) и пердуративного (*прогулять два часа* в см. 'провести...гуляя', *просидеть три часа* и т. д.) отнесены у Барентсена к «указывающим на E_{tel} », что вполне согласуется с их принадлежностью к СВ. Вместе с тем Барентсен понимает, что «предел» носит у этих глаголов специфический характер: их приставки *по-* и *про-* «указывают на единицу, которую можно описать как 'проведение какой-то порции времени'» [2/37]. Можно добавить, что этот, чисто «временной» предел (Джуро Грубор обозначил его по-сербохорватски термином «временска извршеност», см. [7/75]) не вытекает из «природы» самого действия, из внутренней логики его развития, и в ряде случаев «обрубает» его естественное течение (как «FIN» Барентсена), не дав ему достигнуть «TERM-а» (*почитал книгу, но так и не дочитал ее*). Если различие предельных и непредельных действий справедливо рассматривается как универсальное явление, так или иначе присущее всем языкам мира, см. [19/9—10], то специфическая «предельность» славянских делимитативных и пердуративных глаголов лежит скорее в дру-

гой плоскости как явление, свойственное лишь данной конкретной группе языков. Эта специфическая «предельность» отнюдь не очевидна, так что, например, Герберт Мулиш считает глаголы делимитативного и пердуративного способов действия непредельными, см. [44/64].

О предельности/непредельности писали также А. Богуславский, напр. [4/34—35], Оскар Мюллер [45/213 сл.], на польском материале Цезарь Перникарский [53/73 сл.; 70/261] (пользующийся отчасти иной терминологией) и другие.

Джим Миллер, работая над русским материалом методами порождающей грамматики, заинтересовался проблемой глаголов (и, шире, предикатов) состояния, см. [40]. Опираясь на идеи, которые выдвинул (в применении к английскому языку) Лакоф, Миллер отмечает ряд семантико-синтаксических особенностей «стативных глаголов» (stative verbs): а) они «подобно большинству прилагательных» не используются в императивных конструкциях (*знай ответ); б) не могут служить ответом на вопрос «что он делает?» (*он знает, *он владеет и т. д.) и не сочетаются с *он занят тем, что...*; в) не встречаются с некоторыми обстоятельствами вроде *осторожно*, *быстро*, *энергично* (**он осторожно знал...*) [40/490—491]. На основании перечисленных признаков в разряд стативных глаголов попадают *понимать* (не в «начинательном смысле»), *верить*, *думать* (в смысле 'иметь определенное мнение' и т. д., но не в смысле 'размышлять'), *знать*, *любить*, *владеть*, *нравиться* (в сноске с некоторым колебанием Миллер добавляет сюда также *видеть*, *слышать* и *ненавидеть*). Однако «классические» глаголы состояния — *лежать*, *стоять*, *сидеть* — не отвечают всем перечисленным критериям и потому получают у Миллера другое наименование, а именно «static verbs» — «статические глаголы» [40/494]. Обе группы — и «стативная» и «статическая» — объединяются невозможностью употребления с «обстоятельствами темпа» (*быстро*, *медленно*)², а также с такими, как *энергично*, и с обозначениями орудия действия (последнее вряд ли правильно — Ю. М.). Различаются обе группы в диагностических контекстах с *ловко*, *небрежно* (*он ловко стоял на заборе*, но не **ловко думал, что...*) и с обстоятельствами места (*он сидел на первой скамейке*, но не **он знал теорему в библиотеке*)³.

² Однако при «начинательном» значении ('get to understand' и т. д.) *понимать* и др. подобные глаголы могут сочетаться с обстоятельствами темпа: *он быстро понимает проблемы* (заметим, что здесь *понимает* — форма НСВ от *понять*, а не *imperfecivum tantum* — Ю. М.).

³ Возможно: *В библиотеке он знал это, а дома уже забыл*. Но в этом случае *в библиотеке* не просто обстоятельство места; здесь постулируется иная глубинная структура, включающая момент времени (= 'когда был в библиотеке...' и т. д.).

Миллер пишет, что «различие между СВ и НСВ нерелевантно для стативных и статических глаголов» [41/220] и склоняется к тому, чтобы считать такие глаголы (опять «подобно прилагательным») вообще стоящими вне категории вида [40/492—493]. Мне такое решение вопроса не представляется приемлемым: противопоставление СВ : НСВ является фундаментальным для славянского глагола, и я не вижу оснований выводить за рамки этого противопоставления глаголы, видовая парадигма которых оказывается по семантическим или по формальным причинам дефективной.

Интересно разрабатывает вопрос о влиянии лексического значения глаголов на семантику и функционирование видов Дж. Форсайт. Развивая, как он прямо указывает, схему, предложенную в 1948 г. автором настоящего обзора (см. [15]), Форсайт выделяет в русском языке пять «аспектуально-семантических групп» глаголов и, внутри их, ряд более дробных подразделений [31/47—56].

I группу образуют «непарные глаголы СВ». Они «обозначают не процесс как таковой, а скорее момент его осуществления и 'скачок' в новое состояние, напр. *мост рухнул*». Сюда относятся: *опомниться, очнуться, очутиться, понадобится, поскользнуться, рухнуть, скончаться, улизнуть, хлынуть* и т. д. и такие начинательные глаголы (inceptives), как *возненавидеть, полюбить, заплакать, заходить*; впрочем, глаголы, относящиеся по своему происхождению к начинательному способу действия, могут в определенных контекстах функционировать как «видовые партнеры» соответствующих глаголов НСВ; тогда они включаются в IV группу (см. ниже).

II группа охватывает ряд парных глаголов, но таких, которые семантически близки к глаголам I группы. Перфективный член выражает здесь «моментальный эффект» — «скачок» в новое состояние. Этот «скачок» составляет все лексическое содержание глагола, так что подобное действие «не может быть представлено как процесс, постепенно развивающийся в направлении к критической точке». Сюда относятся: *находить/найти, терять/потерять, случаться/случиться, включать/включить, выключать/выключить, приходить/прийти, приносить/принести, приезжать/приехать* и др. подобные с приставкой *при-*. Имперфектив *находить*, употребленный в прямом смысле, не обозначает развивающегося процесса и потому не сочетается в положительных предложениях с *долго, медленно* и т. д. Этот имперфектив, как и другие в этой группе, обычно используется для обозначения многократного действия, а также «двустороннего действия» и в историческом настоящем.

III группа, как и все последующие, охватывает глаголы, способные в НСВ обозначать действие как длящийся, развертывающийся процесс. В III группе имперфектив может указывать

на постепенное приближение к «критической точке», к «скачку», составляющему содержание перфектива: *мы догоняли его и наконец догнали*. Целостное событие, обозначенное перфективом, обязательно включает здесь «успешное» завершение, так что — по контрасту — имперфектив может выражать стремление, попытку осуществить действие: *мы ловили его (но не поймали)*. Сюда входит очень большое число глаголов, например: *брать/взять, бросать/бросить, будить/разбудить, возвращаться/вернуться, вспоминать/вспомнить, вставать/встать, встречать/встретить, входить/войти, давать/дать, делать/сделать, добиваться/добиться, забывать/забыть, класть/положить, ловить/поймать, ложиться/лечь, опаздывать/опоздать, открывать/открыть, падать/упасть, покупать/купить, убеждать/убедить, умирать/умереть, хватать/хватить* и мн. др. В этой группе иногда наблюдается тенденция к лексическому размежеванию (*умирать* 'быть при смерти' и т. п.). Показательно, что перфективный и имперфективный член пары иногда должны переводиться, например, на английский язык разными глаголами: *сдавать экзамен* 'sit an examination' — *сдать экзамен* 'pass an examination', *ловить рыбу* 'fish' — *поймать рыбу* 'catch fish'.

IV группа объединяет глаголы, не содержащие в своем лексическом значении указания на критическую точку в развитии действия, на скачок в новое состояние, либо на «какую-нибудь абсолютную меру, с помощью которой можно определить кульминацию процесса». В имперфективах этой группы, напр. *писать, гореть* выполнение действия «кумулятивно», т. е. результат достигается здесь постепенно, накапливается по мере осуществления действия. «Поворотный пункт», не предусмотренный самим значением глагола, может быть установлен только по отношению к определенному субъекту или объекту: *свеча сгорела, он написал письмо*. Выделяются две подгруппы:

(а) глаголы, обозначающие конкретные действия, постепенно создающие тот или иной эффект: *бриться/побриться, варить/сварить, гореть/сгореть, есть/съесть, замерзать/замерзнуть, изучать/изучить, краснеть/покраснеть, отдыхать/отдохнуть, писать/написать, расти/вырасти, читать/прочитать* и др.;

(б) глаголы, обозначающие проявления человеческого сознания и отношений, глаголы восприятия, мысли и чувства, глаголы речи и т. п.: *благодарить/поблагодарить, бояться/побояться, верить/поверить, видеть/увидеть, волноваться/взволноваться, говорить/сказать, думать/подумать, жалеть/пожалеть, жевать/пожевать, замечать/замечить, звонить/позвонить, мочь/сметь, позволять/позволить, помогать/помочь, прощать/простить, служить/послужить, слышать/услышать, сомневаться/усомниться, страдать/пострадать, целовать/поцеловать* и мн. др.

В «парах» IV группы аспектуальное противопоставление выступает в наиболее чистом виде, без тенденции к лексической

дифференциации; во многих контекстах различие вида оказывается даже несущественным для общего смысла высказывания (ср. *говорил* и *сказал* как формы, вводящие реплики действующих лиц).

У группа включает «непарные имперфективы», в частности (А) глаголы состояния и (Б) глаголы «деятельности, не предусматривающей необходимого завершения».

К подгруппе А принадлежат глаголы, обозначающие 1) существование или существенное свойство — *быть, жить, значить, иметь, пахнуть, принадлежать, стоять* и т. д.; 2) принадлежность к общественной группе — *петь* в смысле 'быть певцом', *писать* в смысле 'быть писателем', *учительствовать* и т. д.; 3) временные, но легко продлеваемые состояния — *блестеть, болеть, висеть, держать, лежать, сидеть, спать*; 4) эмоции и интеллектуальные состояния — *гордиться, знать, любить, мечтать, скучать, уважать*.

К подгруппе Б принадлежат глаголы разной семантики (*бить, бороться, воевать, искать, ласкать, работать, танцевать* и т. д.) и, в частности, неопределенные глаголы движения (*ходить, возить, плавать* и др.) и многоактные глаголы (*дрожать, дышать, жевать, толкать* и т. д.).

Можно не соглашаться с Форсайтом относительно принадлежности некоторых глаголов к той или иной группе и подгруппе, но в целом изложенная классификация представляется весьма полезной и перспективной с точки зрения дальнейшего исследования конкретного семантического «наполнения» видовых противопоставлений у разных типов глаголов.

Заканчивая этот раздел, нужно кратко упомянуть и о других работах, рассматривающих способы действия в русском (или — в русском и в каких-либо других славянских языках). Это статья Ц. Перникарского о критериях классификации способов действия [54] и его доклад на VII международном съезде славистов (резюме см. [70/260—261]); статья И. Рихтера [55], посвященная соотношению между способами действия и видом; статья Э. Бензера [23/65—70], в которой сделана попытка определить удельный вес отдельных «совершаемостей» в русском повествовательном тексте. Далее это работы об отдельных группах глаголов, о семантике ряда глагольных приставок и т. д., — в частности об «определенных» и «неопределенных» глаголах передвижения (работы И. П. Фута [30], К. ван Схонефельда [57], доклады на VII съезде славистов Ж. Фонтэн [70/208] и Т. Шеремет [70/281]); работы Эллы Секаниновой о дистрибутивных глаголах в русском и словацком языках (напр. [61]); статьи разных авторов о способах действия глаголов с приставками *до-* [59], *за-* [29], *о-/об-* [8], *пере-* [58].

6. Проблема «чистовидовых» приставок. Соотношение префиксального перфектива с его производящим (первичным) и с производным (вторичным) имперфективом.

Вопросы о «чистовидовых» (лексически «пустых») приставках широко и под разными углами зрения дебатировался в аспектологической литературе последних полутора десятилетий. Вопреки тенденции, восходящей к С. О. Карцевскому, см. [7/229—230], и проводившейся в ряде советских и зарубежных работ 50-х и начала 60-х гг., некоторые авторы так или иначе стремятся «реабилитировать» понятие «чистовидовых» приставок. В пользу признания этих приставок полноправным средством перфективации высказывается уже в 1963 г. Анджей Богуславский, [4] и [25], а затем Ирена Грицкат [9] и О. Мюллер [45]. Опираясь на работы Фр. Копечного, особенно на [38], о «чистовидовых» приставках (или функциях приставок) пишут Шт. Пецьяр, [50] и [51], и Э. Секанинова, [60] и [70/273—274]. Были проведены и некоторые количественные подсчеты глаголов с «пустыми» приставками, см. [23/71—75] и [23/94—96].

Авторы, отстаивающие понятие «чистой перфективации с помощью приставок» и подчеркивающие роль этого явления в морфологическом механизме вида, в той или иной мере сглаживают, а порой и вовсе отрицают существенные различия между процессами префиксации и суффиксации. Так, А. Богуславский пишет: «различие между префиксацией и суффиксацией имеет технический, внешний по отношению к семантике и грамматике характер (оно не находится в однозначном соответствии ни с семантическими, ни с грамматическими особенностями)» [4/30] (аналогично и [25/107]). Как известно, у нас близкие взгляды были высказаны А. Н. Тихоновым, напр. в [18].

Также и Штефан Пецьяр считает, что «чисто перфективирующая функция» глагольных приставок встречается в славянских языках «не так уж редко» [51/66]. В общем Пецьяр не усматривает существенной разницы между «парами», создаваемыми префиксацией (типа *писать* — *написать*, *просить* — *попросить*), и теми, которые возникают с помощью имперфективирующих суффиксов (*подписать* — *подписывать*). Разная трактовка тех и других, данная в ряде работ, не кажется ему убедительной. Не согласен он также и с положением А. В. Бондарко [6/48] о «смешанном» (отчасти словоизменительном, отчасти классификационном) характере грамматической категории СВ/НСВ. По мнению Пецьяра, вид в славянских языках — «особая грамматическая (морфологическая) категория, пересекающая границы лексемы» [51/71], и в этом смысле категория «лексико-грамматическая», а не чисто-грамматическая.

«Видовая пара» любого морфологического типа объединяет «два самостоятельных, семантически очень близких (но не полностью синонимичных) глагола, две лексемы» [51/72]. В советском языкознании сходную точку зрения отстаивают в последние годы, в частности, Н. С. Авилова, см. [1].

Более гибкое решение предлагал (еще в середине 60-х годов) французский русист Жак Веренк. Он не уравнивает «пары» типа *писать* — *написать* и типа *подписать* — *подписывать*. В первых сама форма перфектива непредсказуема с помощью общего правила, так как для разных глаголов она образуется с участием самых разных приставок, выступающих в качестве «лексически пустых» (*préverbes vides*); к тому же эти пары трудно уверенно отделить от пар с «лексически полновесными приставками» (*préverbes pleins*). Напротив, образование пар второго типа (*подписать* — *подписывать*) осуществляется вполне регулярно, даже «механически», присоединением суффикса [68/133]. Пары типа *писать* — *написать* Веренк предлагает называть «коннективными» (*couples de connexion*), а пары типа *подписать* — *подписывать* «коррелятивными» (*couples de corrélation*), подчеркивая этими терминами большую степень грамматизации и спаянности вторых пар по сравнению с первыми, см. [27/152] и [68/133]. Соответственно вместо термина «пустая приставка» предлагается термин «коннективная приставка» (*préverbe de connexion*). «Коннективная приставка может быть определена как такая, лексическое содержание которой в наименьшей мере отклоняется от лексического содержания простого глагола: напр. *на-* в значении аккумуляции при глаголе *копить* или *раз-* в значении рассеивания при глаголе *таять*» [68/138].

Своеобразное решение вопроса о том, являются ли перфектив и соотносительный с ним лексически синонимичный ему имперфектив двумя разными глаголами или же они составляют грамматические формы одного глагола, предложили авторы монографии «Время и модальность в чешском языке» [47]. Они считают, что ответ на этот вопрос будет разным в зависимости от уровня описания: на «морфематическом» уровне мы имеем дело с двумя глаголами (у каждого из них своя основа и свой набор форм), а на более высоком «тектограмматическом» (глубинно-семантическом) уровне речь должна идти в каждом подобном случае об одной лексической единице [47/39—40]. Соответственно рассматриваются не только «пары», но и «тройки» (*сыреть* — *отсыреть* — *отсыревать* и т. п.). Каждая такая «тройка» представляет собой на уровне глубинной семантики одну лексическую единицу.

В связи с возможностью использования нескольких разных приставок для «чистой перфективации» одного и того же исходного имперфектива (*рвать* — *порвать бумагу*, *рвать* —

сорвать цветок, рвать — вырвать зуб и т. д.) интересны некоторые соображения Ирены Грицкат. Она справедливо подчеркивает, что в этих случаях «перфективируемый глагол необходимо понимать как полисемантическую единицу, с потенциальными, но часто не высказанными лексическими оттенками» и что приставка присоединяется к такому глаголу «как катализатор (не классификатор), создавая полиморфию» [9/222], т. е. разграничивая морфологически то, что не было эксплицитно разграничено в симплексе. Ср. еще: «Исходный имперфектив чаще всего многозначен, и его неморфологизованной полисемии отвечает полиморфия в соотносительном префиксальном перфективе. Так [сербохорв.] *пумпати* 'качать (воду и т. п.) насосом' скрывает в себе и значение 'качать из чего-л.', и 'качать во что-л.'. В первом случае его коррелятом будет *испумпати* 'выкачать' (причем нет основания говорить о нечистой соотносительности, если учесть, что имелось в виду перфективировать именно значение 'качать из...'). Во втором случае коррелятом будет *напумпати* 'накачать'. Ни *из-*, ни *на-* не суживают как-либо ... семантику глагола *пумпати*: они ее только, каждый по своему, раскрывают, формально реализуют полисемию этого глагола. Имперфектив без приставки изображает действие ... При образовании перфектива дело не в том, чтобы присоединением приставки обязательно указать на направление... Но ... естественно, что из арсенала приставок, обладающих также и лексическими значениями, выбирается каждый раз та, которая по смыслу не противоречит соответствующему значению глагола и может с ним слиться» [9/198].

Специально обсуждался в аспектологической литературе и вопрос о семантических соотношениях внутри видовых «троек». Богуславский особо подчеркивает, что без конкретного анализа отдельных глаголов считать «видовым партнером» перфектива (скажем, *отсыреть*) именно вторичный имперфектив (*отсыреть*), а не первичный (*сыреть*) было бы «актом произвола» [25/106]. И, в другом месте: «глаголы *съесть*, *выпить* имеют разные значения: в одном из них они являются перфективными соответствиями *съесть*, *выпивать*, в другом же — *есть*, *пить*» [4/27].

Этого вопроса касается и Дж. Форсайт. Рассмотрев смысловые соотношения и некоторые стилистические нюансы в «тройках» *мерзнуть — замерзнуть — замерзать*, *слать — послать — посылать*, *учить — выучить — выучивать*, *крыть — покрывать — покрывать*, *вязать — связать — связывать* и нек. др., Форсайт приходит к выводу о невозможности сформулировать для всех таких глаголов «какое-либо простое и единое правило». Но все же в осторожной форме (и со ссылкой на [20]) он говорит об «общей тенденции», состоящей «вероятно

в том, что бесприставочный глагол ощущается как более неопределенный (*vague*) по своему значению, так что имперфектив с приставкой следует предпочитать ему ради большей точности выражения. Как следствие этого вторичный имперфектив имеет тенденцию получать несколько книжный привкус в противоположность более разговорному характеру бесприставочного глагола» [31/46]. В другом месте Форсайт отмечает склонность вторичных имперфективов употребляться чаще, чем первичные, в значении многократности (что можно рассматривать как отголосок былой итеративной семантики суффикса имперфективации) [31/166—167]. Если с морфологической точки зрения нужно признавать «нормальной парой» *прочитать* — *прочитывать*, оставляя *читать* в стороне, то с точки зрения значения и употребления более оправдано признание пары *читать* — *прочитать* и обособление более редкого и специфичного *прочитывать* в качестве отдельного «непарного глагола» [31/167].

Более подробно рассматривает «видовые тройки» Жак Веренк. По толковым словарям современного русского языка он учел значительное количество таких троек (как он указывает, около 200) и подверг их анализу под несколькими различными углами зрения. Он выделяет случаи, когда конкуренция первичного и вторичного имперфектива осложняется частичным расхождением лексических значений (*веять* и *провеивать* — о зерне, но о ветре только *веять*), или наличием приставочных образований с лексической дифференциацией (*сохнуть* и *высыхать* о белье, *сохнуть* и *засыхать* о цветах и т. д.) [68/137—138]. Затем Веренк отмечает явление своеобразного «супплетивизма», когда от основы вторичного имперфектива образуются формы, отсутствующие (или мало употребительные) в парадигме первичного. Так деепричастием от *пить* фактически оказывается *выпивая*, от *слать* — *посылая*, от *гибнуть* — *погибая*; таковы же и формы причастий *погибающий*, *посылаемый*, *сблюдаемый*, формы прош. вр. в ед. ч. муж. р. *погибал*, *остывал* и повелит. *поезжай*.

Далее рассматриваются случаи (отмеченные, как мы видели, и Форсайтом), в которых в роли «специфического итератива» вторичный имперфектив предпочитают первичному (*Каждый день я прочитываю по 15 страниц, Они скашивали по гектару в день, съедали по 2 кило хлеба в день* и т. д.). Интересны и дальнейшие наблюдения Веренка. Вторичный имперфектив не употребляется, когда речь идет о начале процесса: *они начинают есть* (а не *съедают*), *дом начинает гореть* (а не *сгорать*), также *он собирается читать* (а не *прочитывать*), *косить* (а не *скашивать*). Также «актуальный презент» требует первичного имперфектива: *он косит* (а не *скашивает*). Напротив, указание на заключительную фазу, на завершенность процесса, на достижение им предела осуществляется обычно с

помощью вторичного имперфектива: *свечка сгорает в ночь вся* (Достоевский); *воды мало, да она и протухает скоро* (Степанов, Порт-Артур). В абсолютных, безобъектных употреблениях господствует первичный, в контекстах с объектом широко встречается и вторичный имперфектив, ср. у Чехова: «За обедом и за ужином он ел ужасно много; ему подавали и сегодняшнее, и вчерашнее... и он все съедал с жадностью».

В итоге проведенного исследования Веренк приходит к следующему выводу: первичный имперфектив «описывает процесс в его поступательном движении (*dans sa progression*) и без учета его предела», а вторичный — «в фазе завершения и с учетом предела» [27/153]. В [68] к приведенной формуле сделано еще одно добавление, скорее терминологического характера: первичный имперфектив Веренк называет здесь «интенсивным», т. е. обозначающим действие в фазе нарастания напряжения (*tension*), а вторичный — детенсивным, указывающим на фазу разрядки (*détente*) [68/150 и след.] Именно с «детенсивностью» вторичного имперфектива связаны, по Веренку, его метафорические употребления (*Дом утопает в зелени, Она остывает к нему* и т. д.) [68/151].

Из других работ, касающихся образования видовых основ, отметим статью Э. Секаниновой о статусе глаголов типа *повыталкивать*, относимых традиционно к «третьей ступени видового образования» [16]. Как справедливо замечает Секанинова, Карцевский, на которого часто ссылаются при рассмотрении таких глаголов, говорил «о трех степенях деривации, а не видообразования» [16/84]. И, действительно, на «третьей ступени» возникают глаголы *perfectiva tantum*, отличающиеся от своих производящих способом действия, а вовсе не «видовые партнеры» этих производящих.

7. Вид в концепциях генеративистов. Поиски глубинных структур, стоящих за предложениями с СВ и с НСВ.

Отдельные положения, выдвигавшиеся в аспектологических работах, написанных с позиций порождающей грамматики, уже были в ряде случаев рассмотрены или упомянуты выше в разных разделах обзора. В данном разделе следует остановиться на исходных положениях соответствующих концепций и рассмотреть глубинные структуры, постулируемые в работах генеративистов в качестве базы для правил выбора вида в процессе порождения текста.

Приступая к анализу семантики вида, генеративисты делают главный упор на общий синтаксический контекст видовой формы. Для них характерно также стремление охватить еди-

ными правилами наряду с выбором вида и выбор некоторых других явлений, в том числе и в рамках неглагольного предиката. Трактовка видовых значений обычно дается путем выделения ряда более элементарных семантических единиц.

В частности, Джим Миллер [41] постулирует для глагола и для прилагательного общую глубинную категорию «предикатор» и приводит дистрибуционные доказательства изоморфизма синтаксических структур предложений с НСВ и со сказуемым-прилагательным. НСВ, обозначая пребывание в некотором состоянии, вместе с тем имплицитно, или содержит в качестве пресуппозиции идею вступления в это состояние (*Он занимается физикой* предполагает, что он начал ею заниматься, *Он укладывал вещи*, что он уже начал их укладывать). Напротив, СВ включает идею окончания, выхода из состояния (*он уложил вещи* = кончил их укладывать) [41/230—231]. Соответственно глубинная структура, постулируемая для предложения *Иван пишет письмо*, содержит компоненты 'Ivan — go into — state' и 'Ivan — be in — state', а глубинная структура для *Иван написал письмо*, кроме этих двух, еще третий компонент 'Ivan — come out of — state' [41/232].

Ярмила Паневова и Петр Сгалл, оценивая концепцию Миллера, указывают [48/295] на некоторые факты, в нее не укладывающиеся. Так, предложение *Он писал письмо (вплоть) до половины седьмого* несомненно говорит о том, что писавший «вышел из состояния», хотя сказуемое употреблено здесь в форме НСВ. С другой стороны предложение *Он пока накопил 50 рублей*, несмотря на форму СВ, вряд ли получит удовлетворительное объяснение с помощью формулы «вышел из состояния». Кроме того сами «абстрактные предикаты» Миллера 'go into state' и 'come out of state' можно (добавим: по крайней мере, со славянской точки зрения) интерпретировать двояко, и в совершенном, и в несовершенном виде ('войти' или 'входить'? 'выйти' или 'выходить?'). Лев Гуляницкий считает, что в предложениях вроде *Да, я видел этот фильм; В прошлом году я ездил в Италию* и др. подобных (т. е., используя наш термин, в случаях общефактического значения) употребление НСВ было бы трудно вывести из глубинной структуры, постулируемой Миллером (см. [10/50], а также ответы Миллера [42] на критику).

В более поздней статье [43] Миллер как будто постулирует для СВ — по крайней мере в случае начинательных глаголов (к которым он относит *буду*) — только глубинную структуру 'go into a state' Предложению *Иван будет писать* приписывается следующая структура:

Ivan — go into — Ivan be in writing [43/264]

Шведский лингвист Туре Петтерссон в начале своей книги выдвигает справедливое утверждение: ни вид, ни глагольное

время (tense) «не являются фундаментальными категориями; они — поверхностные репрезентации, отвечающие многим различным фундаментальным категориям, некоторые из которых могут быть анализируемы в терминах синтаксических признаков» [52/14]⁴. Однако в результате последующих рассуждений Петтерссон выделяет не универсальные семантико-синтаксические компоненты, не элементы «подразумеваемого» в смысле Э. Кошмидера («*Intantum*») и не признаки типа «целостность», «процессность», «локализованность» и т. д., как в схеме А. В. Бондарко, но значительно более абстрактные и, как представляется, лишь весьма приблизительно отвечающие языковым фактам идеи, единые для различных типов глагольных и неглагольных предикатов, а именно: 1) Activity и 2) Time.

«Activity» понимается здесь не в таком смысле, как в статье Э. Даля (см. выше, в разделе 5). У Петтерссона это не обязательно деятельность, направленная на осуществление какого-то процесса — ряда изменений. Признак Activity получает положительное значение (плюс) везде, где мы имеем дело с чем-то преходящим, эпизодическим, случайным, напр. *Он курит* в смысле 'he is smoking', 'он курит в данный момент', также *Он выкурил (выкурит) папиросу* и — в адъективных предикатах — *Он болен, Он зол*. При отрицательном значении (минус Activity) речь, напротив, идет о чем-то постоянном или потенциальном, напр. *Он курит* в смысле 'he smokes', 'он вообще курит', 'он — курящий', также и в адъективных предикатах типа *Он больной, Он злой* [52/24, 121 и др.]. Паневова и Сгалл [48/296] и [49/21] считают, что «Activity» Петтерссона близка к понятию «актуальности», используемому в ряде работ по аспектологии. Сам же Петтерссон приравнивает в одном месте [52/92—93] вводимое им понятие к «локализованности действия во времени», что, вероятно, не совсем правильно. В общем как содержание термина «Activity», так и объем этого понятия не определены в книге достаточно ясно (ср. и многочисленные критические замечания по этому поводу в рецензии Бригитты Хальтоф [35]).

Поскольку в случае НСВ признак «Activity» может получать как положительное, так и отрицательное значение, и, с другой стороны, при «плюс Activity» глагол может выступать и в СВ, и в НСВ, в дальнейшем описании вида используется признак «Time». Это понятие Петтерссон строго отличает от tense, категории, устанавливающей соотношение между временем действия и временем высказывания об этом действии. Признак «Time» получает положительное значение там, где «время,

⁴ Как отмечает в рецензии на книгу Петтерссона Б. Хальтоф, «синтаксическими признаками» названы в этой книге (в соответствии со словоупотреблением Хомского) семантические признаки, релевантные для синтаксических описаний, см. [35/105].

автоматически подразумеваемое данной временной формой, оказывается действительно релевантным для содержания высказывания. Это имеет место либо при указании, что осуществление действия распространяется на определенный период, либо при выражении контраста между осуществлением действия и каким-то другим моментом времени... , например, «настоящим моментом» [52/121]. Так, в примере *Когда я вошел в комнату, он выскочил из окна* [52/108] время является релевантным для содержания главного предложения (прыжок из окна имел место именно в тот момент, который указан с помощью придаточного); в примере же *Когда я вошел в комнату, он сидел за столом* время в главном предложении нерелевантно (он сидел не только в тот момент, когда я вошел, но, очевидно, и до, и после этого момента). Для придаточного предложения время является здесь релевантным в обоих примерах, почему и употреблен СВ. Вообще время, специфицированное положительно, т. е. признак «плюс Time», характеризует все случаи СВ, а в адъективных и субстантивных предикатах — творительный падеж (*Комната была угловой, Он был учителем, Он здесь учителем*). Напротив, признак «минус Time» «характеризует (в рамках «плюс Activity») все случаи НСВ, в адъективных предикатах — именительный падеж полной формы (*Он больной, Он злой*), а также, в определенных рамках, именительный падеж в субстантивных предикатах (*Он здесь учитель*).

В целом концепция Петтерссона представляется более содержательной и, может быть, более перспективной, чем концепция Миллера, хотя ни та, ни другая пока не дает ключа ни к действительному содержанию, ни к практическому употреблению категории глагольного вида. Как справедливо отмечает Б. Хальтоф, с помощью инвентаря признаков, постулируемых Петтерссоном, «невозможно проверить правильность выбора вида в конкретных предложениях» [35/116]. Не даром алгоритмы выбора вида, предложенные в литературе, строились, как мы увидим в следующем разделе обзора, на иных основаниях.

8. Употребление вида в различных контекстуальных условиях. Построение алгоритмов для выбора СВ и НСВ.

Вопросы употребления СВ и НСВ в различных контекстуальных условиях обсуждались в ряде работ. В частности, отметим исследования Отто Трёбеса, посвященные тщательному рассмотрению конструкций с инфинитивом, — [64, 65, 66, 67] и, в соавторстве, [26, 32, 37] и [39]. В этих работах на большом материале, со статистическими подсчетами, исследуется употребление вида как в управляющем глаголе (*хотеть*)

захотеть, приходится/приятись, удаваться/удаться и т. п.), так и в зависимом инфинитиве. Например, для сочетания *уда(ва)ть-ся* + инфинитив учтено 26 типов структур; количественное соотношение *удаться* : *удаваться* в обследованных текстах в среднем = 3 : 1, количественное соотношение СВ : НСВ в зависимом инфинитиве = 9 : 1. Между видом управляющего и управляемого члена существует некоторая связь, выражающаяся в сдвигах процентных соотношений. Так, при *удаться* инфинитив СВ употреблен не в 90, а в 95,1% случаев, а на долю имперфективного инфинитива приходится таким образом только 4,9%; напротив, при *удаваться* наблюдается сдвиг в другую сторону: соответственно 72% и 18% (без учета предложений с отрицанием) [26/44].

В других работах рассматривается употребление видо-временных форм русского глагола в разных временных планах и типах контекстов, напр. в [24] — употребление исторического настоящего; в [14] — перфектный и аористический оттенки значения форм прошедшего времени (и некоторых других форм); в [46] — употребление вида в так наз. «вневременных» предложениях; в [2] — употребление вида и времени в сочетаниях с *пока* и *пока не*; в [69] — некоторые случаи синонимии и конкуренции видов.

Интересна попытка наглядного графического представления видо-временной структуры русского повествовательного текста, предпринятая в [31] Дж. Форсайтом. Форсайт анализирует следующий отрывок из рассказа К. Паустовского «Ленька с Малого озера» (в скобках порядковые номера предложений — или предикатов предложений — как они даны в книге Форсайта):

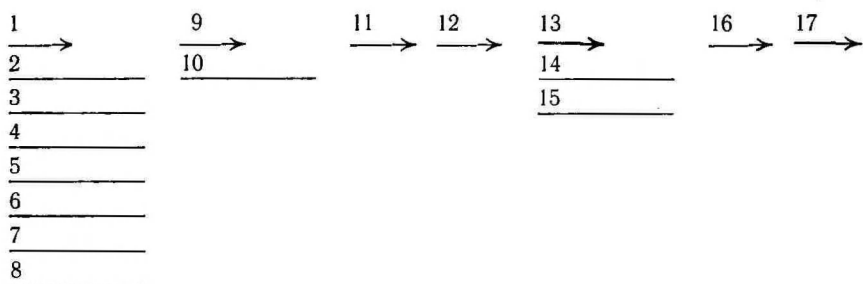
(1) К трем часам дня мы вышли на песчаный бугор среди болот... (2) День быстро темнел, (3) сумерки уже зарождались под неприветливым небом, (4) и приближалась ночь... (5) Мы кричали (6) и прислушивались. (7) Ветер шумел в ответ в мертвых чащах (8) и приносил хриплое карканье вороньих стай. (9) Потом где-то за краем земли и болот послышался ответный крик, протяжный и слабый. (10) Голос приближался. (11) Затрещал осинник, (12) голос послышался совсем рядом, (13) из чащи вышел веснушчатый мальчик... (14) Он осторожно шагал по валежнику босыми ногами (15) и нес в руках старые сапоги. (16) Он пошел к нам (17) и застенчиво поздоровался.⁵

Приведя этот отрывок, Форсайт пишет: «Каждый перфектив обозначает здесь какое-то новое событие (event), которое

---

⁵ Текст сверялся по изданию: К. Паустовский. Собрание сочинений в шести томах, т. IV, ГИХЛ, М. 1958 (см. с. 593). При этом однако опущенные Форсайтом (замененные многоточиями) части текста (а также разбивка на абзацы) не восстанавливались. Отмечу, что Форсайт опустил в тексте не только элементы, не влияющие на видовременную структуру, но — в одном случае — и самостоятельный предикат: после 13-го предложения у Паустовского следует: «Было ему лет двенадцать».

вызывает или, по крайней мере, знаменует переход к новому положению дел и, таким образом, продвигает повествование вперед. Напротив, имперфективы не изображают динамических изменений, а сообщают о фактах, составляющих, скорее, задний план, — о длившихся состояниях (7), постепенно развивавшихся изменениях (2 и 3), повторявшихся действиях (5 и 6) и т. д. Все такие факты сопровождают какие-то другие в рамках одного и того же отрезка времени; отчетливые указания на смену или последовательность событий отсутствуют. В противоположность перфективам, имперфективы имеют тенденцию задерживать, приостанавливать поступательный ход повествования» [31/10]. На основе процитированного рассуждения Форсайт представляет видо-временную структуру анализируемого отрывка следующей диаграммой:

Стрелки соответствуют здесь «событиям», обозначенным формами СВ, а параллельные стрелкам простые горизонтальные линии — «статическим впечатлениям», стоящим за формами НСВ. По вертикали, в одном столбце, располагается все то, что совершается более или менее одновременно; по горизонтали же слева направо разворачивается поступательное движение повествуемых событий: каждый новый столбец — новый этап, и открывается каждый новый столбец «событием», выраженным с помощью СВ. Думается, что схема Форсайта может быть применена с рядом добавлений или изменений и для других, более сложных случаев совместного использования в текстах форм обоих видов. В советской лингвистической литературе отчасти сходную систему обозначений применил А. В. Бондарко, см. [5/26—27], который для форм СВ пользуется, однако, вертикальными линиями, а также вводит ряд новых символов. Вероятно, такие или подобные методы графического представления видо-временной структуры текста могут быть очень полезными и в работах по сопоставительной аспектологии.

Интересны предпринимавшиеся в последние годы и в советском, и в зарубежном языкознании попытки построения ал-

горитмов для выбора СВ и НСВ. Первая разработка такого рода была предложена в 1963 г. А. Б. Долгопольским, см. [11]. Более полные алгоритмы разработали затем Вольфганг Шпербер, [62] и [63]; М. А. Шелякин, [56]; Бригитта Хальтоф, [33] и [34].

Развивая идеи Долгопольского, В. Шпербер стремится учесть в своем алгоритме: 1) контекстуальные условия — грамматическую форму глагола, семантическую или грамматическую группу, к которой принадлежит глагол, ближайший и дальнейший контекст, общий тип текста (последнее равно «прагматическому контексту» Долгопольского); 2) внеконтекстные условия — дополнительную (внеязыковую) информацию о действии, сведения о синонимических способах выражения того же содержания, возможные трансформации и возможные переводы на другие языки [62/70]. Алгоритм открывается правилами, носящими категорический характер, касающимися абсолютных *imperfectiva* и *perfectiva tantum* и грамматических форм, представленных только в одном НСВ. Затем следуют правила, связанные с наличием в контексте некоторых обстоятельственных слов и конструкций (напр. типа *по целым часам, вечерами, вновь и вновь, едва не* и мн. др.), а далее — всё усложняющиеся правила, связанные с взаимодействием нескольких разных факторов. Так, если глагол является переходным (кроме глаголов делимитативного и ингрессивного способов действия), а объект не назван и даже не подразумевается, избирается НСВ (*Вчера Нина шила на машине. Ешьте! Пейте!*). Если же при переходном глаголе имеется дополнение с указанием количества или меры или дополнение в родительном партиципном, обычно избирается СВ. При составлении конкретных правил Шпербер широко использует материалы А. А. Спайсис [17] и отчасти других советских авторов. В другой статье Шпербер строит более детальный алгоритм выбора вида только для претеритальных форм [63]. В этом случае он начинает с правил, отражающих семантическую обусловленность выбора вида (типа «если должно быть выражено то-то, избирается такой-то вид»). Лишь на дальнейшем этапе включаются правила, связанные с окружением глагольной формы. Весь алгоритм подчинен идее привативного характера оппозиции СВ : НСВ с маркированным членом СВ и в своей основной части строится на строго бинарном принципе (да/нет), эксплицитно отраженном в самой формулировке правил.

Говоря об алгоритмах выбора вида, нужно сказать, хотя бы кратко, и о работе одного советского лингвиста, опубликованной в ГДР по-немецки. Имеется в виду статья М. А. Шелякина [56]. Алгоритм, предложенный Шелякиным, точнее — два алгоритма, один для «политемпоральных» (т. е. многократных и постоянных) и другой для «монотемпоральных» (одно-

кратных) действий, исходят из того содержания, которое предполагает выразить говорящий, причем широко используются частные видовые значения и некоторые оттенки этих значений. В рамках каждой рубрики учитываются различия, наблюдаемые между временными формами. В случаях «конкуренции видов» даются краткие разъяснения о некоторых семантических нюансах, связанных с выбором СВ или НСВ.

Модель, разработанная Б. Хальтоф, [33/737 след.] и [34/146 след.], состоит из двух «частичных моделей» — семантической и дистрибуционной. Семантическая модель исходит из смыслового анализа глагольного предиката по выделенным автором семантическим признакам (см. в первой части этого обзора раздел 3): определенные признаки и определенные комбинации признаков требуют определенного вида. Дистрибуционная модель⁶ учитывает синтаксическое окружение глагольной формы, наличие в этом окружении факторов, предопределяющих выбор вида примерно таким же образом, как в алгоритмах В. Шпербера. Например, *всё* + сравнит. степень наречия однозначно требует НСВ (*все больше хмурился*) [34/147], *множественно* — также НСВ (*множественно делались расчеты*), а *вот-вот* и *удаться* требуют СВ (*вот-вот появится...*, *удастся найти*) [33/737]. Некоторые из приведенных правил нуждаются в уточнении и поправках. Так, Вильма Барнетова справедливо указала на то, что при *множественно* вполне возможен и СВ (*множественно испытанное недовольство*) [21/14]; Трёбес и Бурсиан регистрируют после *удаться*, как отмечено выше, в 4,9% случаев НСВ (напр. *удалось наблюдать*), см. [26/45]. Там, где, согласно Хальтоф, ее дистрибуционная модель не дает однозначного решения (т. е. контекст допускает в принципе и СВ, и НСВ), вступает в силу семантический анализ. Например, в сочетании с *один за другим* (указывающим на признак D_i — дистрибутивность действия) возможны оба вида (*минометы один за другим замолкли/замолкали*). Преобладающей тенденцией оказывается здесь использование НСВ (впрочем, конкретные количественные данные не приводятся), а СВ стоит там, где кроме признака D_i представлен — и доминирует над D_i — признак R (результативность) [34/147—148].

В настоящее время еще трудно сказать, какой путь построения алгоритма удачнее, т. е. какое из алгоритмических описаний синтаксического функционирования вида окажется более перспективным; вероятно, права Б. Хальтоф, когда она утверждает: «Правильный путь следует искать в разумном сочетании семантического и синтаксического исследования, при котором

---

⁶ В печатных работах Хальтоф изложены лишь отдельные фрагменты ее дистрибуционной модели. Полный текст диссертации Хальтоф «Zur Modellierung des Aspektgebrauchs in der modernen russischen Literatursprache» (Лейпциг, 1966) не был опубликован.

описание с помощью комбинации семантических признаков должно идти рука об руку с тщательным анализом контекстов» [22/488]. Это сказано не специально в связи с построением алгоритмов выбора вида, а вообще применительно к перспективам развития аспектологии. Но представляется, что и по отношению к алгоритмическим методам исследования это очень правильно. Вообще же, если иметь в виду практические задачи, особенно такие, как эффективное обучение русскому языку тех, для кого он не является родным, алгоритмическое описание должно выдвигаться на все более и более заметное место в аспектологической литературе. И сейчас перед теорией глагольного вида все отчетливее вырисовывается задача активно помочь практике в этом важном и трудном деле.

* *
*

Заканчивая наш обзор, отмечу еще раз, что мне удалось затронуть в нем лишь часть проблем, обсуждавшихся за последние годы в литературе по русской аспектологии. Многие вопросы были сознательно оставлены в стороне, в частности — большинство вопросов, связанных с сопоставительными исследованиями. Упомяну лишь, что соответствующие разработки носили как характер внутриславянских сопоставлений, например в работах Св. Иванчева [12, 13], Я. Паневовай и П. Сгалла [49], Э. Секаниновой [58, 59, 61], так и характер конфронтации русского языка с неславянскими, напр. у Б. Хальтоф и А. Штойбе [36] — с немецким. Вовсе не были затронуты в обзоре диахронические исследования по аспектологии (впрочем, в последние годы немногочисленные). Автор обзора вполне допускает, что и в отборе центральных проблем аспектологии, и, тем более, в оценках он проявил известную долю субъективизма. Но ... человек не может уподобиться компьютеру, да и не должен к этому стремиться.

ЛИТЕРАТУРА

Сокращенные обозначения периодических изданий: ВЯ = Вопросы языкознания; ИАН = Известия Академии наук СССР; CSR = Československá rusistika; JazC = Jazykovedný časopis; RL = Russian Linguistics; RLBr = Recueil linguistique de Bratislava; SaS = Slovo a slovesnost; WZ Univ. Halle (или Päd. Hochsch. Dresden и т. п.), GSR = Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Halle (или der Pädagogischen Hochschule Dresden и т. п.) Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe; ZfS = Zeitschrift für Slawistik.

1. Авилова Н. С. Категория вида глагола в ее отношении к словоизменению. — ИАН, Серия лит. и языка, т. 31, 1972, вып. 3, 264—271.
2. Барентсен А. А. 'Вид' и 'время' в предложениях, содержащих слово *пока*. — Dutch Contributions to the VIIth International Congress of Slavists. The Hague—Paris, 1973, 33—94.

3. Барентсен А. А. К описанию семантики категорий 'вид' и 'время'. На материале современного русского литературного языка. — Tijdschrift voor Slavische Taal- en Letterkunde, 1973, № 2, 5—32.
4. Богуславский Анджей. Перфективные глаголы в русском языке. — Slavia, 32, 1963, вып. 1, 17—35.
5. Бондарко А. В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений. — В кн.: Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973, 5—31.
6. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
7. Вопросы глагольного вида. Сборник. М., 1962.
8. Гоугаард Кристиан (Hougaard, Chr.). Выражает ли *о-/об-* совершаемость? — Scando-Slavica, 19, 1973, 119—125.
9. Грицкат Ирена. Префиксација као средство граматичке (чисте) перфектизације. — Јужнословенски филолог, 27, св. 1—2, 1966—1967, 185—221 (резюме по-русски 222—223).
10. Гуляницкий Лев. Несколько замечаний по поводу статьи Дж. Миллера 'Towards...' [см. 41] — RL, 1, 1974, № 1, 47—51.
11. Долгопольский А. Б. Категория вида в русском языке и вероятностный характер связи означаемого с означающим. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1963. М., 1963, 226—281.
12. Иванчев Светомир. За някои основни сходства и разлики между славянските езици в областта на глаголният вид. — Славянска филология, 12, София, 1973, 131—152.
13. Иванчев С. Морфо-семантико-функционална теория глагольного вида в славянских языках и специфика болгарского языка. — Балканско езиковедие, XVII, 3, София, 1974, 23—34.
14. Лёнгрен Леннарт (Lönnngren, L.). О противопоставлении аористического и перфектного значений у русского глагола — Scando-Slavica, 19, 1973, 103—110.
15. Маслов Ю. С.. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. — ИАН, Отд. лит. и языка, 7, 1948, 303—316.
16. Секанинова Элла. К вопросу «третьей ступени видового образования». — RLBg, 3, 1972, 79—84.
17. Спагис А. А. Образование и употребление видов глагола в русском языке. М., 1961.
18. Тихонов А. Н. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования. — ВЯ, 1964, № 1, 42—52.
19. Холодович А. А. О предельных и неопредельных глаголах (по данным корейского и японского языков). — Филология стран Востока, Л., 1963, 3—11.
20. Цыганова В. Н. Из наблюдений над лексической синонимикой глаголов в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1953.
21. B arnetová, Vilma. Sémanticko-distribuční model kategorie vidu v současné ruštině [рецензия на 33 и 34]. CSR, 16, 1971, № 1, 12—17.
22. Bartschat [в более ранних работах: Haltorf], Brigitte. Die Behandlung des Verbalaspekts auf dem VII. Internationalen Slawistenkongreß in Warschau. — ZfS, 19, 1974, 475—488.
23. Beiträge zur Erforschung der russischen Gegenwartssprache. — Wissenschaftliche Beiträge der Universität Halle-Wittenberg. 1969/9 (F 4), Halle (Saale), 1969 [Ряд статей по вопросам аспектологии, три из которых указаны ниже отдельно под номерами 24, 26 и 29].
24. Boeck, Wolfgang. Das Präsens historicum — absoluter oder relativer Tempusgebrauch? — Beiträge zur Erforschung... [см. 23], 20—28.
25. Bogusławski, Andrzej. Prefiksacja czasownikowa we współczesnym języku rosyjskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963.
26. Bursian, Irmgard/Troebes, Otto. *Удаться/удаваться* in der Rede-

- folge. Ein Beitrag zu den linguistischen Grundlagen der Sprachfertigkeit im Russischen. — Beiträge zur Erforschung... [см. 23], 37—45.
27. Communications et rapports de la délégation française au Ve Congrès International des Slavistes — Revue des Études Slaves, 42, 1963, 137—155.
  28. Dahl, Osten. Some Suggestions for a Logic of Aspects. — Göteborg Contributions, to the 7th International Congress of Slavists in Warsaw..., Slavica Gothoburgensia, 6, 1974, 21—35.
  29. Engelbrecht, Dieter. Zur Aktionsart der mit *за-* präfigierten russischen Verben. Beiträge zur Erforschung... [см. 23], 47—56.
  30. Foote, I. P. Verbs of Motion. — Studies in the Modern Russian Language, 1—2, ed. by D. Ward. Cambridge, 1967, 4—33.
  31. Forsyth, J. A Grammar of Aspect. Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge, 1970.
  32. Grosche, Ingrid/Troebes, Otto. *Должен* in der Redefolge — WZ Univ. Halle, GSR, 14, 1965, Heft 6, 419—422.
  33. Haltof, Brigitte. Die Aspekte des modernen Russischen. Versuch einer semantischen und distributiven Modellierung. — ZfS, 12, 1967, 735—743.
  34. Haltof, B. Ein semantisches Modell zur Aspekt determinierung im modernen Russischen. — Probleme der strukturellen Grammatik und Semantik herausgegeben von R. Růžička. Leipzig, 1968, 139—150.
  35. Haltof, B. [Рецензия на 52] — ZfS, 19, 1974, 104—116.
  36. Haltof, B./Steube, A. Zur semantischen Charakterisierung der Tempora im Russischen und Deutschen. — Linguistische Arbeitsberichte (1), Leipzig, 1970, 37—52.
  37. Häusler, Elen/Troebes, Otto. *Следовать* in der Redefolge. — WZ Univ. Halle, GSR, 14, 1965, Heft 6, 407—418.
  38. Kopečný, František. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962.
  39. Mattusch, Ebeltraud/Troebes, Otto. *Надо/нужно* in der Redefolge. — WZ Univ. Halle, GSR, 14, 1965, Heft 2, 81—85.
  40. Miller, Jim E. Stative Verbs in Russian. — Foundations of Language, 6, 1970, 488—504.
  41. Miller, J. E. Towards a generative semantic account of aspect in Russian. — Journal of Linguistics, 8, 1972, 217—249.
  42. Miller, J. E. Further Remarks on Aspect: A Reply to L. Hulanicki. — RL, 1, 1974, № 1, 53—58.
  43. Miller, J. E. 'Future Tense' in Russian. — Там же, № 3/4, 255—270.
  44. Mulisch, Herbert. Resultativität der Handlung — Aktionsart oder Aspektbedeutung? — WZ Päd. Hochsch. Dresden, 1, 1971, 63—65.
  45. Müller, Oskar. Zur Stellung der Verben mit *préverbes vides* im russischen Aspektsystem. — ZfS, 9, 1964, 213—220.
  46. Müller, O. Bemerkungen zur Relevanz des slawischen Verbalaspekts in sogenannten zeitlosen Sätzen. — Zeitschrift für Phonetik, 20, 1967, 339—342.
  47. Panevová, Jarmila/Benešová, Eva/Sgall, Petr. Čas a modalita v češtině. Praha, 1971 (Acta Universitatis Carolinae, Philologica, Monographia XXXIV).
  48. Panevová, J./Sgall, P. Slovesný vid v explicitním popisu jazyka. — SaS, 23, 1972, 294—303 [с резюме на немецком языке].
  49. Panevová, J./Sgall, P. Čas a vid českého a ruského slovesa. — Slavica, 42, 1973, 16—24.
  50. Peciar, Stefan. K problému čisto vidových predpón. — JazC, 19, 1968, 216—230.
  51. Peciar, St. Der Verbalaspekt und der Umfang des Verballexems. — RLBr, 3, 1972, 61—72.
  52. Pettersson, Thore. On Russian Predicates. A Theory of Case and Aspect. Göteborg, 1972 (Slavica Gothoburgensia, 5).
  53. Piernikarski, Cesar. Typy opozycji aspektowych czasownika polskiego na tle słowiańskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969.
  54. Piernikarski, C. Kryteria klasyfikacji rodzajów akcji (Aktionsart) w

- językach słowiańskich. — Z polskich studiów slawistycznych. Seria 4. Językoznawstwo. Warszawa, 1972, 273—282.
55. Richter, Joachim. Aktionsart und Aspektkorrelation in der russischen Gegenwartssprache — WZ Päd. Hochsch. Dresden, Heft I, 1971, 78—82.
  56. Scheljakin, M. A. Der Gebrauch der Aspekt- und Tempusformen des Indikativs in der russischen Sprache. Versuch einer algorithmischen Beschreibung. — Fremdsprachenunterricht, 13, 1969, 108—120.
  57. Schooneveld, Cornelis. On the Opposition determinate-indeterminate in the Contemporary Standard Russian Verb. — American Contributions to the 6th International Congress of Slavists, vol. I, the Haag—Paris, 1968.
  58. Sekaninová, Ella. Analýza sémantiky komponentov v predponovom slovese. — Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české. 3. O ruském slovese. Praha, 1968, 232—286 [и русское резюме 295—296].
  59. Sekaninová, E. Slovesná predpona *do-* v ruštine a slovenčine — CSR, 16, 1971, 193—199.
  60. Sekaninová, E. Obsah «aspektuálnosti» ako funkčno-sémantickej kategórie. JazC, 24, 1973, 184—188.
  61. Sekaninová, E. Distributívnosť ako spôsob slovesného deja (Štruktúrnosémantická analýza predponových distributívnych slovies v slovenčine a ruštine) — Štúdie z porovnávacej gramatiky a lexicológie. Bratislava, 1974, 58—89 [русс. и англ. резюме, 90—91].
  62. Sperber, Wolfgang. Bemerkungen zur Darstellung des Aspektgebrauchs im Russischen. — WZ Univ. Leipzig, GSR, 14, 1965, Heft I, 69—75.
  63. Sperber, W. Zum Aspektgebrauch im Präteritum des Russischen. — Там же, 17, 1968, Heft 2/3, 139—142.
  64. Troebes, Otto. *Мочь* in der Redefolge. — WZ Univ. Halle, GSR, 13, 1964, Heft 4, 255—259.
  65. Troebes, O. (*Захотеть(ся)*) in der Redefolge. — Там же, 261—263.
  66. Troebes, O. *Приходиться/прйтись* in der Redefolge. — Там же, 265—268.
  67. Troebes, O. *Чтобы* in der Redefolge. — Там же, 15, 1966, Heft 5, 727—749.
  68. Veurenc, Jacques. Un problème de formes concurrents dans l'économie de l'aspect verbal en russe: imperfectifs premiers et imperfectifs seconds. — Slavica, 5, Debrecen, 1965, 133—153.
  69. Veurenc, J. Aspect et synonymie syntaxique. — VIe Congrès International des Slavistes, Prague, 7—13 août 1968. Communications de la délégation française et de la délégation suisse. Paris, 1968, 143—155.
  70. VII Międzynarodowy Kongres Slawistów, Warszawa, 21—27. VIII. 1973. Streszczenia referatów i komunikatów. Warszawa, 1973.

К ВОПРОСУ О НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ВИДА В ИСТОРИЧЕСКОМ НАСТОЯЩЕМ ЕДИНИЧНОГО ДЕЙСТВИЯ

Ф. Ф. Авдеев

1. Употребление глагольных видов в славянских языках в последние годы стало предметом пристального внимания лингвистов [См. следующие работы и библиографию в них: 5; 9; 30*]. Большой интерес представляет функционирование категории вида в связи с функционированием времен. «Виды употребляются по-разному не только в разных временах, но и в зависимости от той или иной функционально-семантической разновидности одного и того же времени» [6/177].

В этом отношении особый интерес представляет употребление несовершенного (НСВ) и совершенного (СВ) видов в плане исторического настоящего в современном русском языке, «так как вполне допустимо предположить, что категория времени, тесно связанная с видом, при транспозитивном своем функционировании как-то изменяет видовую семантику» [17/96]. Кроме кандидатской диссертации А. В. Бондарко [1], специальных работ, посвященных этому вопросу, в русском языкознании нет [в зарубежном языкознании: 32; 33; 35]. Встречаются лишь отдельные замечания в связи с анализом других языковых явлений.

Трудно переоценить вклад, внесенный в исследование данной проблемы работами А. В. Бондарко. В них намечены и, на наш взгляд, в основном верно решены многие вопросы функционирования категории вида в историческом настоящем. Однако применительно к русскому языку эта проблема требует дальнейшего изучения.

Прежде чем перейти к рассмотрению исследуемой проблемы, необходимо отметить, что мы разделяем точку зрения, которая в определении инвариантного значения НСВ и СВ опирается на идею «неделимой целостности», и вслед за М. А. Шеляки-

---

* Здесь и далее в скобках указаны номера работ согласно списку, помещенному в конце статьи. После косой черты указываются страницы.

ным [31] исходим из понимания несовершенного вида как положительно характеризованного и основного в оппозиции НСВ/СВ и признаём маркированность-немаркированность форм только в плане их функционирования, а не в плане их семантического содержания.

В современном русском языке историческое настоящее может стоять на месте глаголов прошедшего времени совершенного и несовершенного видов. И само историческое настоящее представлено также имперфективными и перфективными глагольными формами. Правда, удельный вес, роль и сфера распространения каждой из них далеко не одинаковы. Обратимся к примерам.

1. Я, значит, к командирской землянке и уже на ступеньках *слышу* — разговор серьезный. Точнее, громкий разговор. [...] *Захожу*, оба *смолкают*. *Сидят*, друг на друга *не смотрят*. *Спрашиваю* как можно ласковее: «Что случилось, Ульянка?» — «А что случилось — требуют Мороза. Иначе, сказали, ребятам повесят. Мороз им нужен.» — «Ты слышишь? — *кричит* командир. — И она с этим пришла в лагерь. Так им Мороз и побежит. Нашли дурака!» Ульянка *молчит*. Она уже *накричалась* и, наверно, больше *не хочет*. *Сидит*, *поправляет* белый платок под подбородком (В. Быков). Ср.: *услышал, зашел, смолкли, сидели, смотрели, спросил, кричал, молчала, не хотела, сидела, поправляла*.

2. На тополе, возле скворечника, пара воробьев. Они *распускают* крылышки и с отчаянным чириканьем *наскакивают* друг на друга. Они *спорят*, кому занять для гнезда этот уютный домик. Наконец более решительный и смелый *прогоняет* другого. Он одержал победу. Весело чирикнув, победитель *скрывается* в скворечнике, потом, выбравшись из него, *улетает* куда-то и через минуту *возвращается* с перышком в клюве (Г. Скребицкий). Ср.: *распускали (распустили), наскакивали (наскочили), спорили, прогнал, скрылся, улетел, возвратился*.

3. Когда же, бывало, на ученика нападал столбняк, он либо смущался или из упрямства не хотел отвечать, то Лев Николаевич просил ученика прыгать. [...]

Мы *подхватим* его и *начинаем прыгать*, как толкачи (В. Морозов). Ср.: *начнем прыгать*, или: *подхватываем* и *начинаем прыгать*, *подхватывали* и *начинали прыгать*.

Во всех приведенных примерах мы видим историческое настоящее несовершенного вида, употребленное не только вместо имперфективного, но и вместо перфективного претерита. Как же квалифицировать эти факты? Почему на месте формы совершенного вида оказывается возможной форма несовершенного

вида, и смысл высказывания не изменяется? Значит, небезосновательным было указанное выше предположение А. М. Ломова о том, что транспонированное время как-то изменяет видовую семантику? Какую же роль выполняет в настоящем историческом категория вида?

На этот счет существуют различные мнения.

Одной из первых следует назвать точку зрения А. Н. Гвоздева, ибо она в общих чертах, как представляется, верно отражает суть вопроса. А. Н. Гвоздев пишет, что в настоящем историческом «видовые различия нейтрализованы» и его формы являются формами «общего вида» [10, 10, 14].

У Ю. С. Маслова читаем, что по отношению к формам настоящего исторического в болгарском языке можно говорить о «фикции процессности», «по существу... несовершенное настоящее скорее всего только указывает на факт в последовательном ряду других фактов» [20/251]. В другой своей работе Ю. С. Маслов прямо констатирует, что в русском языке глаголы несовершенного вида в функции исторического настоящего выражают «значение действия «в общем смысле» [19/311].

О констатации факта некачественного действия-состояния пишет Ф. Хеббель [32]. О простом названии действия в настоящем историческом говорит также Н. С. Пospelов [25/226].

Р. Мутафчиев также считает, что настоящее время в значении прошедшего указывает лишь на факт в последовательном ряду других фактов в рассказе о прошлых событиях без подчеркивания процессности самого действия; процессное значение формы настоящего времени ослабевает до того, что совсем исключается из сознания [34/44].

В. В. Гуревич в настоящем историческом видит явление, «близкое к нейтрализации видового противопоставления» [11/78].

А. В. Бондарко пишет, что в настоящем историческом «конкретно-фактическое действие фигурально представляется как конкретно-процессное» [6/233]. При этом А. В. Бондарко вполне оправданно говорит о нейтрализации видового противопоставления, но под нейтрализацией он понимает импликацию, т. е. расширение семантической сферы несовершенного вида за счет совершенного и включение в компетенцию несовершенного вида тех функций, которые в других условиях выполняются совершенным видом [6/232; 4/192]. По сути дела, с импликацией связывает нейтрализацию и В. В. Гуревич [11/78]. Однако, на наш взгляд, ни импликацией, ни реализацией позиции противопоставления невозможно объяснить допустимость замены в третьем примере формы *начинаем* формой *начнем*: ведь с этой заменой семантическое видовое противопоставление вовсе не

восстанавливается, вторая форма передает то же значение. Следовательно, форма *начинаем* употреблена здесь и не в своем исконном значении, а в каком-то другом.

При таком понимании нейтрализации не поддаются объяснению также те случаи настоящего исторического, которые совсем не соотносятся с совершенным видом ни в плане прошедшего времени, ни в плане исторического настоящего, ср. из первого примера действия: *сидят, не смотрят, молчит, не хочет, сидит, поправляет*.

Поэтому «и с теоретической, и с исследовательской точек зрения более целесообразным представляется рассматривать отношения инвариантных значений видов по аналогии с нейтрализуемыми фонологическими оппозициями. В этом случае, имея в виду план содержания грамматической категории, можно говорить о двух противоположных значениях видов и значении в позиции их нейтрализации, при которой видовое противопоставление снимается и выступает только семантическая основа противопоставления (основание для сравнения, общие признаки) — сам факт осуществления действия на линии времени безотносительно к его целостному/нецелостному проявлению» [31. В этой же работе см. обоснование такого понимания нейтрализации].

Поскольку при нейтрализации существенные для оппозиции признаки теряют свою силу, снимаются, а остаются только признаки, являющиеся общими для членов оппозиции, то форма несовершенного или совершенного вида в позиции нейтрализации должна выражать просто некачественное действие-состояние, т. е. выступать в роли обобщающего обозначения, что как раз и подтверждается теми случаями, в которых наблюдается возможность взаимной замены наших форм без изменения содержания высказывания. А те позиции, которые и в плане прошедшего, и в плане настоящего исторического допускают употребление только формы несовершенного вида, мы считаем релевантными в видовом отношении и относим к позициям мнимой нейтрализации, т. е. «жестким» позициям, связанным с употреблением только одного вида [30/107].

Таким образом, историческое настоящее в современном русском языке включает релевантную и нерелевантную в видовом отношении позиции. Релевантность видового противопоставления проявляется в позиции мнимой нейтрализации, а нерелевантность — в позиции истинной нейтрализации. Последняя представлена в двух типах: 1) константной нейтрализации и 2) вариантной нейтрализации.

Рассмотрим позицию истинной нейтрализации, которую мы в работе называем просто нейтрализацией.

2.1. Как известно, в современном русском языке историческое настоящее представлено в основном формами несовершен-

ного вида. Употребление глаголов совершенного вида в историческом настоящем довольно ограничено: они используются лишь для выражения некоторых специальных значений и повторяющихся в прошлом действий.

По-разному распределяются виды глагола также в сферах единичных и повторяющихся действий. Если в сфере повторяющихся действий формы совершенного вида, можно сказать, равноправны с формами несовершенного вида, то в сфере единичных действий безраздельно господствуют формы несовершенного вида, а совершенный вид представлен лишь в специализированном употреблении, в некоторых модальных значениях.

Мы уже отмечали, что в упомянутой диссертации А. В. Бондарко многие из этих фактов получили подробное и в основном правильное объяснение. Однако отдельные вопросы, на наш взгляд, требуют иной интерпретации. Это касается, главным образом, тех моментов, которые непосредственно связаны с иным пониманием А. В. Бондарко процесса нейтрализации.

А. В. Бондарко подчеркивает, что «в историческом настоящем при обозначении единичных, неповторяющихся действий видовое различие исчезает, противопоставление несовершенного вида совершенному отсутствует, несовершенный вид теряет свою соотносительность с совершенным и выступает как единственно возможная в данном временном плане видовая форма глагола» [1/48]. И далее, отметив все-таки, что в рамках исторического настоящего «обнаруживаются известные различия», связанные с тем, что соответствует форме несовершенного вида при переводе контекста в план прошедшего времени (так же несовершенный или совершенный вид), А. В. Бондарко пишет: «... термин Э. Кошмидера (речь идет о термине «несобственная несовершенство» — Ф. А.) неудачен, так как он как будто указывает на какие-то качественные различия в выражении значения несовершенного вида. На самом деле как раз с этой точки зрения оба случая ничем не отличаются друг от друга. Как те формы, которым в прошедшем времени соответствует несовершенный вид, так и те, которым соответствует совершенный, в равной мере выражает значение несовершенного вида, обозначая действие в его течении и действие как процесс» [1/51]. Выделено нами — Ф. А.]

Если обратиться к примерам и сравнить роль и значение форм имперфективного презенса, то можно обнаружить, что они не во всех случаях одинаковы.

4. Раздатчица вытерла руки полотенцем и *уходит*. Вместо нее на раздаче *появляется* подмена — другая, тоже пожилая и тоже уставшая женщина (В. Солоухин). Ср.: *ушла, появилась*.

5. Я *наклоняюсь* к первой борозде. Рваные, обгоревшие корни по краям, следы тракторной гусеницы, потом *замечаю* крохотный, сантиметра в два, пучок темно-дымчатой травы, за ним другой, третий ... (Ф. Абрамов). Ср.: *наклонился, заметил*.

6. Алексей положил голову на Христин живот и старательно *снимает* со своей матроски нацепившиеся былинки. *Лежит* он бочком, неудобно, боясь смять разглаженные модные штаны. Вдруг он *вскакивает*, *бросается* к воде и *задирает* вверх голову (К. Федин). Ср.: *снимал, лежал, вскочил, бросился, задрал*.

7. Один татарин подошел к лошади, стал седло снимать, — она все *бьется*; он вынул кинжал, прорезал ей глотку. За-свистело из горла, трепенулась — и пар вон (Л. Толстой). Ср.: *билась*.

Формы *бьется* (из 7 примера) и *снимает, лежит* (из 6) во-все не адекватны по значению остальным формам презенса (из 4—6 примеров). Не случайно Ю. С. Маслов по этому поводу заметил: «В этих случаях рассмотрение действия в качестве протекающего процесса логически как будто неоправдано» [20/241]. Только те имперфективные формы, которым в плане прошедшего соответствует так же несовершенный вид, выражают в настоящем историческом инвариантное значение несовершенного вида — указывают на действие в его течении, действие как процесс. Формы же (все остальные из 4—6 примеров), которым в плане прошедшего соответствует совершенный вид, выступают в позиции нейтрализации видового противопоставления, причем нейтрализации, не в том смысле, что они выступили в функции противоположного члена — совершенного вида — и в своем значении одновременно, а в том, что они в этой позиции выражают архиграммему, указывают просто на факт совершения действия и не выражают инвариантного значения ни одного из противочленов. Только потому, что действие со стороны самой формы остается аспектуально нехарактеризованным, она допускает наряду с показателями несовершенного вида и показатели совершенного вида:

8. — И вот иду я однажды в чудесный апрельский день по Дерibasовской, перехожу Преображенскую и на углу, возле кофейни Либмана, *встречаюсь* в д р у г с Галей (И. Бунин).

9. — От меня не уйдешь, — шепчу я и, проваливаясь в снег почти по пояс, направляюсь по следу ценного зверя. Но вдруг какая-то птичка мелькнула передо мной среди заснеженных веток. Я сразу *забываю* о воображаемом звере (Г. Скребицкий).

10. Старички хлопают друг дружку по лопаткам, покупатель, забыв про картошку, тянет продавца выпить вина в колхозном ларьке. *Возвращаются* они быстро, вытирают усы, энергично объясняются в дружеских чувствах. Наконец распрощались (В. Белов).

Как видим, здесь, а также в 4 (*уходит, появляется*) и 5 (*наклоняюсь, замечаю*) примерах остались только формы, без своего инвариантного значения и тем более без значения своего противочлена: действия только констатируются.

Таким образом, в плане настоящего исторического единичного действия формы, которым в прошедшем времени соответствует совершенный вид, и формы, которым соответствует несовершенный вид, по своему значению отличаются друг от друга, и эти различия именно качественного характера. Так что ближе к истине оказывается Э. Кошмидер, когда отмечает «несобственную несовершенство» презентных форм [14/159—161], стоящих на месте перфективных претеритальных форм, только в данном случае, кажется, лучше подошел бы термин «несобственная совершенность», так как аспектуальную характеристику при этом несет контекст.

В подтверждение того, что историческое настоящее как вторичная (транспозитивная) функция форм имеет особенности в передаче различных действий, можно также назвать некоторые специфичные в лексическом отношении группы глаголов, которые в контексте настоящего исторического, в позиции нейтрализации, могут утрачивать свою специфику, свойственную им в абсолютном употреблении. Например, многоактные глаголы в историческом настоящем могут указывать на действие одноактное (но не семьельфактивное):

11. С полатей выбирается мальчуган, напяливает полушубок, схватывает шапчонку и *хлопает* дверью (П. Бажов).

Глаголы *приносить, забегать, приходиться* и под., имеющие обычно «событийное» значение, не выражают его в плане исторического настоящего:

12. Ушли татары, заперли опять двери. Погода немного *приходит* к Жилину нагаец и говорит: — Айда, хозяин, айда! (Л. Толстой).

Что касается доминирующей роли «секвентности» — «способности совершенного вида выражать цепь сменяющихся последовательных действий», будто бы возложенной в историческом настоящем на формы несовершенного вида, — о которой пишет В. В. Гуревич [11/74, 78] и которая, как нам кажется, заставляет А. В. Бондарко видеть в нейтрализации не безразличие,

а импликацию, то она («секвентность») в историческом настоящем исходит от контекста. В позиции нейтрализации выражение аспектуального значения берет на себя контекст, т. е. действие не остается совсем не характеризованным аспектуально: необходимая в данном случае аспектуальность выражается контекстом в совокупности со способом действия и предельностью-непредельностью самого глагола.

В историческом настоящем контекст может быть «совершенен» потому, что оно представляет собой вторичную функцию и повествует о прошедших событиях, которые можно представить целиком, в «готовом виде», констатировать как совершившийся целостный факт. Употребить при этом форму совершенного или несовершенного вида — в принципе безразлично, хотя современный русский литературный язык в настоящем историческом единичного действия имеет позицию нейтрализации, представленную только имперфективным презентом, т. е. осуществляет нейтрализацию в константной форме.

В тех случаях, когда в контексте настоящего исторического необходимо конкретизировать реальную ситуацию, передать видовое значение глагола, сохранив тем самым видовую характеристику действия со стороны самого глагола, обычно используется позиция реализации видового противопоставления употреблением претеритальной формы — для передачи значения совершенного вида — или позиции мнимой нейтрализации — для передачи значения несовершенного вида. Так, во втором примере с целью сохранить и поддержать динамику событий и тем самым выделить в них на фоне настоящего исторического переломный момент использована перфективная претеритальная форма *одержал*. Седьмой пример демонстрирует позицию мнимой нейтрализации, подчеркивающую процессность действия.

После всего сказанного, естественно, может возникнуть вопрос: если вид в настоящем историческом нейтрализован, то какими средствами достигается экспрессивность, наглядность в этом временном плане? Ведь А. В. Бондарко так и пишет: «...нейтрализация видового противопоставления — это не просто отрицание какого-то качества, а определенная положительная характеристика настоящего исторического. Господство несовершенного вида создает особую выразительность этого временного плана. Центром его прагматического и стилистического значения становится процессность» [1/52]. Подобным же образом объясняет экспрессивность настоящего исторического и Ф. Хеббель [32/275].

Мы склонны считать, что особой наглядностью и экспрессивностью историческое настоящее обязано не виду, а времени. Рассмотрим примеры, в которых видовое противопоставление нерелевантно уже в плане прошедшего времени.

13. — [...] Вдруг по вагону идет человек. Ястребом по всем сторонам, глаза — в молоко поглядит, молоко скиснет. И прямо ко мне привязался. «Откуда? Куда?» Документам *не верит*. Сперва стоя допрашивал, а потом и пошло у него [...] (В. Белов). Ср.: *не поверил, не верил*.

14. — [...] Братьев нет. Вижу, самой смекать надо. А где? Куда девку-малютку возьмут? Ни в лес, ни в работницы. Да и сарафан-то питерский *мутит* голову. У иных девок тоже сарафаны, да не питерские — да и ребята-то не так кидаются. Ну и порешила: пойду в Питер за сарафаном (Ф. Абрамов). Ср.: *мутил, замутил*.

Замена одних видовых форм другими показывает, что выделенные видовые формы в этих случаях лишены собственно видовой характеристики и потому никак не влияют на содержание высказывания. Однако, если мы попытаемся изменить в этих (или в 8—10 и др.) примерах временной план — заменим формы презенса формами претерита, то содержание высказываний «отреагирует» на это: события окажутся целиком сдвинутыми в план прошлого. Следовательно, при употреблении настоящего времени вместо прошедшего противопоставление темпоральных форм не устраняется бесследно, не нейтрализуется, а «работает» — создает экспрессию. События приближаются к слушателю (читателю), изображаются так, как будто они происходят перед глазами. Это свидетельствует о том, что в историческом настоящем мы имеем транспозицию настоящего времени, но не несовершенного вида. О том же говорит и 7-й пример, в котором вид не нейтрализован, но налицо явная экспрессивность. Следовательно, «фигуральность», отмечаемую А. В. Бондарко, нужно связать не с видом, а с категорией времени.

Для большей убедительности приведем случай нейтрализации времен, которая характерна для пословиц и поговорок: Что с возу упало, то пропало. Формы прошедшего времени здесь вовсе не обозначают прошедшее время: они употреблены во вневременном («всевременном») значении. Совершенно не изменят смысла здесь ни форма настоящего времени, ни форма будущего времени, ср.: падает, пропадает; упадет, пропадет. Все зависит от того, какую временную форму в пословице закрепила традиция.

2.2. Итак, в современном русском литературном языке в плане исторического настоящего неповторяющегося действия позиция нейтрализации представлена только формой несовершенного вида, хотя в принципе здесь могла бы быть только форма совершенного вида или обе видовые формы в качестве дублетов (как, например, в современном чешском языке), ибо, как доказали А. М. Мухин [22], А. Мартине [18], К. И. Ходова [28; 29], с теоретической точки зрения безразлично: про-

является снятие оппозиции в константной форме или вариантной.

Чтобы выяснить причины этого явления в современном русском языке, необходимо решить, по крайней мере, два вопроса: 1) всегда ли в русском языке в этой позиции была константная нейтрализация и 2) если не всегда, то каковы факторы, приведшие к современному состоянию.

Прежде чем обратиться за доказательствами к истории русского языка, следует заметить, что, по свидетельству М. Деяновой, А. Минчевой и Д. Станишевой [12], на определенном этапе нейтрализации обязательно наличествует недифференцированное употребление обоих противопоставленных на парадигматическом уровне членов. Исходя из этого, можно с большой долей определенности предполагать, что поскольку настоящее историческое называет лишь сам факт совершения действия безотносительно к его видовой характеристике, то на каком-то этапе в нем могли безразлично употребляться глаголы совершенного и несовершенного видов, т. е. имела место вариантная нейтрализация. Вполне вероятно, что процесс нейтрализации на этом этапе не был «чистым» и единственно возможным. С одной стороны, при сложившихся обстоятельствах ему могли сопутствовать и другие процессы, обусловленные развитием и формированием категорий времени и вида. С другой стороны, как отмечают Г. Пауль [23/302—304], З. Д. Попова [24/9—10], названные выше авторы [12; 29] и другие исследователи, уже само возникновение в языке вариантной нейтрализации предусматривает переход ее в константный тип, т. е. один из возникших в результате нейтрализации дублетов (чаще всего маркированная форма) должен выйти из употребления или специализироваться.

Действительно, несмотря на то, что в древнерусском языке, как и в современном русском языке, в историческом настоящем господствовали формы несовершенного вида, употребление совершенного вида там было несколько шире [1/110]. Современное состояние в дифференциации видов в историческом настоящем складывается, примерно, к началу XIX века [2/69]. Многочисленные примеры из памятников письменности, приведенные Ф. И. Буслаевым [8/ § 184], А. А. Потебней [26/108—112], Е. Кржижковой [33/243—247], А. В. Бондарко и другими исследователями, свидетельствуют о том, что в историческом настоящем для обозначения неповторяющихся действий, наряду с формами настоящего времени несовершенного вида, использовались и формы настоящего времени совершенного вида. Приводим характерные примеры.

Примеры Ф. И. Буслаева:

а) из древних российских стихотворений:

15. дружина *спит*, как Волх *не спит*: он *обернется* ясным

соколом, полетел он далече во сине море, а *бьет* он гусей, белых лебедей;

16. и *едут* неделю уже другую, и *будут* они в Золотой Орде;

17. (Владимир князь) наливал чару зелена вина в полтора ведра, и турий рог меду сладкого в полтретья ведра, подносил Михайле Казарянину; *принимает* он Михайло единой рукой, и выпил единым духом;

18. И только Илья слово выговорил, *оторвется* глава его татарская, угодила та глава по силе вдоль, и *бьет* их, *ломит*, в конец *губит*;

б) из народной песни:

19. *вынимает* молодец саблю острую свою, срубил красной девиче буйную голову, и бросил он ее в Дон во быструю реку.

Примеры из книги А. А. Потебни, из древних российских стихотворений:

20. У ласкова князя Владимира Было пированье, почестной пир . . . Что *взговорит* тут Владимир князь: «А и ты, гой еси, Поток Михайло Иванович!»

21. С вечера она *расхворается*, К полуночи разболелася, Ко утру и преставилася.

22. *Пнет* ногой во двери железные, Изломал все пробои булатные.

23. *Воткнет* копье во сыру землю, Привязал он коня за остро копье.

Примеры из статьи Е. Кржижковой:

24. И *случится* по некоторому времени тому столнику Нардину Нащекину ехать в гости з женою своею, и *приказывает* дочери своей . . . (Повесть о Фроле Скобееве).

25. *Повернется* Хотинушка в высок терем, Куныку шубоньку накинул на одно плечко (Из Онежской былины).

26. И он скоро *бежит* на сырой дуб И *поглядит* на войско татарское, Опустился со сыра дуба . . . (Из Онеж. был.).

27. Молодой Петрой Петрович королевский сын Ен скорешенько *соскочит* со белой груди, То й *берет* его за ручки за белые, За него *берет* за перстни за злаченные. То здымал его со матушки сырой земли (Из Онеж. был.).

Вслед за Л. Размусеном и А. А. Потебней А. В. Бондарко приходит к выводу, что формы перфективного презенса в историческом настоящем единичного действия в древнерусском языке употреблялись чаще всего в значении предшествования [2/58—59]. С этим нельзя не согласиться. Действительно, языковые факты памятников письменности подтверждают этот вы-

вод. Однако трудно согласиться с А. В. Бондарко в том, что предшествование совсем не выражалось имперфективным презентом [2/66]. Факты употребления исторического настоящего в памятниках свидетельствуют о том, что формы настоящего времени совершенного и несовершенного вида могли выступать на месте любой формы прошедшего времени, а примеры 17, 19 и 26 подтверждают, что предшествование могло выражаться и несовершенным видом: формы *принимает*, *вынимает*, *бежит* называют именно предшествующие действия.

Причины малочисленности таких примеров различны. О собственно грамматических причинах скажем немного позднее, а пока обратимся к вопросу об употреблении исторического настоящего в письменном языке. Настоящее время для обозначения прошедших событий в русском языке, как, видимо, и в других языках, использовалось с древнейших времен, особенно в разговорной речи. А. В. Бондарко, например, считает вполне вероятной его индоевропейскую давность [1/317]. Если бы это было не так, то оно вряд ли употреблялось бы так широко в дошедших до нас древних памятниках «Задонщина» и «Слово о полку Игореве». И тем не менее по направлению к XIX веку отмечается постепенно возрастание употребительности исторического настоящего в памятниках письменности [2/69]. Значит, есть основания говорить о том, что в памятниках более ранней поры историческое настоящее употреблялось меньше под более строгим контролем норм церковнославянской литературы.* Это, вероятно, объясняется условиями формирования русского литературного языка: сдерживающее влияние церковнославянских строгостей постепенно ослабевает, и разговорная и устно-поэтическая стихия вливаются в письменный язык [См. в связи с этим 21].

К этому следует добавить то, что более древние памятники дошли до нас в основном в поздних списках, что не могло не сказаться на отдельных формах.

Следовательно, процесс «вхождения» исторического настоящего в письменный русский язык представляется довольно сложным, а достоверных доказательств особенностей функционирования его в устной речи мы не имеем. Но это вовсе не значит, что языковой материал «не дает возможности сделать определенные выводы» о развитии и употреблении настоящего исторического в русском языке, как считает А. В. Бондарко [2/69]. Хотя функционирование исторического настоящего в памятни-

---

* Интересно, что в древнесербских памятниках, язык которых подвергся церковнославянскому влиянию, историческое настоящее представлено формами несовершенного вида, т. е. господствовала константная нейтрализация, тогда как в целом в истории сербскохорватского языка и в современном литературном языке в историческом настоящем отмечается, по терминологии А. В. Бондарко [3/52], «полное и последовательное противопоставление видов».

ках письменности действительно представляет собой довольно пеструю картину, мы должны сказать, что нельзя не заметить общей тенденции в употреблении совершенного и несовершенного видов в историческом настоящем на пути от древнерусского состояния к современному.

Памятники письменности донесли до нас, хоть и в небольшом количестве, факты вариантной нейтрализации видового противопоставления в сфере исторического настоящего неповторяющегося действия. Преобладание примеров с перфективной формой в функции предшествования и малочисленность их с имперфективной формой в данной функции говорит о том, что тенденция к константной нейтрализации в форме несовершенного вида уже взяла верх и заставила совершенный вид уйти из сферы единичных действий. А поскольку несовершенный вид был еще неправомочен заменить собою совершенный вид во всех случаях, то последний должен был, оставаясь в употреблении, специализироваться. И функцию предшествования, видимо, следует расценивать как временный компромисс, так как перфективный презенс впоследствии оставил и эту функцию, передав ее перфективному претериту и развив на ее основе (совместно с частицей «как») новую экспрессивную функцию со значением начала и мгновенности действия.* В том, что это была все-таки вариантная нейтрализация, убеждают нас также отдельные примеры из литературы XIX и даже XX веков, приводимые в диссертации А. В. Бондарко (1,61—63). Вот два из них:

28. Вот мой чудака пустился вдруг назад;

Оглянется, а тень за ним уж гнаться стала (И. Крылов).

29. ... Я вчера только с базу выхожу, думаю: «Ну, кажись, уговорил!» *Выйду* и слышу: «Куви-и-и, куви-и-и!» — под-
свинок какой-нибудь уж под ножом визжит. А я гаду-соб-
ственнику до этого час говорил про мировую революцию и
коммунизм (М. Шолохов).

Нам кажется, что эти факты можно объяснить именно как «отголоски» [1/64], но только не неопределенных (различных) закономерностей, а вполне определенного процесса — вариантной нейтрализации. Примечательны в связи с этим слова самого же А. В. Бондарко: «Мы не можем утверждать категорически, что употребление настоящего исторического совершенного вида на протяжении истории русского языка в период до XIX века идет на убыль; почти (выделено нами — Ф. А.) полное отсутствие такого употребления в современном русском литера-

* По свидетельству А. А. Потебни [26/111] и А. В. Бондарко [1/303; 3/54], эта функция развилась на базе значения предшествования в придаточных предложениях.

турном языке может не являться следствием процесса постепенного исчезновения этих форм, берущего свое начало в глубокой древности. Состояние в современном русском литературном языке может быть результатом унификации, обобщения той тенденции преимущественного употребления в настоящем историческом глаголах несовершенного вида, которая существовала с давних пор» [1/98].

Кроме того, А. В. Бондарко приводит очень важные доказательства из русских народных говоров [1/101 и далее], свидетельствующие о направленности процесса в историческом настоящем неповторяющегося действия от вариантной нейтрализации к константной. В некоторых диалектах (главным образом в северных), отмечает он, в этом случае еще можно встретить форму совершенного вида, чаще всего это глаголы речи, вводящие, прерывающие или сопровождающие прямую речь. Однако не убеждает объяснение приведенных фактов. А. В. Бондарко предполагает, что и в говорах первоначально такие глаголы находились всегда перед прямой речью и формы перфективного презенса здесь выражали так же, как и в приведенных выше древнерусских примерах, предшествование; с постановкой же исследуемых форм в середине прямой речи и после нее они могли употребляться уже по аналогии с первоначальным положением [1/104].

Думается, что как раз глаголы, вводящие, прерывающие или сопровождающие прямую речь, и донесли до нас вариантную нейтрализацию в ее истинной форме, не засвидетельствованной в памятниках письменности, но существовавшей в разговорном языке древнерусского периода. Позиция при прямой речи является наиболее подходящей для сохранения вариантной нейтрализации, так как здесь требуется именно только ввести прямую речь, указать на нее. Для подтверждения наших слов приведем пример из современной литературы.

30. — Вишь оно как получилось, — *сказал* Федор. — Старый-то хозяин вздумал в прошлом году водопровод провести коровам. Ну, установили все, эти трубы, поилки, колодец выкопали, а Мишка Петров насос и движок поставил. До этого-то на ферму доярки воду на себе таскали, по колодам. Ну, а как учредили водопровод, мы колоды-то эти все и выкидали да истопили, — куда, начальство *говорит*, эти колоды, ежели автопоилки есть. Механизация, значит (В. Белов).

Выделенные формы претерита и презенса с интересующей нас стороны совершенно не отличаются друг от друга: и та и другая лишь указывают на факт речи. Если бы это было не так, то глагол *сказал*, находясь в середине прямой речи, дол-

жен бы стоять в форме несовершенного вида. Проведя эксперимент замены, мы увидим, что видовое значение форм здесь никакой роли не играет, ср., соответственно: *говорил* Федор, начальство *сказало*. Ср. также аналогичные примеры:

31. Очнулася уж в палате больничной, и возле койки моей старик седой высокий сидит. «Дура, *говорит*, зачем мерзлую рябину жрешь, здоровье губишь?» (В. Астафьев).

32. Но птицы побоялись лететь на север: «Там, *говорят*, снег и лед, холод и голод, там, *говорят*, мы все замерзнем и погибнем». Сколько Весна ни просила, никто не хочет ее в северные края отнести (Г. Скребицкий). Ср.: *говорили, сказали*.

33. — Я приехал сюда зимой. Тогда и в помине еще не было, чтобы лес восстанавливать. А я *думаю* — шалишь! Не на лежку сюда приехал (Ф. Абрамов). Ср.: *думал, подумал*.

Таким образом, учитывая заключения А. В. Бондарко о том, 1) что «предшествование в древнерусских памятниках выражается настоящим историческим глаголом совершенного вида не так уж часто» [2/68], 2) что глагол совершенного вида в историческом настоящем в некоторых случаях употреблялся ввиду чисто языковой необходимости (из-за видовой или лексико-семантической несоотнесенности) и 3) что «с ростом употребления настоящего исторического в целом употребление в этом временном плане глаголов совершенного вида не расширяется» [2/69], мы приддем к следующим выводам (некоторые из которых уже намечены у А. В. Бондарко).

1) В древнерусском языке на каком-то этапе действовала тенденция к вариантной нейтрализации видов в историческом настоящем, т. е. любое прошедшее действие могло быть обозначено формой настоящего времени несовершенного или совершенного вида, так как формы совершенного вида долго осознавались как формы настоящего времени. Например, Е. Кржижкова считает, что развитие категории времени в русском языке — превращение категории времени из двухчленной в трехчленную «после органического вычленения будущего» — завершилось лишь к XVIII веку [16/24].

2) Дальнейшее развитие и осознание категории вида, вероятно, заставляло как-то различать виды и в историческом настоящем — отсюда многие примеры и заключение А. В. Бондарко, что только совершенный презенс мог выражать предшествование в историческом настоящем.

В связи со сказанным интересно вспомнить замечание Э. Кошмидера о том, что в польском языке (в котором, кстати,

в категориях вида и времени произошли почти аналогичные изменения) даже в XIX веке писатели использовали в историческом настоящем совершенный вид для выражения наступления [14/159], А. В. Бондарко наряду со значением наступления отмечает и значение предшествования [3/53]. В современном польском языке подобное употребление отсутствует.

По словам Э. Кошмидера, возникшая коллизия настоящего времени с совершенным видом была разрешена и в русском, и в польском языках в пользу настоящего времени.

3) Форма настоящего времени совершенного вида в древнерусском языке была вовлечена в процесс формирования и выражения будущего времени, что, на наш взгляд, способствовало резкому сокращению и впоследствии окончательному «изгнанию» из настоящего исторического неспециализированного использования перфективных форм. Вот почему памятники письменности дают нам мало фактов неспециализированного употребления совершенного вида в исследуемом временном плане.

4) Развитие и осознание категории будущего времени и стремление сохранить в настоящем историческом плане (статус) настоящего времени воспрепятствовали окончательному установлению в этом временном плане вариантной нейтрализации. И когда формы настоящего времени совершенного вида стали осознаваться прежде всего как формы будущего времени, когда значение будущего времени в них выступило на первый план, то в настоящем историческом они остались лишь в повторительном и особых модальных значениях, некоторые из которых развились [см. 13/204] уже в связи с установлением константной нейтрализации.

Следовательно, в отношении выражения в настоящем историческом неповторяющихся действий можно констатировать переход от вариантной нейтрализации к константной, от вариантного выражения архиграммы к выражению ее одной формой.

Подобный же путь можно наблюдать и в другой сфере функционирования видов — в сфере независимого предикативного инфинитива с определенным кругом значений: Л. И. Ушакова отмечает, что вариантный тип нейтрализации, имевший место в этом случае в древнерусском языке, перешел в константный тип в современном русском языке [27/97].

2.3. Здесь мы считаем необходимым обратиться к данным других славянских языков, ибо история близкородственных языков позволяет найти убедительные аргументы для объяснения фактов, трудно объяснимых данными только исследуемого языка.

Так, в южнославянских языках перфективный презент тоже может обозначать будущее время, но это значение не является для него основным [1/307; 15/638—639]. Например, в сербско-

хорватском и словенском языках А. В. Бондарко [1; 3] отмечает совершенно иное (по сравнению с русским) функционирование видов в настоящем историческом — «последовательное противопоставление» несовершенного и совершенного видов и в то же время функциональное сближение настоящего исторического совершенного вида с аористом. В том же сербскохорватском языке, в произведениях современных писателей, а также в чешском и словацком языках прослеживается определенная свобода, факультативность в выборе вида [1/298]. Употребляется совершенный вид для выражения единичных действий в историческом настоящем и в современных западных болгарских говорах, хотя в литературном болгарском языке в этом случае используется только несовершенный вид [20/242—243; 34/54]. Это не что иное, как вариантная нейтрализация. Да и само «противопоставление» совершенного и несовершенного видов, их различие, «далеко не всегда отличается господством или явным преобладанием совершенного вида над несовершенным, как можно было бы предположить, исходя из того, что для повествования типичного изображения последовательно сменяющих друг друга действий» [1/297]. И очень характерны в этом отношении факты того же сербскохорватского языка, в котором на общем фоне различия совершенного и несовершенного видов в настоящем историческом их неразличие (вариантная и даже константная нейтрализация) наблюдается в произведениях современных писателей.

А. В. Бондарко преобладание несовершенного вида в историческом настоящем объясняет тем, что «совершенство может быть распределена между формами настоящего исторического и претерита» [1/297]. Отчасти с этим можно согласиться. Но мы думаем, что здесь сказывается также сама суть исторического настоящего — его живая связь с абсолютным настоящим, характер контекста, представляющего действие в целом, «готовом» виде, и общезыковая тенденция процесса нейтрализации к выражению архиграммы функционально немаркированной формой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках. Канд. дисс., Л., 1958.
2. Бондарко А. В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV—XVII веков. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 173, 1958.
3. Бондарко А. В. Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида. — В сб.: Славянское языкознание. М., Изд-во АН СССР, 1959.
4. Бондарко А. В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. — Уч. зап. Института славяноведения, т. 23, 1962.
5. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., «Просвещение», 1967.

6. Бондарко В. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., «Просвещение», 1971.
7. Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции. — В сб.: Исследования по общей теории грамматики. М., «Наука», 1968.
8. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., Учпедгиз, 1959.
9. Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975.
10. Гвоздев А. Н. О соотношении форм несовершенного и совершенного видов. — РЯШ, 1955, 2.
11. Гуревич В. В. О значениях глагольного вида в русском языке. — РЯШ, 1971, 5.
12. Деянова М., Минчева А., Станишева Д. О нейтрализации синтаксических оппозиций. — Славянска филология. София, 1968.
13. Кирина Л. Я. Значение и употребление временных форм глагола в русском литературном языке первой трети XVIII века. Канд. дисс., Одесса, 1965.
14. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., ИИЛ, 1962.
15. Краткий сербскохорватско-русский словарь. Сост. Р. И. Григорьева. С приложением кратких сведений по грамматике сербско-хорватского языка, составленных акад. А. И. Беличем. М., Изд-во иностранных и национальных словарей, 1960.
16. Кржижкова Е. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке. — ВЯ, 1962, 3.
17. Ломов А. М. Несколько замечаний о методике анализа видовой семантики русского глагола. — В сб.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 1972.
18. Мартине А. Нейтрализация и синкретизм. — ВЯ, 1969, 2.
19. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. — Известия АН СССР, ОЛЯ, т. 7, вып. 4, 1948.
20. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В сб.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка, М., Изд-во АН СССР, 1959.
21. Михайловская Н. Г. К проблемам нормы древнерусского языка. — ВЯ, 1975, 3.
22. Мухин А. М. Понятие нейтрализации и функциональные лингвистические единицы. — ВЯ, 1962, 5.
23. Пауль Г. Принципы истории языка. М., ИИЛ, 1960.
24. Попова З. Д. К вопросу о синтаксических вариантах. — НДВШ ФН, 1968, 6.
25. Поспелов Н. С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке. — В сб.: Исследования по грамматике русского литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1955.
26. Потехня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 4, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941.
27. Ушакова Л. И. Употребление видов глагола в независимом предикативном инфинитиве. Канд. дисс., Воронеж, 1975.
28. Ходова К. И. Об осуществлении нейтрализации семантических противопоставлений. — ВЯ, 1970, 5.
29. Ходова К. И. К проблемам славянской синонимии (Синонимичность как стадия развития системы). — Советское славяноведение, 1971, 1.
30. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (К теории функционально-семантической категории аспектуальности). Докт. дисс., Л., 1972.
31. Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — В сб.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975.

32. F. Hebbel. Einige Bemerkungen zum Problem der Neutralization der Aspektopposition im Russischen. — Wissenschaftliche Zeitschrift der päd. Hochschule «Karl Libknecht» Potsdam, R., 1972, Jg. 16, H. 2.
33. H. Křížková. K problematice praesentu historického v ruštině a v češtině. — Sovětská jazykověda. Praha, 1955, R. 5, s. 4.
34. Мутафчиев Р. Сегашно историческо време в съвременния български език. София, 1964.
35. Baldur Panzer. Die Funktion des Verbalaspekts im Praesens historicum des Russischen. München, 1963.

О ВЫРАЖЕНИИ ПОВТОРЯЮЩИХСЯ ДЕЙСТВИЙ ГЛАГОЛАМИ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ИСТОРИЧЕСКОМ НАСТОЯЩЕМ

Ф. Ф. Авдеев

Повторяющееся действие в историческом настоящем (как и в абсолютном неактуальном настоящем) может выражаться глаголами несовершенного и совершенного вида.

Повторительное значение приписывается обычно несовершенному виду. Употребление же глаголов совершенного вида в этой функции требует объяснения. По мере развития русского языка в силу сложившихся обстоятельств, которые изложены в предыдущей нашей статье (см. настоящий сборник), формы совершенного вида должны были или уйти из исторического настоящего, или специализироваться. В сфере единичных действий так и произошло. Поскольку в историческом настоящем проявилась тенденция к ослаблению и нейтрализации видового противопоставления, а вариантная нейтрализация с неизбежностью должна перейти в константную в немаркированной форме, то для перфективных форм оставался один путь — путь специализации. И совершенный вид в историческом настоящем единичного действия остался лишь в специальных функциях: 1) для выражения особого экспрессивного значения, особой интенсивности внезапного действия в сочетании с частицей «как», например: С трудом оттащил Колька Бойе в сторону, обнимает его. А Бойе *как завоюет* на всю пристань, *как рванется* снова к отцу, не пускает его на баржу ... (В Астафьев). А. В. Бондарко [2/62] и Л. Я. Кирина [8/204] отмечают, что до XVIII века это употребление в русском языке отсутствует; 2) для выражения некоторых модальных значений, например, в сочетании с отрицанием «не» может указывать на полное отсутствие действия через отрицание его осуществления хотя бы один раз: «Не за что-с», — отвечает, а сама и глаз на меня даже с работы *не вскинет*; все шьет; так игла-то у нее и летает (Н. Лесков); 3) очень редко встречается в значении предшествования, столь характерном для совершенного вида в истори-

ческом настоящем древнерусского языка. [Подробнее о всех этих значениях см. 1, с. 53 и далее].

Однако уйти совсем из исторического настоящего перфективные глаголы не могли уже по той причине, что они продолжали употребляться в плане реального настоящего времени в неактуальных значениях: историческое настоящее стремится воспроизвести и сохранить все основные особенности абсолютного настоящего, хотя, как мы уже смогли убедиться (см. предыдущую статью), вторичная функция с неизбежностью преобразует и даже снимает некоторые первичные значения. Например, имперфективная форма в историческом настоящем наряду с неограниченно-кратным может выражать и ограниченно-кратное значение (тогда как в плане реального настоящего она выражает обычно только первое значение); пример неограниченно-кратного значения: Лейтенант Шура все говорит, говорит... А Лелька идет молча и лишь изредка *посматривает* на своего временного жильца. Она думает о том, что все настоящие мужчины должны делать что-то трудное и опасное (Ю. Яковлев); пример ограниченно-кратного значения: Хотя и заявился самочинно, на общем собрании его принимают в члены артели и как «эрудированного парня» избирают в состав ревизионной комиссии и комиссии по съему золота, назначают агитатором звена. Чтобы показать себя, он *проводит* несколько бесед. Тематика их широка (Из газеты).

Таким образом, формы совершенного вида в историческом настоящем были поддержаны закономерностью выравнивания (аналогии) исторического настоящего и настоящего абсолютного и продолжали функционировать в исследуемом временном плане, органичившись повторительным и названными уже специальными значениями.

Аналогичные процессы происходили и в сценическом настоящем. Поэтому мы не можем согласиться с заключением Т. П. Ломтева, что такое употребление перфективного презенса в русском языке XVII—XVIII веков является отражением иноязычного влияния [13/88].

Возможность употребления форм совершенного вида в абсолютном настоящем времени для обозначения повторяющихся действий, нам кажется, убедительно объяснена А. В. Бондарко. Он находит тут две причины: 1) абстрактность временной отнесенности повторяющегося действия и 2) то, что «совершенство здесь (т. е. при выражении повторяющихся действий — Ф. А.) не противоречит настоящему времени, совмещается с ним потому, что она характеризует лишь один акт действия, а к настоящему времени относится вся совокупность этих актов, которая мыслится как длительность» [1/21—22]. Говоря словами Ю. С. Маслова, обычное действие подвергается «экземплификации», т. е. представляется на примере одного конкретного случая

[14/233]. Многократное действие так или иначе предстает перед нами в виде отдельных актов с их левой и правой границами не только при выражении формой совершенного вида, но и при выражении формой несовершенного вида: Бывает, что кто-то *заберет* свои заявления обратно, кто-то не явится на регистрацию ... (Из газеты); Почему-то решение о женитьбе всегда *принимается* в самый последний момент (Из газеты). В плане исторического настоящего эта ограниченность становится еще более ощутимой, ибо весь ряд действий имел место в прошлом и предстает нашему сознанию как факт, как обозримая целостной совокупности действий.

То же самое можно сказать и о выражении повторяющихся действий в плане абсолютного прошедшего времени, где в одной и той же позиции могут свободно употребляться, взаимно заменяя друг друга, перфективная и имперфективная формы (следует заметить, однако, что во всех перечисленных случаях выражения повторяющихся действий, за редкими исключениями, совершенный вид выступает только в кратко-соотнесительной конструкции. Но этот вопрос требует особого разговора, и мы его пока не касаемся): По случаю холеры перед обедом пили перцовку ... Как только *сели* артели за обед, на берегу появлялся огромный рыжий козел, принадлежавший пожарной команде (Гиляровский). Ср.: *садились*; И уж выкидывал же он колена — утешение вспомнить! *Утонул* ли кто в реке, с колокольни ли *упал* и *расшибся* — все это ему рука (С.-Щедрин). Ср.: *тонул, падал, расшибался*; [Примеры из 5/215—216]. В русском языке, по замечанию А. В. Бондарко [5/215—216] и А. Г. Широковой [19], такое употребление встречается редко, в чешском же это обычная функция форм совершенного вида.

Кроме того, характеризуя неограниченно-краткое значение несовершенного вида в плане абсолютного употребления времен, А. В. Бондарко отмечает, что «в выражении этого значения обычно активную роль играет окружающий данную форму контекст» [5/27]. Это подчеркивают также Ю. С. Маслов [14/233, 243], А. М. Ломов [12/73], О. Рассудова [15/47], А. Г. Широкова [19/43] и др. На активную роль контекста необходимо указать и в тех случаях, когда повторяющееся действие бывает обозначено формой совершенного вида в плане настоящего исторического.

Следовательно, причину особенностей выражения повторяющихся действий, видимо, следует искать прежде всего в специфике семантики самого повторяющегося действия, как это делает А. Г. Широкова [См. ее работы 17; 18; 19], а потом уж в специфике видов. «Многократность относится ... к тем способам глагольного действия, которые активно взаимодействуют с грамматической категорией вида, не включаясь в основное противопоставление глаголов совершенного-несовершенного ви-

да», — справедливо констатирует А. Г. Широкова [19/40].* Вероятно, значение повторяющегося действия не следует считать собственно видовым признаком (а именно, признаком несовершенного вида), хотя в целом категория многократности обнаруживает тяготение («приязнь») к несовершенному виду.

Признаковые многократные глаголы несовершенного вида в чешском языке, например, никогда не обозначают актуального настоящего, непосредственно связанного с несовершенным видом. Им свойственно только значение неактуального настоящего [18/76]**, которое обычно может быть выражено также глаголами несовершенного и совершенного вида. В этом отношении весьма показательным свидетельством А. Г. Широковой о том, что конкуренция различных способов выражения многократности в чешском языке, имеющем специальные многократные глаголы, привела к значительному сокращению употребительности последних (здесь уместно вспомнить судьбу многократных глаголов в польском языке, где они постепенно отмирают, и в русском языке, где они стали реликтовой категорией) и к переводу их в иной стилистический план: они стали служить для выражения нарочитой подчеркнутости, а нередко и аффектированного характера обозначаемых ими действий [19/55, 57]. В целом в чешском языке употребление многократных глаголов сводится к использованию наиболее употребительных глаголов определенных семантических групп [19/56]. Обычными выразителями повторяющихся действий в чешском языке стали глаголы совершенного и несовершенного вида. Аналогичные выразители кратных действий находим и в русском языке.

Кратное действие и не всегда четко отграничиваемое от него значение потенциального действия — это всегда не конкретные действия, а действия, воспринимаемые абстрактно.

Приведенные соображения позволяют обратить внимание на слова А. М. Ломова о том, что кратное значение может быть сообщено действием, выраженным в любой видовой форме [12/72—73], и высказать предположение, что в русском языке выражение повторяющихся действий без подчеркнутой регулярности, эпизодически совершающихся, в историческом настоящем, подобно выражению однократных действий в этом временном плане, представляет собой также зону нейтрализации видového противопоставления.

Отдельные высказывания аналогичного характера по иссле-

* Ср. замечание А. В. Бондарко, которое сделано им по другому поводу: «... наиболее существенным семантическим элементом, влияющим на функционирование видов, является единичность, конкретность действия (локализованность во времени) или его повторяемость, обычность, обобщенность (временная нелокализованность)» [5/177].

** Ср. пример из русского языка: — ... С того дня, конечно, я начал письма мамке писать, каждую неделю писал, а *приезжаю* после войны, ей не рассказываю (В. Белов).

дуемому вопросу уже имеются. Так, говоря о возможности выражения ограниченно-кратного значения имперфективной формой в историческом настоящем болгарского языка, Ю. С. Маслов сделал, на наш взгляд, очень важное замечание: «Такое ограниченно-кратное значение несовершенного настоящего, очевидно, тоже есть результат своеобразной «нейтрализации» видового противопоставления (и соответствует ... суммарному значению совершенной формы в претеритальном повествовании)» [14/244]. Эти слова действительны и для русского языка: см. приведенный выше пример ограниченно-кратного значения, выраженного в историческом настоящем глаголом несовершенного вида.

Упоминание о нейтрализации видового противопоставления в абсолютном плане функционирования глаголов чешского и словацкого языков в предложениях, где законченность повторяющихся действий вытекает из широкого контекста или из лексического значения дополнения, находим у А. Г. Широковой [19/46]. Кроме названных случаев, в которых А. Г. Широкова, кажется, склонна нейтрализацию связывать с импликацией, она дальше приводит, на наш взгляд, факты явной вариантной нейтрализации, характеризуя их следующим образом: «В отдельных случаях дифференциация значений, выражаемых глаголами совершенного и несовершенного вида, при выражении повторяющегося действия очень слаба, мало ощутима и определяется лишь индивидуальным выбором автора» [19/48].

Е. Кржижкова еще более категорического мнения по данному вопросу (и, видимо, не только в отношении к русскому языку): «Примером обязательной (нейтрализующаяся оппозиция представлена одним членом противопоставления — Ф. А.) и отчасти факультативной (факультативно употребляются оба члена противопоставления — Ф. А.) нейтрализации в плане содержания может служить нейтрализация видового противопоставления в контексте, где речь идет о повторяющемся действии, особенно в прошлом» [10/291].

О нейтрализации видовой оппозиции вообще «в контекстах, содержащих указание на многократное повторение действия», в русском языке говорит также В. В. Гуревич [6/77]. Но поскольку под нейтрализацией В. В. Гуревич понимает импликацию, то, говоря о плане настоящего исторического, в случае выражения повторяющегося действия имперфективной формой автор видит «явление, близкое к нейтрализации видового противопоставления», а в случае выражения того же действия перфективной формой — «нечто вроде «антинейтрализации» (преодоление нейтрализующего влияния многократности и совмещение ее с секвентностью)». Своеобразие второго случая В. В. Гуревич усматривает именно в том, «что здесь совершенный вид

«преодолевают» нейтрализующее влияние многократности, сохраняя секвентное значение» [6/78].

Вопрос о нейтрализации (только в связи с импликацией) виден в отдельных случаях абсолютного настоящего и прошедшего повторяющегося действия в русском языке ставит и А. В. Бондарко. Он отмечает нейтрализацию в тех случаях, «когда повторяется целый эпизод, состоящий из нескольких (по крайней мере двух) действий, но в рамках этого эпизода каждое действие совершается лишь один раз» [3/199—202]. Примеры показывают, что А. В. Бондарко имеет в виду нерегулярные, эпизодически повторяющиеся действия.

Однако трудно согласиться с А. В. Бондарко и его сторонниками, когда они говорят о нейтрализации видового противопоставления при выражении повторяющихся действий только в случаях функционирования имперфективных форм, а в случаях употребления в этой же позиции перфективных форм видят реализацию видового противопоставления [См. 5/226; 3/198]. Трудно согласиться, во-первых, потому, что сомнительной представляется возможность нейтрализации и реализации видового противопоставления (т. е. ненейтрализации) в одной и той же позиции, при одинаковой дистрибуции форм и, самое главное, в нейтрализующем контексте: ведь условия нейтрализации создают контекст, а не самой формой, выступившей в позиции нейтрализации. Во-вторых, согласно интерпретации А. В. Бондарко, получается так, что несовершенный вид, нейтрализуясь, оказывается способным реализовать свое значение, свой «постоянный признак», и значение противоположного члена: ведь нейтрализацию А. В. Бондарко понимает именно как «включение в компетенцию несовершенного вида тех функций, которые в других условиях выполняются совершенным видом» [5/232], а совершенный вид в этом случае реализует противопоставление, т. е. употребляется в своем значении. При такой интерпретации указанной функции один из «постоянных» [5/10—14] признаков несовершенного вида — значение повторяющегося действия — включается в состав постоянных признаков совершенного вида.

Можно выдвинуть контрдовод, что повторяемость в этом случае выражается контекстом. Но ведь и «секвентность» в случае употребления несовершенного вида тоже бывает выражена контекстом.

Кроме того, предлагаемое понимание нейтрализации, как нам кажется, не отличается от транспозиции и не отражает сути самой нейтрализации, отходя тем самым от известных взглядов на этот процесс не только в фонологии, но и в грамматике. Как мы уже отмечали (см. предыдущую нашу статью в настоящем сборнике), многие исследователи склонны видеть в нейтрализации именно нейтрализацию, элиминирование противополож-

ных признаков оппозитивных членов в определенных позициях, целью которого является выражение архиграммы — общих свойств противочленов.

Обратимся к примерам исторического настоящего кратного действия: *Приедут*, бывало, из какого-нибудь имения приглашать Михалыча к больным, а он *говорит*, что сам нездоров или занят, и *отправляет* посланного к старому опытному фельдшеру Лупанову (Г. Скребицкий). Ср.: *приезжают* или: *скажет, отправит*; — Прошло мое времечко, — сказала она. — *Вскочу*, бывало, к вам — и *боюсь* до смерти и *радуюсь*: ну, слава богу, старуха заснула. А теперь и ее не боюсь (И. Бунин). Ср.: *вскакиваю* или: *испугаюсь, обрадуюсь*; — ... Да. Уехал он, значит, на службу, а Клашке-то все время письма писал. В каждом письме, бывало, и мне со старухой поклон *напишет* (В. Белов). Ср.: *пишет*; — Ты как ребенок. А вечера-то зимние забыл? Ей-богу! Сидит-сидит иной раз да вдруг *скажет*: «Хоть бы леший в гости зашел...» (Ф. Абрамов). Ср.: *говорит*.

Во всех приведенных примерах перфективное историческое настоящее можно заменить имперфективным и, наоборот, возможна замена имперфективной формы перфективной. Содержание высказывания в обоих случаях остается неизменным. Это свидетельствует о том, что видовые значения употребляемых здесь форм презенса в данном случае нерелевантны и потому нейтрализованы. Повторяемость действий выражена контекстом, и каждая из форм выступает не со своим инвариантным значением, а в обобщенном значении — указывает лишь на фактоность действий в повторявшихся ситуациях. Контекст оказывает нейтрализующее влияние на наши формы и допускает взаимозамену в их употреблении, т. е. перед нами вариантная нейтрализация семантического противопоставления видов.

Исследователи отмечают экспрессивность перфективной формы в плане исторического настоящего, усматривая в этом транспозицию совершенного вида. Действительно, перфективное историческое настоящее в русском языке в большинстве случаев обладает экспрессией, выделенностью по сравнению с имперфективным, в чем нетрудно убедиться на приведенных выше примерах, а также на следующем примере: Так часы проходили у нас минутами... И мы со смехом все сильнее и сильнее бьем его кулаками. Потом он *встает* и *говорит*: — Довольно. Вот хорошо! Вот так хорошо! (В. Морозов). Замена выделенных форм глаголами «*встанет*» и «*скажет*» привносит экспрессивность. Однако, думается, что эта экспрессивность в данном случае обусловлена не прямой транспозицией вида, а другими причинами, хотя (поскольку в русском языке отсутствует специальная форма для выражения нейтрализованного значения в историческом настоящем и приходится использовать неспециальные формы, наделенные иными прямыми функциями), есте-

ственно, видовое значение формы при этом не остается безучастным. И здесь важно обратить внимание на то, что в позиции нейтрализации выступает, как правило, форма несовершенного вида (в чем мы уже могли убедиться ранее), не проявляя в этом случае никакой экспрессии по линии вида. Она выступает как семантически немаркированная, т. е. как предназначенная для выражения инвариантного и нейтрализованного значений. Форма же совершенного вида всегда является семантически маркированной [см. 16], что и обуславливает ее экспрессию. В связи с этим небезынтересным представляется замечание А. М. Ломова: «Если исходить из признания совершенного вида семантически маркированным членом видовой оппозиции, следует ожидать, что его семантический комплекс должен включать ряд признаков глобального характера, т. е. сигнализируемых совершенной формой во всех возможных для нее временных планах независимо от характера семантических конструкций» [11/96]. Поэтому перфективный презент, который, будучи поддержанным в историческом настоящем абсолютным настоящим временем, все-таки продолжает употребляться в позиции нейтрализации в значении кратных действий (хотя, согласно закономерности перехода вариантной нейтрализации в константную, должен был бы в этом случае выйти из употребления), вследствие своей отмеченности несколько сближается по функции с транспонированной формой. Но это не транспозиция. Просто здесь мы имеем дело с проявлением ингерентной (внутренней) экспрессивности формы совершенного вида, тогда как при транспозиции создается адгерентная экспрессивность.

По мнению Е. Кржижковой, категории вида и залога «почти не поддаются транспозиции»: «В рамках категории вида обнаруживается в некоторых позициях лишь нейтрализация видового противопоставления, но о транспозиции, аналогичной транспозиции в рамках категории времени, наклонения и лица, вряд ли можно говорить» [9/177].

Историческое настоящее в целом представляет собой позицию нейтрализации видового противопоставления и потому перфективная форма в рассматриваемом случае выразительна в русском языке по другим причинам: 1) из-за временной противопоставленности (настоящему + будущему): некоторая необычность формы совершенного вида в абсолютном настоящем еще более усиливается в настоящем историческом в связи с экспрессивностью по линии транспонированного значения настоящего времени и противопоставленностью значению будущего времени и 2) за счет маркированности самой перфективной формы. В южнославянских языках, например, в этой форме нет экспрессии, т. е. там развитие категорий вида и времени пошло несколько иным путем и значение будущего времени не является для нее основным, а может реализоваться лишь

при определенных условиях. В чешском языке, в котором на современном этапе семантическая нейтрализация видов носит вариантный характер еще и в историческом настоящем единичного действия, использование глаголов совершенного вида для обозначения кратных действий является обычным и нейтральным даже в абсолютном плане функционирования [19/50], причем, по словам Е. Кржижковой, перфективными формам отдается преимущество [10/255].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках. Канд. дисс., Л., 1958.
2. Бондарко А. В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV—XVII вков. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 173, 1958.
3. Бондарко А. В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. — Уч. зап. Института славяноведения АН СССР, т. 23, 1962.
4. Бондарко А. В., Буланни Л. Л. Русский глагол. Л., «Просвещение», 1967.
5. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., «Просвещение», 1971.
6. Гуревич В. В. О значении глагольного вида в русском языке. — РЯШ, 1971, 5.
7. Кирина Л. Я. Значение и употребление временных форм глагола в русском литературном языке первой трети XVIII века. Канд. дисс., Одесса, 1965.
8. Křížková, H. Первичные и вторичные функции и т. наз. транспозиция форм. — *Travaux linguistiques de Prague*, 2, Prague, 1966.
9. Кржижкова Е. О понятии нейтрализации. — В сб.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., «Наука», 1969.
10. Křížková, H. K problematice praesentu historického v ruštině a v češtině. — *Sovětská jazykověda*, Praha, 1955, г. V, s. 4.
11. Ломов А. М. Несколько замечаний о методике анализа видовой семантики русского глагола. — В сб.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 1972.
12. Ломов А. М. Аспектуальная характеристика действия и ее типы. — В сб.: Вопросы русской аспектологии. Известия Воронежского государственного педагогического института, т. 146, Воронеж, 1975.
13. Ломтев Т. П. Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке. — Уч. зап. МГУ, вып. 128, кн. 1, 1948.
14. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В сб.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1959.
15. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М., Изд-во МГУ, 1968.
16. Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — В сб.: Вопросы русской аспектологии. Известия Воронежского государственного педагогического института, т. 146, Воронеж, 1975.
17. Широкова А. Г. Об употреблении глаголов совершенного вида для обозначения многократного действия в чешском языке. — В сб.: Славянская филология, вып. 4, Изд-во МГУ, 1963.

18. Широкова А. Г. О категории многократности в чешском языке. — В сб.: Исследования по чешскому языку. М., Изд-во АН СССР, 1963.
19. Широкова А. Г. Способы выражения многократности в чешском языке (в сравнении с другими славянскими языками). — Вестник МГУ, серия 10, Филология, 1966, № 1.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫРАЖЕНИЯ ОДНОВРЕМЕННОСТИ ДЕЙСТВИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. А. Поташкина

Проблема выражения одновременности действий в русском языке не была еще предметом специального изучения как отдельное самостоятельное явление, представляющее одну из форм языковой интерпретации восприятия временной характеристики событий. Касались этой проблемы в той или иной форме многие советские и зарубежные исследователи при изучении либо синтаксиса сложного предложения [9/179—187, 299—302, 383—387; 10/658, 728, 731; 19/529—531, 572—575; 1/155 и др.], поскольку значением сложного предложения являются синтаксические и смысловые отношения между его компонентами, либо функционирования видо-временных форм славянского и, в частности, русского глагола [5/15—16, 186—189, 191—193; 6/62—63; 13/148—150; 14/19—22; 12/2—3, 5—6; 11/73—75 и др.].

В результате накоплены ценные сведения и наблюдения. Однако они нуждаются не только в систематизации, но и в новом осмыслении, когда ставится специальная задача описать типы и способы выражения одновременности действий «от значения к форме».

Цель настоящей статьи наметить на основе обобщения соответствующей научной литературы саму проблематику изучения функционально-семантического микрополя одновременности в русском языке.

I

Под одновременностью понимают полное или частичное совпадение во времени двух или нескольких действий, состояний, признаков, явлений и т. п. [9/179]. Например: Лицо Мюрата сияло глупым довольством в то время как он слушал (Л. Толстой. Война и мир); Несмотря на то, что пот капил градом по его лицу и капал с носа и вся спина его была мокра, как вымоченная в воде, ему было очень хорошо (Л. Толстой. Анна Каренина).

О полной одновременности речь идет тогда, когда два или несколько длительных действий совпадают во времени на всем протяжении своего существования [10/728; 9/179—181, 299—302, 383—387; 15/88; 8/209, 223, 264; 19/570, 572]. Например: Мальчик всматривался в знакомые места, а ненавидящая брочка бежала мимо и оставляла все позади (Чехов. Стыль).

О частичной одновременности говорят там, где одно действие оказывается более длительным, а другое менее, и они совпадают во времени не полностью, то есть недлительное действие совершается в один из моментов развития длительного [9/181; 10/728]. Например: Мы подходили уже к выходной калитке, когда из коридора, как бомба, вылетел Ольшанский... (Короленко. История моего современника).

Одновременность — это синтаксическое значение, которое наряду с последовательностью выражает временную соотносительность, взаимную временную ориентацию действий. Общепринятая точка зрения на способы временной соотносительности действий, в том числе и полной одновременности, наиболее полно и последовательно выражена А. В. Бондарко [5/15—16]. Она заключается в том, что 1) выражение временной соотносительности действий считается дополнительной функцией видов; 2) одновременность действий выражается сочетанием форм несовершенного вида; 3) последовательность — сочетанием форм совершенного вида. Здесь же А. В. Бондарко говорит и об исключениях из этих правил, в частности, о том, что, с одной стороны, одновременность в особых условиях может выражаться с помощью совершенного вида (сочетания перфектных глаголов, выражающие «одновременные «результативные состояния»; сочетания глаголов начинательного или ограничительного способов действия, называющие «совокупность фактов, отнесенных к какому-то одному пределу времени»), с другой стороны, основное средство выражения полной одновременности — сочетание форм несовершенного вида — «нарушает правила», выступая при выражении не одновременности, а последовательности (в настоящем историческом и прошедшем времени повторяющегося действия).

Таким образом, основным средством выражения полной одновременности действий является сочетание глаголов несовершенного вида.

В научной литературе отмечены следующие типы предложений, в которых встречается рассматриваемая разновидность временного соотношения действий:

А. Простое предложение с однородными сказуемыми. Например: Егорушка стоял и смотрел, как огонь ел траву (Чехов. Стыль).

Б. Сочетание простых предложений. Например: Токарь Григорий Петров ... везет свою больную старуху в земскую больницу... Прямо навстречу бьет резкий, холодный ветер. В воздухе, куда ни взглянешь, кружатся целые облака снежинок... (Чехов. Горе).

В. Сложносочиненное предложение.

а) сложносочиненное предложение открытой структуры (соединительное), как союзное — союзы *и, и...и, да и, а* (в значении *и*), — так и бессоюзное. Например: Темно! Навстречу ни души. Ямщик на козлах спал, Голодный волк в глуши лесной пронзительно стонал, Да ветер бился и ревел, Играя на реке, Да инородец где-то пел на странном языке (Некрасов. Русские женщины).

б) сложносочиненное предложение открытой структуры, построенное по устойчивой схеме: один N_1 — другой N_2 — третий N_3 ; тот N_1 — этот N_2 ; кто N_1 — кто N_2 ; что N_1 — что N_2 ; где N_1 — где N_2 ; куда N_1 — куда N_2 и подобные (10, 660)¹. Например: Одни ели, другие чинили порванные гимнастерки, третьи перекуривали (Симонов. Дни и ночи).

в) сложносочиненное предложение закрытой структуры с одним показателем связи между частями:

соединительно-распространительное предложение с союзом *и*. Например: Во мраке носился ураган, и его бешеный гул, словно похоронный звон, уныло звучал над одинокой юртой (Серафимович. На льдине).

сопоставительное предложение с союзом *а, же, в то время как, тогда как*. Например: Теперь сзади селения лежат необъятные для взора сенокосы, а спереди течет широкая, быстрая, светловодная красавица, река Озерная (Помяловский. Поречане).

Г. Сложноподчиненные предложения — детерминантные:

а) предложения соответствия, части которых связываются либо союзом *по мере того как*, либо союзным сочетанием *чем — тем*. Например: По мере того как стрелка стенных часов приближалась к семи, возрастала тоска Буланина (Куприн. На переломе); Чем ближе подходил Пастухов к дому, тем глубже вселялось в него энергетическое возбуждение (Федин. Первые радости);

б) временные.

В отличие от всех других синтаксических моделей, сложноподчиненные предложения с придаточными времени, специально предназначены для выражения взаимной временной ориентации двух явлений.

¹ N_1 и N_2 — формы несовершенного вида

1. Предложения с союзом *когда*, который выражает общее значение соотношенности двух явлений во времени, не конкретизируя характера этой соотношенности, то есть является союзом с недифференцированным временным значением в современном русском языке, в отличие от всех других временных союзов. Значение полной одновременности в предложениях с союзом *когда* создается соотношением форм глаголов несовершенного вида и лексическим составом предложения. Например: Когда поздно вечером шел он из гимназии к Шелестовым, сердце у него билось и лицо горело (Чехов. Человек в футляре). В выражении полной одновременности действий в сложноподчиненных предложениях с союзом *когда* нередко принимают участие неглагольные лексические показатели одновременности, находящиеся в главной части и представляющие сочетание существительного темпоральной семантики с предлогом *в* и местоимением *то* (факультативно): в (то) время (мгновение и т. п.); в (тот) час (миг, день и т. п.); в (ту) минуту (секунду, пору и т. п.) (10, 730). Например: В час, когда пьянеют нарциссы, И театр в закатном огне, В полутьне последней кулисы кто-то ходит вздыхать обо мне... (Блок. В час, когда пьянеют нарциссы...).

2. Предложения с союзом *как*. Предложения с этим союзом могут выражать одновременность в литературном языке только в том случае, если в главной части сложного предложения присутствуют лексические показатели одновременности. Так что сочетание *в то время как* все больше воспринимается как союз в целом. Например: В то время как он подходил к этой комнате, присяжные уже выходили из нее... (Л. Толстой. Воскресенье). И только в разговорном языке союз *как* может связывать части сложноподчиненного предложения с придаточным времени, в котором выражаются отношения одновременности [10/728—729]. Например: Как внука долго нет дома, старуха беспокоится [10/728].

3. Предложения с союзом *пока* и устаревшим, отчасти просторечным вариантом его *покамест*, реже — *покуда*, дифференцированно выражающими «ограничительную одновременность» (термин В. А. Белошапковой (10, 731; 19, 573—574), сущность которой состоит в том, что время протекания действия главной части строго ограничено временными рамками действия придаточной части. Например: Пока в цехе шли обычные операции, здание то и уло во мраке (Попов. Сталь и шлак).

Предложения с придаточными времени, имеющими другие союзы: *после того как*, *с тех пор как*, *как только*, *лишь только*, *только что*, *только лишь*, *едва* — служат средством передачи другого значения временной соотносительности — значения последовательной смены действий, и в выражении полной одновременности участвовать не могут.

Но, несмотря на большое число и разнообразие синтаксических конструкций, используемых при необходимости выразить полное совпадение действий во времени, можно выделить только три модели предложения, связанные «жестко» с выражением собственно одновременности: 1) сложные предложения соответствия с союзом *по мере того как*; 2) сложноподчиненное временное предложение с союзом *пока* (*покамест, покуда*); 3) сложноподчиненное временное предложение с союзным сочетанием *в то время как*, — другие синтаксические модели могут использоваться и при выражении отношений последовательности. А из трех названных выше моделей с обозначением именно полной одновременности связана только одна — сложное предложение соответствия с союзом *по мере того как*, другие две модели могут участвовать и в выражении частичной одновременности.

Большинство исследователей отмечает участие лексических средств в создании того или иного значения временной соотносительности событий. Так, например, академическая грамматика 1960 года по поводу выражения одновременных отношений в сложном предложении говорит, что одновременность действий может подчеркиваться 1) специальными словами и сочетаниями слов; 2) наличием в первом из предложений общих для соединяемых предложений слов (9, 100). Например: *Моя мать, его теща, до сих пор обожает его, и до сих пор он внушает ей священный ужас* (Чехов. Дядя Ваня). *В сенях пахло яблоками и висели волчьи и лисьи шкуры* (Л. Толстой. Война и мир).

Дифференцирующую роль сочетаний типа *в то время* (*мгновение* и т. п.) в сложноподчиненных предложениях с союзом *когда* мы уже отмечали. Говорили и о том, что союз *как* в литературном языке без подобных сочетаний вообще не способен участвовать в выражении отношений одновременности.

Но полного перечня характеристики лексических средств, создающих или только поддерживающих значение одновременности в русском языке, в научной литературе не дано.

Помимо признания основным средством выражения одновременности сочетаний спрягаемых форм глаголов несовершенного вида, общепринятым является и то, что одним из средств выражения временной соотносительности, причем средством, специально для того предназначенным, считаются формы деепричастий. Полная одновременность передается сочетанием форм деепричастий несовершенного вида с формами несовершенного вида основного глагола [10/361; 16/125; 8/ ч. 1, 388—391; 11/76; 12/2—3; 14/22; 7/25]. Например: *Он стоял за кулисами мокрый, как мышь, дрожа от волнения, не веря своим ушам, а его вызывали и вызывали* (Каверин. Два капитана).

Отмечают способность выражать полную одновременность действия с другим действием, названным глаголом несовершенного вида, и у причастий, образованных от глаголов несовершенного вида. Так, Е. Кржижкова говорит о причастиях, как о формах, специально предназначенных для данной роли, наряду с деепричастиями [14/22]. Например: Я видел случайных стариков, при свете лунных вечеров против отцовского крыльца сидевших с важностью лица (Лермонтов. Мцыри).

И еще один случай рассматривается как выражение одновременности одного действия другому. Речь идет о функции настоящего несовершенного при так называемом относительном употреблении времен. Например: В большой прихожей сидела Лиля и глядела, как пляшет огонь (Л. Толстой. Детство Никиты). О том, что одним из значений, развивающихся при относительном употреблении времен, является значение одновременности, пишут многие [18; 5/112—119; 14/19; 1/154—155].

Таким образом, в выражении относительной временной ориентации — временного соотношения действий — принимает участие не только значение видов в формах глаголов, деепричастий и причастий — основное средство функционально-семантической категории аспектуальности, — но и временное значение глагольных форм — ядерное средство функционально-семантической категории темпоральности. Первый тип относительной временной ориентации А. В. Бондарко называет дополнительной относительной ориентацией, а второй тип — основной относительной ориентацией [5/113].

Основная относительная ориентация, а стало быть, и выражение одновременности с помощью значения настоящего времени, встречается только в определенных синтаксических типах сложных предложений, представляющих собой «сообщение о сообщении» [14/20—22]. В. А. Белошапкина пишет об этом так: «Тип сложного предложения, содержащий «сообщение о сообщении», соотносится со структурой изъяснительного сложноподчиненного предложения, однако их границы не вполне совпадают. К этому типу, кроме изъяснительных..., а также сложноподчиненных предложений, совмещающих свойства изъяснительных и местоименно-соотносительных (Люди знали о том, что где-то, далеко от них, идет война), относятся соответствующие изъяснительным бессоюзные сложные предложения (Люди знали: где-то, далеко от них, идет война) и, наконец, некоторые сложноподчиненные предложения присубстантивного типа, именно такие, содержание которых сводится к «сообщению о сообщении» и может быть передано изъяснительной структурой, например: В слободке говорили о социалистах, которые разбрасывают написанные синими чернилами листки (Горький. Мать)» [1/154—155].

Кроме тех конструкций, о которых говорит В. А. Белошапкина

кова, относительная временная ориентация, устанавливаемая с помощью временного значения глагольной формы, встречается в простом предложении с причастиями и причастными оборотами. В литературе такое употребление причастий отмечено [10/361; 16/127; 8/ч.1, 382; 13/149]. Полную одновременность в данном случае подчеркнуто выражают формы причастий настоящего времени. Например: Долохов бойко и грациозно шел в такт песни и глядел на лица приезжающих с таким выражением, как будто он жалел всех, кто не шел в это время с ротой (Л. Толстой. Война и мир).

Относительно содержания и способов выражения другого типа одновременности — частичной — также существует общепринятая точка зрения [10/728, 731; 9/300—303; 5/180—193; 8/265—266]. Все разновидности данного типа временного соотношения действий объединены, по Э. Кошмидеру [13/139, 148—151], противопоставлением длительного действия («фона»), которое обозначается только формой глагола несовершенного вида, и выделяющегося на этом фоне наступления (или совершения) другого действия (факта), которое обозначается только формой глагола совершенного вида. Например: В то время как я потрошил и чистил ярких морских рыб, около меня остановилась женщина лет шестидесяти или даже шестидесяти пяти... (Солоухин. Наша дама).

Данный тип соотношения действий отмечают в следующих синтаксических конструкциях:

1. В простом предложении с однородными сказуемыми. Например: Однажды весной охотник проходил возле березового болота и вдруг услышал громкое хлопанье крыльев (Соколов-Микитов. По охотничьим тропам).

2. В группе самостоятельных предложений. Например: Все молчали... Вдруг кто-то крикнул (Бондарко. Вид и время русского глагола).

3. В сложносочиненном предложении закрытой структуры. Например: Княжна Марья читала бумагу, и сухие рыдания за дергали ее лицо (Л. Толстой. Война и мир).

4. В сложноподчиненном предложении с придаточным времени. Например: Пока они собирались уходить, он... позвонил, чтобы дали машину (Герман. Один год).

Таким образом, мы извлекли из лингвистических описаний все имеющиеся сведения о содержании, типах и способах выражения одновременности действий в современном русском языке. Сведения эти, полученные на основе подхода «от формы к значению», не составляют еще целостной системы семантического микрополя одновременности действий, представляя собой лишь разрозненный материал, нуждающийся как в теоретическом истолковании, так и в установлении системных связей и соответствий.

При изучении функционально-семантического микрополя одновременности действий «изнутри», исходя из значения, а не формы, встают прежде всего следующие вопросы:

1. Не целесообразно ли было бы, говоря о типологии полной одновременности, выделить наряду с одновременностью двух или нескольких самостоятельных действий, играющих равные роли в той или иной ситуации (Пока ему заваривали чай, он сидел и молчал. — Симонов. Дни ночи), одновременность, которую можно было бы назвать сопроводительной, так как в данном типе сочетания действий одно из действий оказывается основным, а другое (другие) его сопровождающим. Например: Лишь бритое лицо его приятно улыбалось, а глаза щурились, оглядывая всех собравшихся (Л. Толстой. Хаджи-Мурат); Бесчисленные золотые звезды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный безостановочный бег земли (Тургенев. Бежин луг); Пес смотрел умными глазами и пританцовывал на месте от нетерпения; Он шел быстро, но прихрамывал больше обычного. Основное, длительное, развивающееся действие в данном типе временной соотносительности действий выражается глаголом несовершенного вида, действие же, сопровождающее его, побочное передается или с помощью деепричастий, несовершенного вида (в первых двух примерах), или с помощью глаголов комитативного (сопроводительного) способа действия. Если оба действия (основное и сопровождающее его) принадлежат одному субъекту, то для выражения сопровождающего действия может быть использован как глагол комитативного способа действия, так и деепричастие: Человек пел, пританцовывая — Человек пел и пританцовывал. Если же действия относятся к разным субъектам, то сопровождающее действие может быть выражено только комитативным глаголом: Один пел, другой пританцовывал на месте.

2. В лингвистической литературе понятие «одновременность» тесно связано с понятием «длительность», что выражает одну из особенностей нашего языкового сознания, являющегося отражением обыденного мышления, в котором до сих пор господствует ньютоновское отождествление времени с длительностью [10/728; 9/179; 19/572]. И не случайно основным средством выражения одновременности является сочетание форм несовершенного вида в конкретно-процессном значении. Но современная логика считает, что «понятие в одно и то же время (одновременно) ... имеет два смысла: как мгновенность ... и как длительность ... Первый смысл

понятия «одновременность» является частным случаем второго» [17/75].

Выражается ли в русском языке одновременность мгновенных действий, одновременность определенных моментов в развитии двух (или более) действий (одновременное начало, наступление или завершение), одновременность целостных действий, длительность которых остается невыраженной?

Действительно ли существует в порядке исключения, как указывает А. В. Бондарко [5/15—16], тип одновременности действий, в выражении которого участвуют глаголы совершенного вида? Ведь мгновенные целостные действия, а также наступление или завершение действий обозначаются в русском языке перфективными глаголами.

Обратимся к фактическому материалу: Олег усмехнулся — однако чело и взор омрачились думой (Пушкин. Песнь о вещем Олеге); В вагон-аптеку поставили Клаву Мухину, а Лену перевели в кригеровский вагон (Панова. Спутники); Обед кончился; большие пошли в кабинет пить кофе, а мы побежали в сад шаркать ногами по дорожкам... (Л. Толстой. Детство); С улицы пахнуло пылью от проехавшего грузовика, и где-то близко звонко залаяла собака (Сергеев-Ценский. Убийство). В каждом из приведенных примеров глаголами совершенного вида названы недлительные действия, временное соотношение которых может быть понято и как одновременное, и как последовательное. Но поскольку ни одновременности, ни последовательности действий прагматическими значениями не являются и оказываются поэтому за пределами регулярной, обязательной актуализации, то их выражение осуществляется только по требованию коммуникативного задания. В данном случае, в наших примерах, относительная временная ориентация просто не выражается, и совершенный вид глаголов ничего не говорит о взаимном временном соотношении действий. Если же коммуникативное задание требует выражения временной соотносительности, это достигается с помощью других языковых средств — лексических. Например: При последнем слове Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ее голову, а беспечный отец ее вспомнил, зачем он пришел (Гоголь. Сорочинская ярмарка); А! Алексей Александрович! — сказал старичок, злобно блея глазами, в то время как Каренин поравнялся с ним (Л. Толстой. Анна Каренина); Он показал рукой туда, где висел круг, и именно в эту секунду снаряд упал на пароход (Симонов. Дни ночи). Во всех этих примерах значение одновременности выражается только неглагольными лексическими показателями времени, формы же вида никакого участия в передаче именно данного временного соотношения не принимают, при ином лексическом

составе предложений те же формы могли бы называть и последовательные действия.

Таким образом, граммема вида связана с выражением одновременности только длительных действий и никакого отношения не имеет к выражению одновременности действий мгновенных и целостных, о длительности которых ничего не известно.

3. Одновременность ли выражает сочетание форм прошедшего совершенного в перфектном значении, что признано многими исследователями [3/50; 4/91; 5/16, 180; 8/ч. II, 223; 9/181, 384; 10/658; 19/530], или сочетание этих форм выражает другое отношение?

Примеры: Он постарел, располнел и обрюзг [пример А. В. Бондарко, 5/16]; Она обносила, обтрепалась, спеклась на ветру и солнце, исхудала до костей и кожи (Бунин. Дурочка); Лицо ее посуровело, выцвел на щеках румянец, проступили побледневшие углы скул, упрямо выдался подбородок (Мальцев. От всего сердца).

Перед нами наличные состояния, набор совмещающихся признаков, качеств, воспринимаемых непосредственно (обрюзгший, постаревший, располневший; обносившийся, обтрепавшаяся, исхудавшая и т. д.). Они так же одновременны, как признаки, качества, состояния предметов (в широком смысле слова) на любой фотографии. Они совместны и неподвижны. Но под одновременностью понимают синхронное развитие двух или нескольких действий или состояний. О развитии, длительности и одновременном течении признаков, качеств, о которых известно лишь то, что они оказались совмещенными в каком-то предмете в тот момент, когда он предстал перед наблюдателем, и о дальнейшем движении, изменении которых ничего не известно, говорить довольно трудно. Да и имеет ли смысл говорить о выражении одновременности того, что по самой природе своей не может быть неодновременным — об одновременности признаков, качеств одного и того же предмета, взятого в один и тот же момент времени? На наш взгляд, во всех подобных случаях лучше говорить об отношениях совместности, а не одновременности в собственном смысле этого слова. Термин «совместность» употребляется недифференцированно наряду с термином «одновременность» в академической грамматике 1952 (1960) года, что представляется нам неправомерным. Об одновременности нам представляется целесообразным говорить лишь там, где речь идет о явлениях, которые могут быть как одновременны, так и неодновременны, и лишь тогда, когда требуется специальное выражение их одновременности.

4. Насколько правомочно относить к одновременности то, что А. В. Бондарко считает еще одним нарушением правила выражения одновременности: «Имеются в виду... случаи, когда глаголы ограничительного и начинательного способов действия

выражают совокупность фактов, отнесенных к какому-то одному пределу времени (Мы посидели, поговорили, посмеялись. Все зашумели, задвигались, заговорили) (5, 16). Ведь совокупное отнесение фактов к определенному временному пределу ничего не говорит об их взаимной временной ориентации. Но одновременность — это одно из значений временной соотносительности действий, которая устанавливается именно между фактами, составляющими ситуацию. Поэтому мы не можем согласиться с А. В. Бондарко и причислить к одновременности совокупность фактов, отнесенных к одному временному пределу. Такое отношение между действиями скорее можно было бы назвать отношением сопредельности.

5. Действительно ли основное средство выражения одновременности — сочетание форм несовершенного вида — может выражать и последовательность в настоящем историческом, как пишет А. В. Бондарко [5/16]. Например: Оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке с поднятыми вверх руками... Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату (Пушин. Записки о Пушкине); Вдруг я отчетливо слышу свисток совсем близко. Я отвечаю, мне тоже свистят (Пришвин. Колобок).

Мы присоединяемся к точке зрения, которая изложена в статье Ф. Ф. Авдеева «К вопросу о нейтрализации вида в историческом настоящем единичного действия» (см. настоящий сборник) и считаем, что имперфективные формы в настоящем историческом выступают в позиции нейтрализации видового противопоставления, указывают просто на факт совершения ряда действий, но не выражают значения ни одного из видов. Следовательно, формы эти в плане содержания не имеют ничего общего с формами несовершенного вида в конкретно-процессном значении — основным средством выражения одновременности действий в современном русском языке. Формы несовершенного вида в конкретно-процессном значении сами по себе никогда не выражают последовательного развития событий, хотя могут называть последовательные действия, значение же последовательности в таком случае выражается лексическими средствами и никакого отношения к семантике вида не имеет. Например: Теперь Егорушка все принимал за чистую монету и верил каждому слову, впоследствии же ему казалось странным, что... (Чехов. Степь); Там где теперь вперевалки рвались кверху зелеными конусами молодые деревца, тогда кудрявились кусты по колено человеку (Федин. Костер); На том самом лужке с пахучими рядами сена, по которому он Пьер проезжал вчера, поперец рядов, не ловко подвернув голову, неподвижно лежал один солдат с свалившимся кивером (Л. Толстой. Война и мир). Стоит исключить лексические средства, выражающие последовательность

непосредственно (теперь — впоследствии; теперь — тогда; вчера), — как сразу последовательность превращается в одновременность, что вполне соответствует обычной функции сочетающихся имперфективных форм.

Помимо вопросов, уже поставленных выше, напрашиваются еще и следующие:

6. Равны ли в плане содержания та одновременность, основным средством выражения которой является граммема вида и которую А. В. Бондарко относит к дополнительной относительной временной ориентации, и та одновременность, средством выражения которой является граммема времени и которая, по А. В. Бондарко, относится к основной относительной ориентации [2/33—34; 3/47—49; 5/113—119]?

7. Отличается ли чем-нибудь в содержательном плане одновременность действий, в выражении которой участвуют спрягаемые формы глаголов от одновременности, в выражении которой принимают участие причастия? деепричастия?

8. От чего зависит выбор то деепричастия, то комитативного глагола для обозначения сопровождающего действия при сопроводительной одновременности, если оба действия принадлежат одному субъекту?

Исчерпывающий ответ на эти и некоторые другие вопросы не может быть получен без обращения к вопросам более общего в теоретическом отношении характера. А именно:

1. Что представляет собой временная соотносительность действий как та основа, на которой осуществляется противопоставление одновременности последовательности?

2. Каково отношение временной соотносительности действий к категории времени в русском языке?

3. Всегда ли возможно говорить о временной соотносительности там, где в предложении имеется несколько глаголов, называющих действия?

4. Что происходит с временной соотносительностью действий при перенесении конкретной, единичной ситуации в такие временные планы, как план абстрактного настоящего? план прошедшего (или будущего) повторяющегося и обычного действия?

5. Что можно сказать о временной соотносительности в плане настоящего исторического?

Но разрешение всех этих вопросов будет предметом специального рассмотрения в нашей следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошاپкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., «Просвещение», 1967.
2. Бондарко А. В. Система глагольных времен в современном русском языке. — ВЯ, 1962, 3.
3. Бондарко А. В. Об относительном и абсолютном употреблении времен в русском языке. — ВЯ, 1965, 6.
4. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., «Просвещение», 1967.
5. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., «Просвещение», 1971.
6. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., «Наука», 1971.
7. Бондарко А. В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений. — В кн.: Функциональный анализ грамматических категорий. Л., Изд-во Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им. А. И. Герцена, 1973.
8. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. М., «Просвещение», 1973, ч. I и II.
9. Грамматика русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1960, ч. II.
10. Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970.
11. Гуревич В. В. О значениях глагольного вида в русском языке. — РЯШ, 1971, 5.
12. Дерибас Л. А. Видо-временные значения деепричастий в современном русском языке. — РЯШ, 1954, 5.
13. Кошмидер Э. Очерк вида польского глагола. Опыт синтеза. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., «Наука», 1962.
14. Кржижкова Е. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке. — ВЯ, 1962, 3.
15. Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., «Просвещение», 1969.
16. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956.
17. Павлов В. Логические функции категорий пространства и времени. Киев, Изд-во Киевского ун-та, 1966.
18. Поспелов Н. С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке. — В кн.: Исследования по грамматике русского литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1955.
19. Современный русский язык. М., Изд-во Московского университета, 1964.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВАРИАНТНЫХ ФОРМ ВИДА

С. А. Емельянова

В языкознании до сих пор нет ни одной специальной работы, посвященной исследованию стилистических особенностей параллельных форм вида, хотя в работах Н. С. Авилловой, А. Н. Тихонова, С. И. Снопковой [1, 2, 7, 9—10] и др. определенное внимание уделено стилистической дифференциации рассматриваемых образований. Так, Н. С. Авилова в своих работах прослеживает судьбу синонимичных форм несовершенного вида, первичного и вторичного имперфективов. Наблюдения, проводимые на обширном материале памятников художественной и мемуарной литературы конца XVIII — начала XIX в., позволили автору установить основные тенденции в развитии данных образований: 1) вытеснение первичного имперфектива вторичным (*богатить*, *щитить*, *блзнить*, *боронить*, *ничтожить* уходили из языка, уступая место формам *обогащать*, *защищать*, *соблазнять*, *оборонять*, *уничтожать*); 2) неполное вытеснение первичных форм несовершенного вида вторичными имперфективами. Оно характеризовалось уходом из языка лишь отдельных значений. Например, *строить* в значении «настраивать музыкальный инструмент» вытеснен формой *настраивать*. Причину таких изменений Н. С. Авилова видит в совершенствовании, уточнении и формализации видовых корреляций.

По мнению автора, первичные образования не всегда вытесняются вторичными. Иногда они вступали в синонимичные отношения и сосуществовали в языке. Значительно менее широким был процесс вытеснения первичных форм несовершенного вида вторичными.

Вопрос о стилистической дифференциации вариантных форм несовершенного вида — первичного и вторичного имперфективов — рассматривается в работах А. Н. Тихонова. Считая такие образования синонимичными, автор делит их на две группы: вариантные формы несовершенного вида с различием в экспрессии и вариантные формы несовершенного вида с различием по сферам употребления. Он указывает на способность

первичного имперфектива выполнять экспрессивно-стилистическую функцию. Это подтверждают приводимые в статье примеры. Однако первичная форма, по наблюдениям А. Н. Тихонова, получает чаще стилистические ограничения, чем вторичная. Иногда же варианты формы этого типа не имеют никаких стилистических ограничений и выступают как дублетные формы. Автор считает, что в судьбе вариантных форм несовершенного вида намечаются некоторые общие тенденции: «Если варианты формы имеют различные смысловые оттенки и тем более, если они отмежевались семантически, им не грозит опасность быть обреченными на гибель, если же семантические и стилистические оттенки совершенно стираются и в результате этого варианты формы становятся дублетами, то уход из языка одной из форм почти неизбежен» [10/21].

В аспектологической литературе были попытки определить степень употребительности первичных и вторичных имперфективов. В работе С. И. Снопковой по употребительности таких форм в современном русском языке выделяются 3 группы: 1) «образования, в равной степени малоупотребительные в современном русском языке (бучить — забучивать, грязнуть — погрязать, фабриць — нафабривать, черстветь — очерствлять, зябнуть — озябать и т. п.)»; 2) «образования, одно из которых является ограниченным в своем употреблении: а) первичный имперфектив (бессилить — обессилить, небречь — пренебрегать, разить — поражать), б) вторичный имперфектив (арендовать — заарендовывать, арестовать — заарестовывать, губить — погублять, стыдить — устыжать)»; 3) «образования, каждое из которых в современном языке является употребительным, например: кутать — укутывать, баюкать — убаюкивать, пахать — вспахивать, гибнуть — погибать, чтить — почитать и т. п.» [7/16]. Эти наблюдения могут быть использованы в процессе сопоставительного изучения варьирования различных морфологических типов видовых форм, не подвергавшихся еще анализу.

2. Основные тенденции и закономерности развития стилистической системы русского литературного языка находят отражение в толковых словарях. В связи с этим исследование стилистического своеобразия вариантных форм вида строилось преимущественно на словарном (стилистически обработанном) материале (СУ, СО, САН-4, САН-17)*. Однако установление стилистических особенностей вариантных форм вида постоянно осложнялось тем, что в толковых словарях нет единства в сти-

* В работе использованы сокращения названий следующих словарей: СО — «Словарь русского языка» (М., 1972) С. И. Ожегова; СУ — «Толковый словарь русского языка» (М., 1935—1940) под ред. проф. Д. Н. Ушакова; САН-4 — «Словарь русского языка» АН СССР в 4 томах (М.—Л., 1957—1961); САН-17 — «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР в 17 томах (М.—Л., 1950—1965).

листической характеристике данных форм. Так, сов. изрѣзати и вариантная форма несов. вида изрезывать даются в СУ, СО, САН-4, САН-17 без каких либо помет, признаются общеупотребительными. Вторая форма несовершенного вида изрѣзати в СУ и САН-4 признается просторечной, в САН-17 — разговорной, а в СО она вообще отсутствует.

Исходная форма несовершенного вида *душить* во всех толковых словарях фиксируется как стилистически нейтральная. Коррелирующая с ней префиксальная параллельная форма *задушить* также не снабжена стилистической пометой в СУ, СО, САН-4. В САН-17 эта форма является разговорной. Вариант *удушить* сопровождают следующие пометы: книжн. (СУ, САН-17), разг. (СО). В САН-4 эта форма не имеет стилистических ограничений. Такой же разноречной наблюдается в стилистических характеристиках ряда других форм: вымерить — вымерять/вымеривать; вылепить — вылеплять/вылепливать; остудить — остужать/остуживать; затопить — затоплять/затапливать; забелить — забелять/забеливать и т. п.

Это потребовало не только всестороннего сопоставления словарных данных, но и дополнительного изучения текстов художественной литературы, периодики, наблюдений над живой разговорной речью.

Наблюдения показали, что в зависимости от стилистического своеобразия в современном русском языке выделяются две основные группы вариантных форм вида: 1) стилистически равнозначные варианты; 2) стилистически дифференцированные варианты. Каждая из этих групп заслуживает отдельного рассмотрения.

Стилистически равнозначные варианты

1. В современном русском языке многие вариантные формы функционируют как стилистически нейтральные. Параллельные формы и форма, противопоставленная им по виду, не имеют стилистических ограничений, являются литературными, общеупотребительными. В толковых словарях русского языка при таких формах отсутствуют какие-либо стилистические пометы. Общее количество их доходит до 402 (38%). Большую часть этих образований (282) составляют вариантные формы несовершенного вида различных морфологических типов: 1) изготовлять/изготавливать, накоплять/накапливать, приспособлять/приспосабливать, подменять/подменивать, опорожнять/опораживать, переосмыслять/переосмысливать, приготавливать/приготовливать, разрезать/разреживать, растоплять/растапливать, раскалять/раскаливать, сужать/суживать, отпалывать и т. п.; 2) врезать/врѣзывать, надрезать/надрѣзывать, прорезать/прорѣзывать и т. п. 3) повертывать/поворачивать,

развертывать/разворачивать и т. п.; 4) замаскировывать/маскировать, запаковывать/паковать, нахмуривать/хмурить, опубликовывать/публиковать, ослеплять/слепить, оглушать/глушить, сформировывать/формировать, затвердевать/твердеть и т. п.

Стилистическая равноценность рассматриваемых вариантов может быть проиллюстрирована на примерах, относящихся к одному и тому же синхронному срезу языка. Примеры: Мы изготавливаем резиновую обувь... («Работница», 1971, № 4); Из этой нарядной продукции, переливающейся всеми цветами радуги, можно изготавливать женские сумки («Комсомолец Узбекистана», 1971, №17); Частички железа раскаляются и банка заполняется бурым дымом (Неорганическая химия, стр. 32); При всыпании в банку с хлором измельченной в порошок сурьмы частички ее раскаляются... (Там же); Кирилл бросал дела и развертывал карты, какие удалось раздобыть (К. Федин. Необыкновенное лето); — Разрешите идти? — спросил он оберста, который снова разворачивал карту (Дольд-Михайлик. И один в поле воин); Плавание практически завершало, подытоживало пройденный курс морских наук (В. Порудоминский. Даль); Она (Государственная премия) не только итожит то, что сделано, но и заставляет более требовательно относиться к будущим работам («Книжн. обозрение», 1971, 12 ноября).

Стилистически нейтральными являются вариантные формы совершенного вида 120 глаголов. Это в основном образования префиксального и суффиксального типов. Сюда относятся вариантные формы типа выбелить/побелить, перезимовать/прозимовать, заледенеть/оледенеть, вылепить/слепить, измельчить/размельчить, замучить/измучить, запаковать/упаковать, затвердеть/отвердеть, истратить/потратить, вымыть/помыть, истолочь/растолочь, зачерстветь/очерстветь и т. д.

Параллельные формы совершенного вида суффиксального типа представлены единичными образованиями: настичь/настигнуть, постичь/постигнуть, достичь/достигнуть, остыть/остынуть и т. д. Ср.: Каждое утро нужно убрать всю коммуну, то есть вымыть полы там, где нет паркета, подмести (А. Макаренко. Педагогическая поэма) и В спальне четвертого отряда сегодня не помыли полов, потому что ведро куда-то исчезло (Там же): Следовало непременно настичь неприятеля и сбросить в море (А. Борщаговский. Русский флаг); Охваченный честолюбивой мечтой настигнуть Портера в океане... (Там же); Замолчи! Ты меня замучил (А. Чехов. Дядя Ваня); Три года я не знала отдыха ни днем, ни ночью; большой измучил меня (А. Чехов. Вишневый сад).

2. Анализируя параллельные корреляции, не имеющие стилистических ограничений, особо следует остановиться на многозначных глаголах. В одних случаях они являются стилисти-

чески равноценными во всех значениях. Ср. затоплять/затапливать, закалять/закалывать, ослабевать/слабеть, остыть/остынуть, выстроить/построить и т. д. В других же (а таких случаев больше) происходит стилистическое расслоение значений. Так, нет стилистического тождества у многозначных вариантов подрезать/подрезывать. По данным САН-17, эти формы нейтральны в значениях: 1) «срезать, надрезать у основания»; 2) «обрезая, укорачивать»; 5) «в карточной игре — разделять картой карточную колоду») и 6) «в играх с мячом — резким ударом заставить мяч вращаться при полёте по вертикальной оси». В 3, 4 значениях они являются разговорными: 3) «ослаблять, подрывать» (невзгоды постоянно подрезали/подрезывали его) и 4) «надрезать добавочно» (подрезать/подрезывать свежего хлеба). 7-е значение «производить подрезку» снабжено пометой «спец.».

В этом же словаре формы накалять/накалывать в основном значении «нагревать что-либо до очень высокой температуры» даются как общеупотребительные (накалять/накалывать металл). В переносном значении «приводить кого-либо в возбужденное состояние» они приобретают сниженную окраску, переходя из нейтральной лексики и разговорную (накалять/накалывать атмосферу).

Вариантные формы профильтровывать и фильтровать в значении «пропускать через фильтр» принадлежат к нейтральной лексике (профильтровать/фильтровать бензин, горючее), а в переносном значении «подвергать проверке, отбору» относятся к разговорной (профильтровать/фильтровать сводку, информацию).

Такое стилистическое расслоение наблюдается иногда и среди вариантных форм совершенного вида. Например, в значениях «предлагать в мужья и жены» и «просить согласия на брак» варианты посватать/сосватать являются общеупотребительными, а в 3 значении «усиленно предлагать что-л., хлопотать о приобретении кем-л. чего-л.» эти формы принадлежат разговорной лексике (просватать/сосватать на должность; САН-4).

Это явление свойственно и некоторым однозначным параллельным образованиям. Нередко варианты, являясь общеупотребительными в своём единственном значении, приобретают сниженную стилистическую окраску в дополнительных оттенках. Так, прилепить — прилеплять/прилепливать в значении «приклеить к чему-л. что-л. липкое, клейкое» являются общеупотребительными. При этом значении словари фиксируют оттенки «приклеить к поверхности чего-л., на поверхность чего-л.» (прилеплять/прилепливать марку на конверт), «поместить, расположить вплотную к чему-л.», «приделать, приладить к

чему-л.» (прилеплять/прилепливать бант к шляпке; САН-4), которые характерны для разговорной речи.

Варианты доползать и допалзывать относятся к нейтральному стилю в значении «ползком достигнуть какого-л. места». Но эти же формы выступают как стилистически сниженные (разговорные), когда при переносном употреблении обозначают «медленно, с трудом дойти, доехать» (САН-4).

Варианты совершенного вида завязнуть и вязнуть только в значении «погружаться, попадать во что-л. вязкое, липкое, сыпучее» не имеют стилистических ограничений. Форма завязнуть выступает в качестве разговорной в дополнительных оттенках «задержаться надолго где-л.» (Он так и завяз в писарях) и «оказаться в затруднительном, безвыходном положении» (завязнуть в долгах).

Таким образом, в современном русском языке значительная часть вариантных форм видов употребляется без каких-либо заметных стилистических различий, чем объясняется их достаточно прочное положение в системе видов. Это касается не только форм однозначных глаголов, но и многозначных. Среди последних встречаются глаголы, которые в одних своих значениях относятся к нейтральному стилю, т. е. являются стилистически немаркированными, в других же значениях выступают как стилистически отмеченные.

3. Стилистически равнозначными являются вариантные формы, имеющие одинаковую стилистическую окраску. В этом случае обе параллельные формы и форма противоположного вида, коррелирующая с ними, принадлежат к одной и той же стилистической сфере. По нашим подсчетам, в современном русском языке имеется 266 вариантных форм, которые представлены в толковых словарях с одинаковыми стилистическими пометами. Среди них обширную группу (170 образований) составляют вариантные формы несовершенного вида с пометами:

а) «книжн.»: оскудевать/скудеть, обагрять/багрить (10);

б) «спец.»: замерять/замеривать, оплавливать/оплавливать, протравлять/протравливать, загрузывать/грузовать, запеленговывать/пеленговать, створоживаться/створожиться, сверстывать/верстать (15);

в) «разг.»: выхваляться/выхваливаться, приноровляться/приноравливаться, приукрашать/приукрашивать, перестужать/перестуживать, взбудораживать/будоражить, вызубривать/зубрить, проматывать/мотать, ошпаривать/шпарить, растранижить/транжирить (95);

г) «прост.»: вылуплять/вылупливать, выстужать/выстуживать, обдурять/обдуривать, накликасть/накликать, обалдевать/балдеть, утыкать/утыкивать, опоганивать/поганить (50).

На долю вариантных форм совершенного вида,

имеющих одинаковые стилистические свойства, приходится 96 корреляций. Сюда относятся формы с пометой:

а) «спец.»: выгравировать/награвировать, закольцевать/окольцевать, отформовать/сформовать (10 корреляций);

б) «разг.»: задеревенеть/одеревенеть, запаршиветь/опаршиветь, померещиться/примерещиться, почудиться/причудиться, замелеть/охмелеть, искомкать/скомкать (58);

в) «прост.»: осерчать/рассерчать, зашелудиветь/ошелудиветь, уволочь/уволочить, приволочь/приволочить, схлестать/схлестнуть (28).

Приводимые ниже примеры из художественной литературы подтверждают стилистическую однородность вариантных форм: — Я, кажется, недавно отдал тебе свое жалование. — Что ж ты, — возражала ему Миропя Дмитриевна . . . , — думаешь, что я куда-нибудь растранировала твоё великое жалование. — (А. Писемский. Масоны). Рад, что получил вчера жалование. — Пошел теперь транжирить (Григ. Соседка); Смотри, Василий, адмирал тебя ждёт. Как бы не осерчал (Станюкович. Беспокойный адмирал). Рассерчал старик, побил сына (Л. Толстой. Два старика); — Да кто там? Никого нету. Уж не причудилось ли тебе, Кириллыч? (С. Антонов. Лена). Устинья Яковлевна почудилось, что кузен говорит немного свысока (Ю. Тынянов. Кюхля).

Первая пара форм относится к разговорной речи, остальные являются просторечными.

Варианты, входящие в эту группу, не проявляют каких-либо ярких признаков постепенного вытеснения одной формы другой. Обе формы сохраняют стилистическое равновесие.

Стилистически дифференцированные варианты

Кроме стилистически равнозначных, равноценных, в современном русском языке встречаются вариантные формы, дифференцированные стилистически. Таких корреляций свыше 368, что составляет 35%. Одна из форм выступает как стилистически нейтральная. Другая обычно относится к разговорному стилю или является устаревающей, устаревшей.

Несовершенный вид представляют вариантные корреляции суффиксального и смешанного типов: вклинить (разг.)/вклинивать, промерять (разг.)/промеривать, прорыхлять (разг.)/прорыхливать, перекалять (разг.)/перекаливать, скопляться (разг.)/скапливаться, остужать/остуживать (разг.), отучать/отучивать (разг.), ослеплять/ослеплять (разг.), свергиваться/сворачиваться (разг.), восстанавливать (прост.)/восстанавливать, изрезать (прост.)/изрезывать, расценять (прост.)/расценивать, домерять (прост.)/домеривать, подрубить/подрубивать (прост.);

в) забелять (устар.)/забеливать, отлагать (устар. прост.)/откладывать, усевать (устар.)/усеивать, замедлять/замедливать (устар.), засорять/засаривать (устар.), обрамлять/обрамливать (устар.), опошлять/опошливать (устар.), разрушать/разрушивать (устар.), сплзать/сплзывать (устар.), услышать/услышивать (устар. и прост.).

В соотношениях форм с суффиксами **-а-(-я)** и **-ива-(-ыва-)** в качестве стилистически ущербного может быть любой из вариантов. Это, очевидно, и вызвало среди языковедов появление совершенно противоположных мнений по вопросу о продуктивности того или иного варианта. Так, С. П. Обнорский предлагает заменить формы с суффиксом **-ива-(-ыва-)** формами с суффиксом **-я-(-а-)**. Вместо удваивать — удвоять, улавливать — уловлять, приноравливаться — приноравляться; приостанавливать — приостановлять, устраивать — устроить, и т. п. [3/403], так как образования с суффиксом **-ива-(-ыва-)**, по его мнению, составляют «балласт нашего языка» [6/168]. Акад. В. В. Виноградов же считает, что «в современном языке живым и продуктивным является способ образования форм несовершенного вида от предложных (или приставочных) глаголов совершенного вида с помощью суффикса **-ыва-, -ива-**» [3/403]. Обратное утверждение М. А. Теленковой: «Суффикс **-ыва-(-ива-)**, который был очень продуктивен в период оформления категории вида, в современном русском языке теряет свою продуктивность, становится малопродуктивным» [8/14].

Между вариантными формами с суффиксом **-а-(-я)** и **-ива-(-ыва-)** происходит постоянная конкурентная борьба, в результате которой стилистически отмеченный вариант постепенно выходит из употребления, вытесняется из языка более употребительным вариантом. Причем, как справедливо замечает И. П. Мучник, «суффикс **-а-** прочно удерживает большое количество глагольных основ и вытесняется суффиксом **-ива-** в обстановке сложных и противоречивых взаимоотношений между ними» [5/115]. Сопоставительный анализ вариантных форм с суффиксом **-а-(-я)** и **-ива-(-ыва-)** показывает, что в наши дни в целом более употребительными являются формы с суффиксом **-ива-(-ыва-)**. Образования с суффиксом **-а-(-я)** оказываются чаще всего устаревающими или окончательно устаревшими. Ср. цифровые данные в таблице 1.

Это можно заметить даже на сравнительно коротком отрезке развития русского языка. Например, в СУ (1935—1940) параллельные формы *восстановлять* и *восстанавливать* зафиксированы без всяких стилистических ограничений. В САН-4 (1957—1961) форма с суффиксом **-я-** даётся как просторечная. В словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича (1973) вариант *восстановлять* признан устарелым.

Таблица 1

Вариантные формы несовершенного вида	суф. -ива- (-ыва-)	суф. -а- (-я-)	Всего
1. Стилистически сниженные (разг., прост. и т. д.)	44	48	92
2. Устаревшие	13	35	48
Всего:	57	83	140

В соотношениях отложить — отлагать/откладывать, проложить — пролагать/прокладывать формы отлагать и пролагать в СУ (1935—1940) признаются книжными и явно устаревшими, а в САН-4 (1957—1961), САН-17 (1948—1965) — малоупотребительными. Рассматривая глаголы с корнями «-лож- (-лаг-)» — «-клад-», М. В. Ионина пришла к выводу: «Не исключено, что в следующий толковый словарь глаголы отлагать и пролагать уже не войдут, да и в современных словарях наличие их едва ли оправдано, даже с пометой «устар.», поскольку глаголы совершенного вида отложить, проложить во всех своих значениях соотносятся с глаголами несовершенного вида откладывать, прокладывать. Ср.: отложить — откладывать книги, отложить — откладывать встречу, поездку и т. д.; проложить — прокладывать след, тропу, дорогу, проложить — прокладывать трубы, кабель, проложить — прокладывать курс» [4/13].

Наблюдения над регулярностью употребления перечисленных форм в языке произведений современной художественной литературы, периодической печати, разговорной речи также подтверждают правильность вывода о редком употреблении в наши дни формы с суффиксом -а-. Так, в 49 случаях (из 50) совершенный восстановить входит в видовую пару с несовершенным восстанавливать. Ср.: И вот директор техникума получает предписание: «Отмените свой приказ и восстановите т. Кулебякина». А надо было не восстанавливать (Б. Егоров. Деловые качества). Они (родители) не могли точно восстановить в памяти подробности моего детства (Ю. Бондарев. Степь). — Товарищ капитан, медленно, будто восстанавливая в памяти все, ответил Борис (Ю. Бондарев. Юность командиров) и т. п. примеры. Форма восстанавливать встретила всего лишь один раз: «Не раз кровью и боками своими восстанавливали родную землю» (А. Толстой. День Петра).

На 30 случаев употребления форма прокладывать ни разу не встретилась форма пролагать.

Вариантные корреляции смешанного типа в данной подгруппе занимают более скромное место. Здесь (так же, как и в вариантных формах суффиксального типа) стилистически ограниченным может быть любой из вариантов. Ср. а) запеленывать (разг.)/пеленать, сморщивать с (разг.)/морщить; укорять/корить (разг.), удивлять/дивить (разг.); б) замучивать (прост.)/мучить, завядать (прост.)/вянуть; в) истомлять (устар.)/томить, погублять (устар.)/губить, потоплять (устар. прост.)/топить, исцелять/целить (устар.), наполнять/полнить (устар.), опустошать/пустошить (устар.), уничтожать/ничтожить (устар.), усугублять/сугубить (устар.) и т. д.

Анализ параллельных форм смешанного типа показал, что стилистически сниженный вариант в процессе дальнейшего развития языка постепенно устаревает, становится малопродуктивным и, наконец, вытесняется из языка. По вопросу об употребительности форм I и II имперфективов существует несколько точек зрения [3/404]. Акад. В. В. Виноградов, например, указывает, что существование двух форм несовершенного вида «чаще всего завершается вытеснением предложной формы» (скапливать — копить)¹. По мнению И. П. Мучника, «беспрефиксные корреляты несовершенного вида заменяются префиксальными» [5/119]. А. Н. Тихонов же считает, что здесь «происходит «двуединный» процесс». Правильность этого взгляда подтверждают и наши наблюдения. С одной стороны, происходит исчезновение первичных имперфективных форм и утверждение вторичных, с другой — исчезновение вторичных и утверждение первичных. Разница между количеством устаревших форм I и II имперфективов невелика, хотя, конечно, вытеснение бесприставочных форм происходит чаще. Ср. цифры в таблице 2, обобщающие материалы упомянутых толковых словарей русского языка.

Таблица 2

Вариантные формы смешанного типа	I имперф.	II имперф.	Всего
1. Стилистически сниженные (разг., прост.).	12	21	33
2. Устаревшие	26	19	45
ВСЕГО:	38	40	78

Вариантные формы совершенного вида представлены образованиями префиксального типа и редкими корреляциями суффиксального типа. Ср.:

а) задеревенеть (разг.)/одеревенеть, закаменеть (разг.)/окаменеть, занеметь (разг.)/онеметь, намаслить (разг.)/промаслить, затушить (разг.)/потушить, отучнеть (разг.)/потучнеть, погубить/сгубить (разг.), выкупать/искупать (разг.), осмелеть/посмелеть (разг.), посоветовать/присоветовать (разг.), прочесть (разг.)/прочитать, надломить/надломать (разг.), ослабеть/ослабнуть (разг.), сплющить/сплюснуть (разг.) (79);

б) обагроветь (прост.)/побагроветь, оконфузить (прост.)/сконфузить, оглупеть (прост.)/поглупеть, запьянеть (прост.)/опьянеть, пригодиться/сгодиться (прост.), покраснеть/скраснеть (прост.) истопить/стопить (прост.), спечь (прост.)/испечь, обменяться (прост.)/обменяться, проломить (прост.)/проломать, ополоснуть/ополоскать (прост.) (52);

в) замертветь (устар.)/помертветь, скрасть (устар.)/украсть, запустеть (книжн. устар.)/опустеть, погибнуть/сгибнуть (устар. прост.), отряхнуть/отряхать (устар. прост.) (19).

* *
*

Изучение стилистических отношений вариантных форм видов позволять сделать некоторые выводы общего характера.

В системе вариантных форм видов наблюдается определенная, а в некоторых морфологических типах отчетливо выраженная тенденция к стилистической дифференциации вариантов, что приводит к постепенному вытеснению одной из форм (см. сводную таблицу 3). Эту тенденцию достаточно надёжно подтверждают данные толковых словарей русского языка и наши наблюдения над употреблением вариантных видовых форм в текстах художественной и научно-технической литературы, в периодической печати, живой разговорной речи. Однако процесс этот происходит медленно, как правило, в течение длительного времени и охватывает лишь 35% нашего объекта. Остальная часть вариантных форм (65%), хотя и находится в отношениях конкуренции, не обнаруживает активного, четко выраженного стремления к взаимному вытеснению.

Одновременно с процессом устарения вариантности в системе видовых форм в русском языке происходит и противоположный процесс — появление новых вариантов. Это менее яркий процесс, но он все-таки наблюдается как в сфере имперфективации, так и перфективации. Он также свидетельствует о том, что вариантные формы видов в языке занимают достаточно устойчивое положение, отражая сложное взаимодействие различных средств и способов образования видовых форм глагола в двух основных формообразующих процессах — имперфективации и перфективации.

Стилистическая характеристика вариантных форм вида

Стилистические группы	несов. вид		сов. вид		Всего	
	суф.	смеш.	преф.	суф.	Колич	%
1. Стилистически равнозначные варианты.	202	250	119	97		
	452		216		668	65%
2. Стилистически дифференцированные варианты.	140	78	110	40		
	218		150		368	35%
ВСЕГО:	342	328	229	137	1036	

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н. С. Изменения в системе глагола. — В кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке.
2. Авилова Н. С. Материалы к истории видовых соотношений глагола. — В сб.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. V. М., Изд. АН СССР, 1962.
3. Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1972.
4. Ионина М. В. Глаголы с корнями «-лож- (-лаг-)» «-клад». — РЯШ, 1970, № 4.
5. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., «Наука», 1971.
6. Обнорский С. П. Глагол использовать — использовать в современном русском языке. — «Язык и мышление», т. 3—4, 1935.
7. Снопкова С. И. Вариативные образования несовершенного вида в их соотношении с классами глагола и семантикой глагольного слова. АКД. М., 1973.
8. Теленкова М. А. К вопросу о несоотносительных глаголах несовершенного вида в современном русском языке. АКД. М., 1955.
9. Тихонов А. Н. Заметки о вторичной имперфективации глаголов с чистовидовыми приставками. — Труды Узбекского гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия, № 92, Самарканд, 1958.
10. Тихонов А. Н. О стилистической и смысловой дифференциации вариантных форм несовершенного вида глаголов с грамматикализованными префиксами. — «Краткие сообщения». Изд. Узбекского гос. ун-та, Самарканд, 1959.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НЕПРЕДЕЛЬНОСТИ, ЧАСТНЫХ ВИДОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ И ЗНАЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ИНФИНИТИВНОГО КЛАССА *

Л. И. Ушакова

Категория предельности — неопределенности, как известно, является семантической базой грамматической категории вида, однако в функциональном плане она еще не подвергалась специальному изучению. В настоящей статье мы попытаемся раскрыть проблему взаимодействия неопределенности, частных видовых значений и значения синтаксических моделей инфинитивного класса.

Языковой материал показывает, что неопределенный характер глагольной основы оказывает существенное влияние на процесс функционирования видов, выражение частных видовых значений и модальных смыслов. По отношению к инфинитивным конструкциям можно говорить о явлениях трех типов:

1) В синтаксических конструкциях, не допускающих с/вид, функционирование неопределенных глаголов ничем не отличается от функционирования в них предельных глаголов (структурная схема D Inf [1] со значением объективной необходимости осуществления действия, объективного долженствования типа: Ему ехать (только утвердительные реализации); структурная схема D бы только Inf со значением склонности, предрасположенности субъекта к осуществлению действия при негативном отношении к этому говорящего типа: Ему бы только спорить);

2) в других моделях неопределенный характер глагольной основы приводит к обобщению всех синтагматических значений н/вида в одно — обобщенно-фактическое (модели вопросительных предложений Inf и Integг Inf типа: Сидеть в этой комнате? Где ему спать?), причем даже в тех конструкциях, которые, реа-

---

* В своей классификации инфинитивных предложений мы опираемся на классификацию Н. Ю. Шведовой и пользуемся символикой, принятой в «Грамматике современного русского литературного языка», АН СССР, 1970.

лизуясь с предельными лексемами, этого значения не допускают (структурная схема Inf с побудительным значением типа: Слушать меня!, структурная схема Inf с оптативным значением типа: Знать бы об этом раньше!);

3) в отрицательных реализациях структурной схемы D Inf, предложениях модели Inf Neg Praed (Проп₂) со значением невозможности выполнения действия типа: Негде жить/ непредельные глаголы берут на себя функции глаголов с/вида, начиная выражать присущие последним модальные значения.

Рассмотрим функционирование непредельных глаголов в моделях каждой группы.

I

Структурные схемы D Inf со значением объективной необходимости осуществления действия и D бы только Inf со значением склонности, предрасположенности субъекта к совершению действия при негативном отношении к этому говорящего реализуются (за небольшим исключением) только с н/видом. Инвариантное значение н/вида, обозначающего действие как таковое, без признаков его целостного исполнения вполне соответствует тем модальным планам, в которых действие представлено как вынужденное, объективно необходимое (структурная схема D Inf); склонность субъекта к осуществлению действия также исключает представление о целостности (модель D бы только Inf). Обязательность употребления н/вида в этих конструкциях и недопустимость совершенного снимает различия между реализациями их с предельными и непредельными глаголами. Для доказательства сравним: 1) примеры с предельными лексемами; 2) примеры с непредельными лексемами.

Модель D Inf.

1. а) Через десять дней Владимиру Ильичу *уезжать*. (М. Прилежаева, Три недели покоя); — Мне через полчаса паромход *отправлять*, я из-за тебя расписание не стану ломать (там же).

б) Много слов тратить не стану. Не впервой мне *отправлять* вас на трудное и славное дело. (Б. Лавренев, За тех, кто в море); — Нам эту землю *обрабатывать* и *обрабатывать*,

2. а) *Воевать-то* нам в конце концов. (С. Дангулов, Кузнецкий мост); — А что, Варя, *быть* греху какому-нибудь.

(А. Н. Островский, Гроза); Вам, Степан Степанович, пока оставаться на месте и *командовать* левым клином. (И. Стаднюк, Война).

б) Такая уж судьба у наших жен: *ждать* да *ждать*. (В. Кочетов, Секретарь обкома); — Тебе, сынок, еще *топать* и *то-*

удобрять и *удобрять*, и не оглоблю сажать, а зерно, отборное, проверенное, высокоурожайное. Да *ухаживать* за ним и *ухаживать*. (В. Кочетов, Секретарь обкома).

пять, шлях твой в зарождении. (П. Проскурин, Судьба).

Модель D бы только Inf.

а) Вам только бы над женой ломаться да власть *показывать*, в том вся ваша жизнь проходит. (А. Н. Островский, Грех да беда на кого не живет).

б) Вам бы все престольные праздники *устроить* да с иконами по степи таскаться, хлеба *вытаптывать*. (М. Шолохов, Поднятая целина); Тебе бы только приказывать да листовки *писать*. (М. Павленко, Счастье).

а) Вам, Федор Григорьевич, все бы только *смеяться*, а вот мне не до смешков. (Б. Полевой, На диком берегу): Ему бы только *болтать* о пустяках — вот его дело. (А. Н. Островский, Не было ни гроша, да вдруг алтын).

б) Все вам только *пересмеивать* людей! (Л. Н. Толстой, Плоды просвещения); Вам с тятенькой только кляузы *строить* да тиранничать. (А. Н. Островский, Свои люди сочтемся).

В примерах группы а) *н/вид* выступает в обобщенно-фактическом значении, которое в наибольшей степени соответствует семантике этих моделей: необходимость действия представлена как необходимость вообще, необходимость как таковая. Склонность субъекта к осуществлению действия также мыслится в самом общем плане без конкретизации характера ее проявления.

В примерах группы б) наличие показателей кратности (наречий) (*не впервой* отправлять), повторения глаголов (ждать да ждать и др.), управляемых существительных в форме множественного числа (*праздники* устраивать и др.) способствует выражению неограниченно-кратного значения *н/вида*.

В реализациях обеих моделей не встречается конкретно-процессное значение, обладающее семей «конкретность» и, следовательно, не согласующееся с их семантикой.

Результаты проведенного анализа подтверждают мысль о том, что функционирование *непредельных* глаголов в моделях с синтаксически обусловленным употреблением *н/вида* ничем не отличается от функционирования в них *предельных* глаголов: и те, и другие глагольные лексемы выступают в одинаковых частных видовых значениях, выражают одни и те же модальные смыслы.

Предельные глаголы совмещают в одной и той же лексеме два видовых значения — *совершенство* (целостность) и *несо-*

вершенность (нецелостность), которые находятся в отношениях взаимодействия и взаимоотталкивания. Наличие противопоставленной формы с/вида, обозначающей конкретный единичный факт, способствует проявлению в разных синтаксических условиях основных свойств несовершенности — выражению процессного, неограниченно-кратного и обобщенного действия. Непредельные глаголы, не имея такого противопоставления, чаще всего обозначают действие как таковое, без указания на процессность или кратность. Особенно ярко это проявляется в сфере инфинитива, что связано с присущей ему самому обобщенностью [2]. Наверное, не случайно Ю. С. Маслов, исследуя употребление совершенного и несовершенного вида в болгарском языке, отдельно рассматривает функционирование несовершенных форм от предельных и непредельных глаголов и отмечает, что определить специфическое значение несовершенного конъюнктива (функционально соответствующего русскому инфинитиву) гораздо труднее, так как отсутствие противопоставленных форм совершенного вида с тем же значением ослабляет в них моменты процессности и обобщенности, в связи с чем общее значение формы несовершенного конъюнктива может приближаться в этих случаях к конкретно-фактическому значению с/вида [3]. Мы склонны называть это значение обобщенно-фактическим, так как заключающаяся в инфинитиве обобщенность в контекстах с непредельными глаголами наиболее полно проявляется.

Воздействие непредельности на актуализацию частных видовых значений наглядно проявляется в тех синтаксических конструкциях инфинитивного класса, которые допускают употребление обоих видов и в которых н/вид может быть представлен в разных частных значениях. Так, структурные схемы вопросительных предложений Inf и Integ Inf в области предельных глаголов допускают конкретно-процессное и обобщенно-фактическое значения, в области непредельных глаголов — преимущественно обобщенно-фактическое.

Приведем примеры.

Контексты с предельными глаголами.

Конкретно-процессное значение.

— *Подавать* кушать? (М. Горький, Дачники); Зал гудел все сильнее и сильнее. — Еще *объяснять*? — спросил Василий Антонович. (В. Кочетов, Секретарь обкома); — Вам гово-

Контексты с непредельными глаголами.

Обобщенно-фактическое значение.

— Ты рыбак вроде? — спросил Демид. — Будем батрачить на Тараску, а для отдыха рыбку ловить. И будем *ждать*. — Опять *ждать*? Чего *ждать*? Сколько *ждать*? — выкрикнул

рю. Что людям на завтрак *готовить*? (А. Софронов), Стряпуха).

Обобщенно-фактическое значение.

— Ну, подвернулся случай, — согласился Зеркалов. — Что ж, *упускать его*? (А. Иванов, Повитель); — Куда ему самому *подаваться* после тюрьмы, если всю жизнь занимался хлеборобством, иного дела не знает, не любит? (В. Калашников, Разрыв-трава).

Структурные схемы Inf с побудительным значением, Inf с оптативным значением, не допускающие в области предельных глаголов обобщенно-фактическое значение, в области непредельных глаголов его реализуют. Вновь сравним примеры с предельными и непредельными глаголами.

Структурная схема Inf с побудительным значением.

Конкретно-процессное значение.

— По местам стоять, с якоря *сниматься*! (Б. Лавренев, Разлом); — Завтра же утром *отходить*, взорвав мостик за станцией! (Н. Островский, Как закалялась сталь); — Итак, из северных и западных районов немедленно *вывозить* курсы медсестер и сандружинниц... (А. Чаковский, Блокада).

Неограниченно-кратное значение.

— По обнаружении врага немедленно *вызывать* соседа на соединение и действовать совместно. (Б. Лавренев, За тех, кто в море); — Теперь — внимание! Следить, *запоминать*, *делать* выводы: сколько их

Костя. (А. Иванов, Тени исчезают в полдень); — Тебя, что же, *считать* или *не считать* колхозником? (А. Иванов, Повитель); — Сейчас главное — *выжить*, *выжить*, *выжить*... — А когда же *жить*, Родион? — спросила Елизавета Андреевна, и в голосе ее послышалась горькая усмешка. (П. Проскурин, Судьба); — Как *звать-то*? — спросил Звягинцев. (А. Чаковский, Блокада).

здесь, что будут делать. (В. Богомолов, В августе сорок четвертого).

Обобщенно-фактическое значение.

— *Гнать* их, этих благородий, *взашей*! (М. Шолохов, Тихий Дон). — Революционным судом его *судить* и без промедления *наказать*! (там же); — *Останешься за меня! Глядеть* в оба, а *слушать* в четыре уха! Понял? (А. Иванов, Тени исчезают в полдень); — Только чур, *помнить* про дисциплину, *держаться* себя как нужно. (Б. Лавренев, Разлом); Половцев сжал руку Тимофея, негромко сказал: «Беспрекословно *слушать* меня! (М. Шолохов, Поднятая целина).

Структурная схема Inf с опативным значением.

Неограниченно-кратное значение.

— Эх, поскорей бы, самому *зарабатывать*! До чего у тебя клянуть надоело! (В. Розов, В добрый час); — Инструмент бы новый завести, заказы *брать*, старухе деньги *отдавать*. (А. П. Чехов, Горе).

Обобщенно-фактическое значение.

— Мне бы в деревню обратно *ехать*, а я по глупости-то женской здесь осталась. (А. Арбузов, Таня); — Тебе в горнице бы *сидеть* да в окошко *глядеть*. (А. Иванов, Тени исчезают в полдень). *Ехать* бы нам. Уже немного осталось. (А. П. Чехов, Вишневый сад). К нам бы тебе *держаться* поближе. (А. Иванов, Повитель).

В сложноподчиненных предложениях с придаточными цели, в которых н/вид предельных глаголов может выступать в конкретно-процессном и неограниченно-кратном значениях, неопредельные глаголы также имеют только обобщенно-фактическое значение.

Конкретно-процессное значение.

Положил я его на стол, чтобы операцию *делать*, а он возьми и умри у меня под хлороформом. (А. П. Чехов, Дядя Ваня); Да, сели мы с ней так вдвоем — свекровь и невестка, чтобы *решать* свою судьбу. (Ч. Айтматов, Материнское поле).

Неограниченно-кратное значение.

Их гнали на каторгу, сажали в тюрьмы, а они бежали оттуда, чтобы вновь *продолжать* борьбу. (А. Афиногенов, Страх); Для того он и выращивал лошадей, чтобы затем *передавать* их другим для работы, для езды. (Ч. Айтматов, Прощай, Гульсары).

Обобщенно-фактическое значение.

Что нужно сделать, чтобы *жить* иначе? (М. Горький, Враги); Чтобы мне *работать*, одного меня недостаточно, нужна в придачу студия, хотя бы в мечети. (К. Симонов, Двадцать дней без войны); — Но чтобы *сомневаться* в нем, вы должны сначала исполнить его требования. (К. Федин, Санаторий Арктур); — Как нигде в мире, здесь изменчива судьба человека, которому, чтобы *жить*, ни на минуту нельзя выпускать из рук тугих вожжей обстоятельств, при любых, самых невозможных обстоятельствах стараться управлять ими. (В. Быков, Дожить до рассвета).

Выявленная нами закономерность — выражение абсолютно неопредельными глаголами только обобщенно-фактического зна-

чения — имеет широкое распространение. Однако в отдельных случаях при акцентировании конкретности ситуации неопределенные глаголы могут выразить конкретно-процессное значение, но не в полной мере: у них отсутствует характерный для конкретно-процессного значения в сфере независимого инфинитива оттенок приступа к действию. Ср.: Сейчас *сидеть* здесь? Теперь — *слушать* меня (сейчас и вообще) и т. д.

Лексемы, относительно неопределенные, то есть способные в разных контекстах иметь предельное и неопределенное значение, обнаруживают свойства предельных несовершенных глаголов, в частности, могут выражать оттенок приступа к действию.

Ср.: Ивановский тоже вскочил с колена, чтобы *бежать* за бойцом, но при свете вспыхнувшей над полем ракеты увидел несколько близких теней, которые, пригнувшись, бежали от дороги вдоль складской изгороди. (В. Быков, *Дожить до рассвета*); — Это про кого изволите? Прежний коновал, что ли? А бог его знает! Цыган, известное дело, бродяга. Можга, и в Россию подался из Сибири-то. Ищи ветра в поле. Куда *идти-то*? (А. Иванов, *Повитель*); Он окинул мать довольным взглядом, погладил пальто руками и спросил мать: «*Идти?*» (М. Горький, *Мать*).

III

Неопределенные глаголы могут выполнять свойственные и совершенному, и несовершенному виду предельных глаголов модальные функции. Это проявляется в том, что:

1) отрицательные реализации структурной схемы D Inf с неопределенными глаголами способны выражать как присущее н/виду значение отрицания долженствования, необходимости действия, так и специфическое для с/вида значение невозможности действия;

2) реализации структурной схемы Inf Neg Praed (Prон₂) могут выражать свойственный н/виду оттенок удовлетворения по поводу невозможности осуществления действия и характерный для с/вида оттенок сожаления.

В аспектологической литературе уже не раз отмечался тот факт, что в отрицательных инфинитивных предложениях, а также в конструкциях с зависимым инфинитивом есть тенденция употреблять н/вид при отрицании долженствования, необходимости действия, а с/вид — при отрицании возможности действия [4]. Однако это справедливо только по отношению к предельным глагольным лексемам. Неопределенные глаголы могут иметь и то, и другое значение, что связано с отсутствием соответствующего глагола с/вида и необходимостью данное значение выразить. Действие указанной тенденции проявляется в реализациях модели D Inf, связанной только с н/видом. В пред-

ложениях с предельными глаголами основное модальное значение данной конструкции не меняется и может быть определено как отрицание объективной необходимости и долженствования.

Ср.: — Да на что нам много денег? Нам ведь серебряных подков *не покупать*, потому у нас и лошадей нет. (А. Н. Островский, Не было ни гроша, да вдруг алтын) — ср.: нам нет необходимости покупать, не нужно (отрицается объективная необходимость действия); ... да как хотят, мне за них *не отвечать*. (А. Н. Островский, Свои люди — сочтемся) — ср.: мне не придется, нет необходимости отвечать); — Это не по нашей части, нам крестьян *не покупать*. (А. Н. Островский, Свои люди — сочтемся) — нам нет необходимости покупать крестьян.

В предложениях с непредельными глаголами в одних случаях отрицается объективная необходимость действия, долженствование (то есть непредельные глаголы выполняют модальные функции, свойственные несовершенным формам парных предельных глаголов), в других случаях — отрицается возможность осуществления действия (то есть непредельные глаголы выполняют модальные функции совершенных форм).

Сравним две группы примеров.

Отрицание долженствования или необходимости действия

И подлинно, ведь мне коровы *не доить*, уж так и быть, возьми себе назад подойник. (И. А. Крылов, Разборчивая невеста) — ср.: я не должна доить корову; Мне, брат, всю жизнь при жеребцах *не крутиться*. (М. Шолохов, Поднятая целина) — нет необходимости, не придется крутиться; *Не быть* тебе в Москве, *не жить* тебе с людьми. (А. С. Грибоедов, Горе от ума); — А, впрочем, в моем положении не мне *судить* других людей, в том числе и Ирину. (К. Симонов, Двадцать дней без войны).

Отрицание возможности действия

Теперь они до ночи не дадут им переправляться. Мосту этому *не быть* живу. (М. Шолохов, Тихий Дон) — ср.: невозможно быть живу; — Не всем же на Тверской *жить*, там для всех места не хватит. (А. Н. Островский, Не было ни гроша, да вдруг алтын) — ср.: невозможно всем жить на Тверской; Мне с ней никак *не бороться*. (Писемский, Тысяча душ) — ср.: невозможно бороться.

Реализации структурной схемы Inf Neg Praed (Pron₂) со значением невозможности осуществления действия (типа: Не где жить) при наличии предельных глаголов характеризуются выражением оттенков сожаления или, напротив, удовлетворения по поводу невозможности осуществления действия, связанными с употреблением разных видовых форм.

Ср.: — Вот что, Греков, зарывайте все в землю. *Спрятать* (ср.: прятать) негде. (М. Горький, Враги); Только тогда Крылов понял, что нет Вари, некому *написать* (ср.: писать) про победу, не с кем жить. (И. Эренбург, Буря); — Мне некогда *занимать* (ср.: занять) вас разговором, я бедная девушка, мне нужно работать. (А. Н. Островский, Не было ни гроша, да вдруг алтын); Просто бедная девушка у нас живет. Ей некуда *деваться* (ср.: деться). (Н. Островский, Как закалялась сталь).

Непредельные глаголы в силу своей «неделимости» на совершенные и несовершенные и наличия лишь одной несовершенной формы в зависимости от коммуникативных задач говорящего могут выражать оба названных оттенка.

Приведем примеры.

Выражение оттенка сожаления.

Жалуются, что урожай плохой и *платить* им нечем. (М. Горький, Враги); Так надо, и *жаловаться* мне не на кого и не за что. Винават я сам. (Л. Н. Толстой, Анна Каренина); Мы — не баре. *Учить* нас некому. Надо все самим понимать. (М. Горький, Детство); Земли пустоует много, *пахать* не на чем. (В. Калашников, Разрыв-трава); (Татьяна). Я думаю уехать отсюда. (Яков). Да, а вот мне некуда *ехать*. (М. Горький, Враги).

Выражение оттенка безразличия или даже удовлетворения.

Нам с Васичкой некогда по театрам *ходить*, — отвечала она степенно. — Мы люди труда, нам не до пустяков. (А. П. Чехов, Душечка); Он (дед) слепо взглянул на бабушку и пошел во двор, говоря: Мне *хоронить* не на что, как хошь сама. (М. Горький, В людях); Мне не о чем *сокрушаться* и *утешаться*. (Л. Н. Толстой, Анна Каренина); (Максим). Ты-то как, заявление не написал? (Корней). *Торопиться* мне некуда. (В. Калашников, Разрыв-трава).

Представленный в данной статье материал свидетельствует о том, что содержательные единицы разных уровней: семантического (предельность-непредельность), морфологического (категория вида) и синтаксического (инфинитивные модели) находятся в тесном взаимодействии. Связь предельности-непредельности и категории вида в инфинитивных предложениях проявляется в том, что предельные глагольные лексемы могут выступать во всех частных значениях, тогда как непредельные глаголы в разных условиях функционирования имеют главным образом одно — обобщенно-фактическое значение. Взаимоотношение предельности-непредельности, частных видовых значений и синтаксических конструкций инфинитивного класса обнаруживается в том, что непредельные глаголы выражают обобщенно-фактиче-

ское значение даже в тех моделях, которые этого значения в области предельных лексем не допускают (структурная схема Inf с побудительным значением, структурная схема Inf с оптативным значением, сложноподчиненные предложения с придаточными цели). Являясь грамматически «ущербными», одновидовыми, неопредельные глаголы способны выражать специфические модальные значения как совершенных, так и несовершенных парных глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, с. 546—547.
2. Метлина Н. А. Независимый и зависимый инфинитив и его синтаксическая роль в предложении современного русского литературного языка. АКД, М., 1953.
3. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 236.
4. Бойко А. А. О роли вида в некоторых инфинитивных сочетаниях, содержащих отрицание. — Уч. зап. ЛГУ, «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка», № 156, Сер. филологич. наук, вып. 15, 1952, с. 150, 154; Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М., Изд-во МГУ, 1968, с. 81.

К УПОТРЕБЛЕНИЮ СОЮЗОВ ЧЕМ И ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ

А. А. Бойко

В плане изучения многогранной проблемы аспектуальности все большее внимание привлекает исследование употребления видов инфинитива, в частности предикативного. Наиболее значимым моментом является выявление модальной функции вида, отмечаемое многими исследователями (О. П. Рассудовой, В. С. Болевицкой-Хализевой, С. Самедовым, Л. И. Ушаковой).

В предлагаемой небольшой статье эта актуальная проблема прослеживается на материале инфинитивных придаточных предложений с союзами *чем* и *вместо того чтобы* [2/717, 720].*

Придаточные предложения со сравнительным союзом *чем* указывают, чему предпочитается то, о чем говорится в главном предложении, т. е. содержат действие отвергаемое. Отвергаться может как действие потенциальное, так и уже совершающееся или совершившееся, но в любом случае оно выражено только инфинитивом несовершенного вида.

«*Чем лошадей для него нанимать, так пусть лучше даром проедет*» (Чех., Почта); «*Чем тревожить меня разными словами, вы бы лучше шли танцевать*» (Чех., Свадьба); «*Привез бы лучше деньгами, чем самовары покупать*» (М.-Сибир., Дедушкино золото).**

Показательно, что сказуемое главного предложения выражается одной из форм побудительного наклонения, ввиду чего все высказывание имеет побудительный характер [2/590—598; 3/364—367].

«*И уж чем других посылать, а потом болеть за них душою, лучше самому идти!*» (Г. Федосеев, Смерть меня подождет); «*Но чем лежать и отвечать на свои же вопросы, лучше пойти*

* Сравнительный союз *чем* наряду с временным союзом *прежде чем* отнесен В. В. Виноградовым к особой группе, содержание которой не раскрывается, союз *вместо того чтобы* — к разряду союзов с модальной окраской гипотетичности, ирреальности, включающих в себя частицу *бы*.

** При отрицательном отношении к действию встречается немаркированное употребление множественного числа.

к Сане, может, он им чем-нибудь сумеет помочь?» (Собко, Обыкн. жизнь); «Гораздо *лучше усвоить* один необходимый предмет в течение курса, *чем околачиваться* на трех кафедрах сразу» (Копт., Дерзание).

«Чем рассчитывать проценты с пятнадцати тысяч, которых еще нет... вы лучше *подумайте*, в чем сегодня со двора *выйдете*» (Некр., Три страны света); «Чем соленой слезой *умываться, освежитесь* студеной водицей» (Либед., Утро Советов); «Так что, сыночек, *чем зубами скрипеть*, лучше *бери* деньги и *иди* в сберкассу» (Собко, Обыкн. жизнь);

«Чем им (раненым лошадям) *подыхать* без пользы, лучше *заготовим* из них сухую колбасу на зиму...» (Пенежко, Зап. сов. офицера); «...чем с заочниками *возиться, двину-ка* я на производство...» (Кетл., Дни нашей жизни); «...чем за изюб-рем с одним билетом по тайге *рыскать*, лучше ракушки *по-больше выловим*» (Бытовой, Даурская жемчужница).

«Чем песни *петь*, да лясы с соседками *точить, пусть-ка* на господ маленько *поработает*» (Бажов, Малахит. шкат.); «Чем на печи *лежать, пусть* дело *делает*» (Герман, Россия молодая).

«*Лучше бы* хлеба гнилого *не давали, чем* речами *заниматься...*» (Фурм., Мятёж); «Чем по крышам *лазить, штаны врать, лучше бы помогал* матери...» (Лавров, Одни); «Чем *задавать* оскорбительные вопросы, *взял бы да и почитал* газету вслух...» (Е. Кутузов, Четвертое измерение).

Во всех вариантах действие главного предложения является потенциальным, в той или иной форме предлагается осуществить указанное действие. Оттенок положительного отношения к действию главного предложения подчеркивается наречием *лучше*, хотя последнее может и отсутствовать: Чем дома-то валяться, сходи лучше (сходил бы лучше, пусть лучше сходит, сходим лучше, лучше сходить, не лучше ли сходить, не сходить ли, давайте сходим и т. п.) в кино.

Констатирующее же высказывание, фиксирующее совершающееся действие, с союзом *чем* невозможно. Так, нельзя сказать: Чем по крышам лезть, он помогал матери; Чем других посылать, он поехал сам; Чем на печи лежать, мы дело делали и т. п. В подобных случаях нормативным является употребление союза *вместо того чтобы*.*

Примечание: При сочетании союза *чем* с *бы* соотношение действий меняется — союз *чем бы* вводит действие противопоставляемое, в то время как порицаемое содержится в главном предложении. Употребительны оба вида инфинитива, однако

---

* Встретившийся нам единичный случай использования союза *чем* в указанном употреблении представляется отклонением от литературной нормы: «Почему так получается? Винаваты мастера: *чем возиться* с новичками, предпочитают выезжать на хорошо проверенных кадрах» (Кетл., Дни нашей жизни).

типичным для подобных сочетаний является инфинитив совершенного вида.

«Нередко от того погибель всем бывает, Что *чем бы* общую беду *встречать* дружней, Всяк споры затевает О выгоде своей» (Крыл., Раздел); «Тут, *чем бы* вора *подстеречь* И *наказать* его, а правых *поберечь*, Хозяин мой велел всех кошек пере-сечь!» (Крыл., Хозяин и мыши); «Влады, не забывайся, — сердито сказала Вершина, — *чем бы извиниться*, а ты опять повторяешь» (Ф. Сологуб, Мелк. бес); «... *чем бы* мне *лечь*, а я (Дарья) поехала гулять» (Некр., Три страны света).

Для современного языка сочетание с *бы* является архаичным, употребляемый же в настоящее время союз *чем* вводит лишь действие отвергаемое и сочетается только с инфинитивом несовершенного вида.

Союз *вместо того чтобы*, в отличие от союза *чем*, может вводить как действие порицаемое говорящим, так и рекомендуемое им.

В предложениях, содержащих неуместное действие, глагол всегда стоит в форме инфинитива несовершенного вида и выражает, как правило, действие осуществляющееся.

«Она тоже могла бы потратить этот год на диссертацию, *вместо того, чтобы* возиться с водопроводом, *составлять* сводки...» (Гранин, Искатели); «А ты вот, *вместо того, чтобы* на старика *взъедаться*, помог бы мне разобраться, чему ребята научились...» (Асанов, Ветер с моря); «*Вместо того, чтобы* *высказывать* мнение, вы (Зеликман) лучше заняли бы определенную позицию, — сердито сказал я» (Тевекелян, Гранит не плавится); «И, *вместо того, чтобы* несправедливо его *обижать*, вам следовало бы... Сырейщиков не пожелал дослушать и Завьялова» (Бек, Лойко, Молодые люди); «... *вместо того, чтобы* миллионами тонн безнадежно *погибать* в сливных озерах, (серная кислота) войдет составной частью в суперфосфат» (Католин, Волшебник нефтяного города).

Если же в предложениях с союзом *вместо того чтобы* имеется в виду действие уместное, противопоставляемое неуместному, выраженному в главном предложении, употребительны оба вида инфинитива с учетом видовых различий, причем в обоих случаях речь идет о действии потенциальном, осуществление которого представляется желательным или естественным (входящим в обязанности, вытекающим из ситуации и т. п.).

«Он (Кондратенко) всю дивизию обратил в рабочих-землекопов, *вместо того, чтобы* строить их *обучать*» (Степ., Порт-Артур); «*Вместо того, чтобы* заниматься делом, граф заказывал мессы в костеле святого Иоанна» (Виногр., Три цвета времени); «Марест с истинно баронским величием, *вместо того, чтобы* *отвечать* мне по существу, брызжет на меня (Жакмона) желчью своего остроумия» (Там же); «*Вместо того, чтобы* вести разъяс-

нительную работу, он (Нагульнов), орет на хлеборобов...» (Шол., Тихий Дон); «*Вместо того, чтобы беречь* каждую минуту, вы бегаєте по избам и занимаетесь товарообменом» (Гроссман, За правое дело).

«Ты видишь, я боюсь. *Вместо того, чтобы поддержать* меня, ты начал помогать тому, против чего я борюсь» (Черныш., Что делать?) «Свежий воздух, *вместо того, чтобы освежить* Привалова, подействовал как раз наоборот...» (М.-Сибир., Приваловск. милл.); «... ты, *вместо того, чтобы поблагодарить*, еще недоволен» (Ясенск., Челов. меняет кожу): «Но *вместо того, чтобы заняться* как следует укреплением дисциплины, руководители колхоза ищут выхода в приеме новых членов...» (Овечк., Без роду без племени); «...эта рота, *вместо того, чтобы двинуться* на помощь, бежала, покинув свои позиции» (Вайсенберг, Младшая сестра); «Он (Прокин) не учитывает того, что Хорева — человек малограмотный. *Вместо того, чтобы помочь* ей, он зажимает ей рот» (Слетов, Окурок).

Приведенный материал позволяет сделать следующие обобщения:

1. В оппозиции союзов *чем* — *вместо того чтобы* маркированным членом является союз *чем*. Он вводит лишь действие нежелательное и сочетается только с инфинитивом несовершенного вида.

2. Союз *вместо того чтобы*, являясь немаркированным членом, может вводить как действие осуждаемое, так и рекомендуемое. В первом случае возможно употребление обоих видов инфинитива, во втором — лишь инфинитива несовершенного вида.

3. Инфинитив совершенного вида выражает в рассматриваемых конструкциях лишь действие потенциальное с модальным оттенком желательности (уместности, естественности) его совершения, т. е. положительного к нему отношения.

4. Инфинитив несовершенного вида — немаркированный член видовой оппозиции — выражает либо действие нежелательное без учета видового оттенка (потенциальное, совершающееся и совершившееся), либо желательное с учетом такого.

Полученные соотношения можно изобразить наглядно следующим образом:

Союзы	Действие желательное	Действие нежелательное
ЧЕМ	————	н/в (без учета видового оттенка)
ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ	с/в, н/в (с учетом видового оттенка)	н/в (без учета видового оттенка)

Наблюдения относительно употребления видов инфинитива согласуются с данными, полученными на материале других типов инфинитивных предложений [1; 4].

Представляются полезными следующие практические указания для изучающих русский язык с учетом коммуникативного назначения рассматриваемых инфинитивных предложений:

1. При положительном отношении к действию употребляется только союз *вместо того чтобы*, причем возможны сочетания как с несовершенным, так и с совершенным видом инфинитива в зависимости от требуемого видового оттенка.

2. При отрицательном отношении к действию возможно употребление как союза *вместо того чтобы*, так и союза *чем* с учетом их стилистических особенностей. Что же касается формы глагола, то в подобном случае допустим только инфинитив несовершенного вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко А. А. О модальных функциях вида в современном русском языке. На материале инфинитивных сочетаний. Канд. дисс. Л., 1953.
2. Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947.
3. Грамматика русского языка АН СССР, т. II, ч. I.
4. Ушакова Л. И. Употребление видов глагола в независимом предикативном инфинитиве. АКД. Воронеж, 1975.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ВИДА ГЛАГОЛА «БЫТЬ»

Л. П. Бирюкова

Глагол *быть* занимает обособленное положение в формально-смысловой структуре русского глагола. Его обособленность объясняется, прежде всего, крайней отвлеченностью лексического значения. А. М. Пешковский писал: «Если глагол *являться* обозначает «обнаруживать свое бытие», *казаться* — «обнаруживать свое внешнее, неистинное бытие», *оставаться* — «продолжать свое бытие», *быть* уже обозначает само это бытие, и только его. Это самый отвлеченный глагол и самое отвлеченное полное слово в языке вообще (не считая местоимений, конечно). Ведь бытие — это самый общий признак вещей» [12/219—220].

В системе слово- и формообразования этот глагол хранит следы былой видовой недифференцированности. Видовая неопределенность или двойственность видового значения этого глагола отмечалась многими исследователями [см., напр.: 22/146—154; 23/62—67; 11/57]. Наличие адъективированного причастия с суффиксом *-ущ-*, деепричастия *будучи*, способность образовать глаголы ограничительных способов действия (по-быть, пробыть) свидетельствуют об имперфективной природе этого глагола. Устаревшие деепричастия *быв(ши)*, простая форма для выражения будущего времени в современном языке указывают на возможность его перфективного осмысления. Кратно-перфективное значение имперфекта глагола *быть* для древнерусского языка отмечает Ю. С. Маслов — [8/83]. О других морфологических особенностях глагола *быть* см. [15/225—226].

Предметом настоящей статьи являются семантические видовые функции лексически полнозначного глагола *быть* в современном русском языке. (Мы придерживаемся того понимания семантических функций, которое предложено в работах А. В. Бондарко. См., напр. [3; 4]).

При анализе видовой семантики этого глагола естественно стремление исследователя наложить сетку функций совершенного и несовершенного вида на контекстное употребление форм

глагола *быть*. Отсюда вытекает методика анализа, используемая многими авторами, — прием подстановки синонимичных глаголов, расшифровывающих и конкретизирующих контекстное употребление глагола *быть*: существовать, находиться, произойти/происходить и под. [6/67—68; 15/16]. Из такого подхода закономерны выводы М. А. Теленковой о том, что в одних случаях глагол *быть* имеет видовое значение, соответствующее функциям несовершенного или совершенного вида, в других его видовое значение не поддается определению, естественно, прежде всего в тех случаях, когда допускает замену соотносительным по виду глаголом типа произойти/происходить. По мнению автора, в таких случаях следует говорить о неясности видового значения, об отсутствии его у глагола *быть*, что, возможно, объясняется очень обобщенным лексическим значением [16/135].

По сути дела, такой вывод относится вовсе не к глаголу *быть*, а к глаголам-заменителям и характеризует видовой контекст как исключаящий форму противоположного вида, поскольку глагол-заменитель несоотносителен по виду или допускает употребление обоих видов, поскольку синонимичный глагол имеет соотносительные видовые формы.

Особо следует оговорить форму типа «буду». Она представляет собой изолированное явление в системе видо-временных форм изъявительного наклонения, так как не имеет значения настоящего неактуального (как форма настоящего-будущего совершенного), а «обладает постоянным признаком отнесенности действия к будущему (признаком следования по отношению к исходной точке отсчета)» [5, т. 1/235—236]. Несмотря на то, что значение настоящего времени наряду с будущим искони было свойственно этой форме [13/97, 133—134], в современном языке оно воспринимается как переносное, ср. случаи типа: Вы кто такая будете? Буду я из дворян; Верст сто будет. См. [12/112; 5/т. 11, 506—510]. Видовое значение этой формы характеризуется обычно как перфективное, за исключением тех случаев, когда допускается замена глаголами находиться, существовать, иметься [16/137—139]. Предваряя результаты исследования, заметим, что эта форма в отношении вида не составляет исключения и несет на себе функцию самого общего указания на факт действия в будущем.

В настоящей статье предпринята попытка функционального анализа употреблений глагола *быть*, заключающаяся в данном случае в исследовании реализации основных элементов семантического потенциала видов. [О семантическом потенциале видов см. 1/11—21]. Поскольку речь идет об аспектуальных потенциях одного индивидуального глагола, исходным пунктом анализа является его лексическое значение. Видовые функции так или иначе преломляются «сквозь призму» типизирован-

ного лексического значения (способа действия) [7; 2; 19]. Здесь мы отвлекаемся от полемики по поводу того, являются ли способами действия «нехарактеризованные» глагольные основы. Важно еще раз подчеркнуть, что лексическая семантика глагола отражается в наборе присущих ему видовых функций. Так, отмечалось, что функции обозначения обобщенного факта действия в наибольшей степени соответствуют глаголы эволютивного способа действия, в постоянно-непрерывном значении выступают преимущественно глаголы состояния и отношения [1/29—30]. Не требуется больших усилий, чтобы заметить приспособленность глаголов многократного способа действия типа *хаживать, нашивать, бывать, лавливать* и под. к выражению значения неограниченной кратности.

Крайне отвлеченная лексическая семантика глагола *быть* обуславливает и своеобразные, тоже очень обобщенные видовые функции данного глагола, в которых отражается нейтральное, точнее безразличное отношение лексемы к специфическим аспектуальным признакам: длительности, процессности, локализованности/нелокализованности во времени. Реализуемые всеми формами этого глагола значения очень близки к обобщенно-фактическому значению несовершенного вида и отличаются от него лишь максимальной степенью обобщенности. Недаром формы глагола *быть* используются как мерило этого значения: значение обобщенного факта заключается в общем указании на факт наличия или отсутствия действия, «важно лишь то, было оно вообще или не было, будет или нет, нужно его осуществлять или нет и т. п.» [1/28]. (Выделено мной — Л. Б.). См. также [14/18].

Общее указание на факт действия — бытия особенно ярко проявляется в форме прошедшего времени: — Я вас хорошо помню, вы *были* у меня в декабре сорок первого дома (Симонов. Последнее лето); — ... А я давно там *не был*, давно (Солоухин. Черные доски); Мы проехали по нескольким городам Соединенных Штатов. *Были* в Чикаго, Кливленде, Бостоне... (Образцов. Моя профессия). Во всех примерах содержится лишь указание на то, что факт бытия (или пребывания) имел или не имел места.

Не менее отчетливо это значение в форме причастия прошедшего времени: *Бывший* при этом разговоре Мезенцев набрался храбрости и пояснил, что работу выполнил их сотрудник... (Крутилин. Косой дождь); Почему-то в самом начале рассказа моего о том, как я работаю, в нить этой сказки о себе вплелся Ярик, моя собака, *бывшая* у меня лет сорок тому назад (Пришвин. Друг человека).

Форма инфинитива реализует это значение осложненным различными, в зависимости от типа синтаксической конструкции и её лексического наполнения, модальными оттенками:

1) оттенок вынужденности или дозволенности факта бытия: — ... Быть может, всем нам придется *быть* на другой войне... (Шефнер. Сестра печали); Осчастливленный разрешением *быть* рядом, он ходил за ней, как на привязи (Попов. Обретешь в бою);

2) оттенки неизбежности, допустимости, уверенности в осуществлении факта бытия: Конечно, найдутся охотники, которые намалуют Леонтину, сжигающую танк. Да и почему бы, когда делают мед из опилок, *не быть* суррогату искусства, сделанному из героической действительности и дурной живописи (Эренбург. Буря); Теперь все поняли, что дело идет о судьбе родины — *быть* ей или *не быть*! (Эренбург. Мы выстоим!); В тот год Аня кончала техникум, и Виктор сообщил нам, что в зимние каникулы *быть* свадьбе (Ляховецкий. Транзисторный приемник);

3) оттенки императива: — *Быть* на месте. Проверить оружие! (Астафьев. Пастух и пастушка).

Указание на обобщенный факт бытия не противоречит специфике грамматической семантики форм косвенных наклонений: — *Будь* здесь! — наказал старшина Карышеву (Астафьев. Пастух и пастушка); Не забывайте меня. *Будьте* со мной в эти грозные дни (Письма лейтенанта Шмидта); Даже нимбы здесь не золотые, как *было бы*, если бы икона писалась в царствующей Москве ... (Солоухин. Черные доски); ... Приказано, *чтобы ты до утра был* в штабе армии (Симонов. Последнее лето).

Сложнее обстоит дело в форме, предназначенной для выражения будущего времени. В одних случаях значение обобщенного факта бытия не вызывает сомнения и отличается от того же значения в форме прошедшего времени лишь отнесенностью к другой временной плоскости: — Приезжай ко мне утром, я где-нибудь около городского собора *буду* (Симонов. Фронт). Эта мысль представляется более доказательной в тех примерах, где сопоставляются обе временные плоскости (прошедшее и будущее) или даже три, включая настоящее, обозначаемое словом *есть*: Неужели все лишь *было*? Неужели ничего больше *не будет*? (Ермолова. В грозу на качелях); А ещё все и каждый говорили: если нынче *не будет* боя, тогда *будет* суд над Власихиным Яковом Никитичем. И действительно, суд *был* (Залыгин. Соленая Падь); [Мартын]: — ... *Была* коммуна, *есть* и *будет* (Зорин. Вечный источник).

Труднее обнаружить это значение в тех случаях, когда речь идет о конкретно — единичном факте бытия, который может оцениваться как активное бытие, предполагающее определенные временные границы, например: Она [Валя] не знала, что *будет*, когда они останутся одни (Кетлинская. Дни нашей жизни); — Гапон вчера был у министра, он знал все, что *будет*, значит —

он изменил нам... (Горький. 9-ое января); — ... *Буду* скоро по делам в Ташкенте, — непременно справлюсь (Ясенский. Человек меняет кожу). Факт активного бытия может быть актуальным для возникновения и развития последующих событий и потому может включаться в ряд последовательных действий или возникать на фоне других действий (либо на фоне отсутствия действия). Приведем примеры: Тот год и день... не отмечен ещё черной каемкой ни в одном из календарей земного шара. Но год этот *будет*, день возникнет и час придет (Гайдар. История о неуловимом билете); Но *будет* время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни... (Горький. Песня о Соколе); Я не знал, что завтра и послезавтра *будут* у меня грустные дни (Песков. Речка моего детства); — Едемте, — повторил Рудаев. — Больше такого дня у нас *не будет* (Попов. Обретишь в бою); ... она [Кира] ему крикнула, что *будет* на будущей неделе в среду (Дангулов. Дипломаты); Мы не знали, когда это *будет*, но ... знали, что непременно *будет* (Симонов. Фронт). По наблюдениям Е. Н. Этерлей, в древнерусском языке для передачи активного бытия и бытия как статического состояния употреблялись разные основы глагола *быть*, соответственно бы — и бѣ-, бя-. См. [21/155—156, 160].

Почему нельзя признать за этой формой значение перфективности, несмотря на то, что она допускает толкование только глаголами совершенного вида: произойдет, поеду, настанет (наступят), придет, не повторится? Чем отличаются исходные высказывания от синонимичных, содержащих названные глаголы совершенного вида? Для ответа на этот вопрос попытаемся проанализировать характер «действия», обозначаемого глаголом *быть*.

Глагол *быть* обозначает такое действие, которое трудно назвать действием в полном смысле слова. Это скорее статическая данность, неразвивающееся состояние бытия, не предполагающее какого-либо результата, логического исхода и не допускающее детерминации предметными ограничителями, другими словами — это глагол неопредельный по своей семантике. [Мы используем критерии разграничения предельных и неопредельных глаголов, предложенные в работах Ю. С. Маслова и М. А. Шелякина, в частности, [10/74—76; 20/24—30]. «Неопредельные действия таковы по своей природе, что не поддаются целостному пониманию» [20/28]. У глагола *быть* доминантный признак семантического потенциала видов — признак целостности — получает отрицательное выражение. Это можно заключить из факта (хотя и довольно редкого для лексически полнозначного глагола *быть*; поведение связки *быть* требует специального исследования) сочетаемости с фазовыми глаголами, фиксирующими «середину» действия: Вопреки ее [На-

тальи] горю мир *продолжал* великолепно *быть* (Леонов. Соть). Однако трудно представить себе подобные сочетания с фазовыми глаголами, «застающими», например, начало действия: начал *быть*. Напрашивается вывод о том, что глагол *быть* обозначает такое действие — состояние, которое не предполагает начала, момента возникновения. Тем не менее, этот глагол может занимать позицию «наступления действия» на фоне другого действия или на фоне отсутствия действия: В минуту они *были* [ср.: оказались] на палубе ... (Горький. Челкаш); Пока Зайцев понял, что произошло, обидчика уже *не было* [ср.: не оказалось] (Битов. Аптекарский киоск); Когда он [Кларк] проснулся, *был* [ср.: наступил] уже день (Ясенский. Человек меняет кожу). Во всех примерах возможна замена совершенным видом, закономерным в этой позиции, но полученные в результате замены конструкции не равноценны первым. В них все обычно: целостное, сомкнутое действие в позиции «наступление факта». В конструкциях с глаголом *быть* отсутствует значение целостности, называется лишь факт наличия или отсутствия действия. Характерно, что в конструкциях, подчеркивающих именно момент наступления действия, глагол *быть* не может быть употреблен. Ср. следующий пример: Его уложили в постель, и ночью, когда я спал, Алексея Дмитриевича *не стало* (Солоухин. Приговор). Конструкция с глаголом *быть* имеет совсем другое грамматическое значение: ср. его уже *не было*. [О лексическом равенстве глаголов *быть* и *стать* в использованном примере можно говорить хотя бы на основании таких употреблений глагола *быть*: ... она [Аня] ... ревела, забыв обо всем, помня лишь, что ещё пять дней назад *был* отец; Мария ужаснулась — сейчас ее могло уже *не быть* (Ермолова. В грозу на качелях)].

Аналогично в плане будущего времени конкретного единичного действия: Через три минуты *будет* общий залп всей артиллерии (Симонов. Фронт); Солнце садится. Когда квадрат передвинется еще на два метра — *будет* ночь ... (Ясенский. Человек меняет кожу). Варианты с заменой глаголами совершенного вида — прозвучит (раздастся), наступит — относятся к конструкциям с глаголом *быть* так же, как в приведенных выше формах прошедшего времени. Отсутствие значения целостности действия не позволяет расценивать форму типа *будет* как перфективную, несмотря на четко обозначенный временной предел действия «слева»: залп не прозвучит, а будет, ночь не наступит, а будет — мы застаем какой-то срединный момент бытия, не можем видеть ни наступления действия-бытия, ни все «действие» в целостности. Временные детерминанты или временные придаточные предложения формируют значение предельности в контексте [о возможности формирования значения предельности контекстом в немецком языке см. 18], значение

же целостности передаваться контекстом не может. ИмPLICITное выражение признака целостности возможно лишь при транспозиции [1/13]. По нашим наблюдениям, глагол *быть* не способен к переносному употреблению, за исключением формы повелительного наклонения, типа: *Будь* я в это время дома... — если бы был. Это случай переносного употребления наклонений; видовую характеристику этот процесс не затрагивает.

Именно отсутствие признака целостности в семантике глагола *быть* во всех случаях его употребления, в том числе и в контекстах, формирующих значение предельности, во всех формах, в том числе и в форме типа *буду, будет* предопределяет наш вывод об имперфективном характере данного глагола.

Отсутствие признака целостности не предполагает, однако, наличия своей противоположности — признака процессности. Глагол *быть* не может обозначать развивающееся бытие; он, как уже было отмечено, выражает статическое, качественно не меняющееся состояние. Показательно поэтому, что в ситуации конкретного единичного действия этот глагол не способен реализовать наиболее специфическое значение несовершенного вида — конкретно-процессное. [Эта особенность была замечена Ю. С. Масловым в болгарском языке по отношению к одной из видовых основ, связанных с системой глагола *быть*. См. 9/67]. Даже при наличии обстоятельных слов, подчеркивающих длительность процессных глаголов эволютивного или общезаключительного способов действия, типа долго, в течение недели и под., реализация конкретно-процессного значения глаголом *быть* оказывается невозможной. Рассмотрим примеры: В этот раз она *долго была* в Москве; в *течение недели* она *будет* в Москве; *Третью ночь подряд* он [Нусреддинов] *был* на ногах (Ясенский. Человек меняет кожу). Показатели длительности в сочетании с глаголом *быть* служат не для локализации процессуальности — лексическое значение глагола не допускает такого восприятия, — а указывает на определенную (не в смысле точно измеренную) продолжительность самого факта действия. [«Следует различать действия, подчеркнуто характеризующиеся обстоятельствами со значением определенного количества времени, которые *обращают внимание на сам факт продолжения действия, а не на его процессуальность*, и действия без этой характеристики» — 19/97. Выделено мною — Л. Б.].

Аналогично в ситуации нелокализованного действия. Глагол *быть* не реализует неограниченно-кратного значения. Он может обозначать постоянно наблюдаемый факт в высказываниях обобщающего типа, например: *Всегда так было*, что чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее (Залыгин. Мой поэт). Здесь нет неограниченно-кратного (повторительного) значения. Слово *всегда* указывает не на неограниченный ряд

повторений, а на неизбежность, постоянное проявление факта бытия, обобщенность человеческого опыта. Значение обобщенного указания на факт действия-бытия осложняется указанием на постоянную непрерывность этого факта.

В других случаях употребление глагола *быть* в абстрактной ситуации накладывает на значение обобщенного факта оттенок образной единичности, точнее образной дистрибуции — реальной или потенциальной: каждому попавшему в подобную ситуацию приходится по «экземпляру» такого факта. Приведем примеры: Каждый человек должен иметь в детстве эти уроки. И у каждого из нас они *были* (Песков. Речка моего детства); — У вас есть, конечно, основания отказывать мне. Но *не случилось* ли и вам *быть* в моем положении? (Рыбаков. Водители); В пустыне мысли могут *быть* только свои, вот почему и боятся пустыни, что боятся остаться наедине с самим собой (Пришвин. Фацелия); В детской колонии не может *быть* большего несчастья, чем картежная игра (Макаренко. Педагогическая поэма); Тот, кто *был* здесь [в Сталинграде], никогда этого не забудет (Симонов. Фронт).

Благодаря такому нейтральному отношению к признаку локализованности/нелокализованности действия во времени, глагол *быть* употребляется в таких высказываниях, где этот признак четко не реализован и ситуация высказывания (или действия) может быть расценена и как конкретная, и как обычная: И только я устроился, как грянула гроза и ливень. Но я такую нашел ель, что *будь* целый день ливень [не только сейчас, но и вообще], на меня бы и не капнуло (Пришвин. Лесная капель); ... я никогда не думал, что может настать такой момент, когда не придется разбирать *не бывшие* [безразлично, однажды побывавшие или многократно] еще ни у кого в руках надписи и определять их значение (Крачковский. Над арабскими рукописями).

Тезис о том, что глагол *быть* не может выражать повторительное значение, может вызвать возражение на основании примеров такого типа:

— А, это вы!

Ему [Федотову] хотелось выдрать заносчивую девчонку за уши и сказать: да, это опять я, и *всегда, каждый день буду* я, и тебя это не касается! (Ермолова. В грозу на качелях); или: *По вечерам буду* дома. Перед нами глагол-связка (или какое-то промежуточное явление), подчиняющаяся другим законам функционирования; во всяком случае, это не однозначный лексически глагол *быть*.

Совершенно закономерно употребление глагола *быть* в ограниченно-кратном значении, являющемся производным от обобщенно-фактического: — Я *был* там *дважды*, — безразлично сказал я (Воробьев. Вот пришел великан...); ... Но почему

один вид этого зала так потряс Ленина? Ведь он, очевидно, *был* здесь после ноября, и *не однажды* (Дангулов. Дипломаты); ... [Михаленко] в конце концов выпросил у опереточного премьера бумажный воротничок и манжеты, *бывшие всего раз* в употреблении... (Куприн. На покое).

Итак, мы можем констатировать, что из набора семантических функций несовершенного вида глагол *быть* «избрал» по сути дела одну — функцию указания на самый факт действия-бытия, которая может быть осложнена различными оттенками, зависящими как от условий контекста, так и от специфики грамматической семантики формы.

Обобщенная лексическая семантика бытия уточняется контекстом, и отвлеченное действие-бытие наполняется конкретным содержанием. Оно может быть столь же разнообразным, как само бытие. Словарь сводит все многообразие значений глагола *быть* к четырем основным типам: существовать, иметь место; находиться, присутствовать; приходиться, приезжать, происходить; совершаться [17]. В действительности глагол *быть* имеет гораздо больше конкретных значений, хотя некоторые из отмеченных нами могут быть сведены к типовым. Приведем примеры: ... выстрелы прекратились. Последний из них *был* [ср.: прозвучал, раздался] совсем близко (Симонов. Фронт); Екатерине Васильевне хотелось *быть* одной [ср.: остаться-оставаться], и она к ним [женщинам] не подошла (Доризо. Измена); — Шестнадцатого должна была *быть* премьера [ср.: состояться] (Эренбург. Падение Парижа); Начали судить, рядить — как *быть* [ср.: поступить] с ребятишками (Песков. Шаги по росе); Может ли *быть* сомнение [ср.: возникнуть, иметь место], что в обоих случаях речь идет об одной и той же иконе (Солоухин. Черные доски); ... Смешно! Как будто из одной курицы не может *быть* [ср.: выйти, получиться] два бульона! (Коростелев. Две тещи); — Пусть это *будет* [ср.: останется-остается] между нами (Горький. Один из королей республики); — ... При той обстановке, что была [ср.: сложилась-складывалась], незачем мне по полкам было ездить (Симонов. Фронт).

Очевидно, что конкретизация лексического значения глагола *быть* обусловлена денотативной ситуацией, в конечном счете — лексическим наполнением всего контекста. Примеры можно было бы множить до бесконечности. Отражается ли контекстное толкование лексической семантики глагола *быть* на его аспектуальных возможностях? На наш взгляд, ответ может быть только отрицательным. Любой из примеров с контекстными заменами отличается от исходных высказываний какими-то дополнительными аспектуальными признаками, отсутствующими у глагола *быть*. Рассмотрим некоторые типичные случаи подробнее.

1. Глагол *быть* используется в ситуации наличия/отсутствия какого-либо явления действительности и толкуется глаголами несовершенного вида иметь место (иметься), существовать. Примеры: Там *было* пиршество красок, а здесь господствуют одни только линии (Солоухин. Черные доски); Степана, Егора и Витьки в ту пору *не было* еще ни в помине, ни в зачине. А Матвейч, хотя и *был*, но он появился в этих местах, когда Клязьминское водохранилище уже вошло в свои берега (Рекемчук. Старое русло Клязьмы); *Были* тосты, здравицы, а потом пошло и так — без тостов (Рекемчук. Скудный Материк); Мы засели вместе в удобном купе ... и стали друг другу рассказывать *бывшие* и не *бывшие* истории о камне (Ферсман. Воспоминания о камне); Теперь у меня был факел (Шефнер. Сестра печали); *Было* на свете сердце, которое, однажды, вспыхнуло огнем (Горький. Старуха Изергиль). Во всех этих примерах в случае замены названными глаголами происходит лишь конкретизация лексического значения; аспектуальная характеристика действия не изменяется, поскольку данные глаголы близки анализируемому по характеру протекания действия.

Реже наблюдается и аспектуальная квалификация действия. Так, в следующих примерах при замене действия получают максимально широкую локализацию, т. е. реализуется постоянно-непрерывное значение глаголов-синонимов: Шел днем, шел ночью — а тогда *были* [ср.: стояли] — темные теплые последние ночи отцветающего лета (Гайдар. Пути-дороги); Пусть после смерти, как и при жизни, между ними *будет* черта [ср.: остается, пролегает] (Симонов. Фронт). В последнем примере возможна и реализация конкретно-фактического значения формы *останется*.

2. Разница между приводимыми ниже высказываниями с глаголом *быть* и воображаемыми синонимическими конструкциями с глаголами *находиться*, *присутствовать* заключается не только в конкретизации общего значения бытия, но и в аспектуальной квалификации действия как постоянно-непрерывного: Впереди *были* немцы ... (Симонов. Фронт); Решила, что довольно *быть* в больнице, и выписалась (Симонов. Последнее лето); Если же я останусь жить, то не забывай меня, тогда *будь* со мной ... (Письма лейтенанта Шмидта); ... а впереди *была* дорога — длинная и загадочная (Гайдар. Пути-дороги); Сейчас, как рассказывали, должен *быть* бревенчатый мостик ... (Песков. Шаги по росе); Курорт, куда он [Иван] приехал, *был* на побережье Черного моря (Рекемчук. Скудный Материк); — Получил приказание *быть* при вас, — задыхаясь, произнес Разговоров (Чаковский. Блокада).

Иногда и здесь возможно восприятие конкретно-фактического значения при замене не типовым глаголом, но точнее

отражающем денотативную ситуацию: — Но что ещё может быть [ср.: оказаться] под живописью (Солоухин. Черные доски).

3. Более разнообразна аспектуальная квалификация действия при истолковании общего значения бытия глаголами конкретного значения типа *произойти/происходить, случиться/случаться* и под. В одних случаях эти глаголы несут с собой новые аспектуальные признаки локализованности действия во времени и целостности (глагол *быть*, как и в предыдущих случаях, оставляет характер действия некавалифицированным). Примеры: И бог знает, что тут *было бы* [ср.: произошло бы], если бы не Акакий Акакиевич (Шукшин. До третьих петухов); Старик очень доволен только что *бывшим* [ср.: происшедшим] разговором (Чехов. Холодная кровь); Очевидно, это *будет* [ср.: произойдет] через минуту или через две, но не позже ... (Симонов. Фронт); ... все, что могло *быть* [ср.: произойти], уже *было* [ср.: случилось] с Васей (Эренбург. Буря); *Не будь* революции [ср.: не произойди], Россия могла бы потерять свою государственную независимость (Эренбург. Душа России).

В других случаях синонимичный глагол вносит в контекст значения локализованности и процессности: Вернешься, расскажешь, как *было* [ср.: происходило] (Симонов. Последнее лето). Здесь интересно, как это *было* [ср.: происходило]. А ты про конец ... (Эренбург. Не переводя дыхания); Она [Палага] заплакала ... *Будь* это раньше [ср.: происходи], он [Матвей] ... стал бы утешать (Горький. Жизнь Матвея Кожемякина); Я спрашиваю его [Школенко], как это *было*. — Как это *было?* [ср.: происходило] — повторяет он задумчиво и смотрит далеко в степь, вспоминая (Симонов. Фронт). Толкование некоторых примеров здесь не является бесспорным, а только допустимым.

Гораздо обычнее в подобных контекстах конкуренция конкретно-фактического и конкретно-процессного значений. Приведем примеры: Это *было* все давно-давно [ср.: произошло-происходило] (Гайдар. Угловой дом); — Как ты думаешь, Гриценко? Что дальше *будет?* [ср.: произойдет-будет происходить] — спросил Прянишников (Симонов. Фронт); [Ольга Иванова] хорошо запомнила, как это *было* ... [ср.: произошло/происходило] (Симонов. Последнее лето).

В абстрактной ситуации признаки целостности и локализованности приобретают образный характер — наглядно-примерное или потенциальное значения: ... с Макарычем это может *быть* (Тропольский. В камышах); Да нешто может такое *быть?* (Солоухин. Черные доски) — ср.: *случиться*.

4. Глаголы типа *приходить, приезжать, посещать* вносят в контекст значения локализованности и целостности, отсутствующие у глагола *быть*: Петр решил *быть* у Киры [ср.: при-

ехать] завтра же ... (Дангулов. Дипломаты); Миша, беги к Плотниковым и скажи, что Дмитрий Федорович велел кланяться и сейчас сам *будет* [ср.: придет или приедет, прибудет, подьедет и под.] (Достоевский. Братья Карамазовы); Он проводил меня на пристань и настоятельно просил заехать к нему, если я *буду* в этих краях (Ясенский. Человек меняет кожу). В последнем примере эти значения являются образными.

Общий итог нашего исследования функционирования глагола *быть* сводится к следующему: а) глагол *быть* в современном русском языке характеризуется как имперфективный; б) в силу крайней отвлеченности лексического значения он полноценно выполняет лишь одну видовую функцию несовершенного вида — функцию самого общего указания на факт действительности; в) контекстная конкретизация лексического значения глагола *быть* не влияет на аспектуальные возможности анализируемого глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). (Пособие для студентов). М., 1971.
2. Бондарко А. В. Виды глагола и способы действия в русском языке. — РЯНШ, 1971, № 2.
3. Бондарко А. В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений. — В сб.: Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.
4. Бондарко А. В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике. — В сб.: Универсалии и типологические исследования. Мещаниновские чтения. М., 1974.
5. Бондарко А. В. Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий). ДД, Л., 1968.
6. Грицкат И. О неким видским особеностима српскохрватског глагола. Јужнославенски филолог, XXIII. Београд, 1958.
7. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1948, т. VII, вып. 4.
8. Маслов Ю. С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. — Вопросы славянского языкознания. 1954, I.
9. Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.—Л., 1963.
10. Маслов Ю. С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида. — «Советское славяноведение», 1973, № 4.
11. Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности XVI в. М., 1952.
12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956.
13. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941.
14. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. МГУ, 1968.
15. Теленкова М. А. К постановке вопроса о видовом значении глагола «быть» в современном русском языке. УЗ МГПИ им. В. И. Ленина,

- вып. II, т. 216. Современный русский язык (Морфология и синтаксис). М., 1964.
16. Теленкова М. А. Наблюдения над видовым значением глагола «быть» в современном русском языке. УЗ МГПИ, вып. 326. Современный русский язык (Синтаксис и морфология). М., 1965.
  17. Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1950—1965.
  18. Торопова Н. А. Предельность: неопределенность и вид (на материале немецких глаголов движения). УЗ Калининского п. и., 1968, т. 55.
  19. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности). ДД, Воронеж, 1972.
  20. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия ... АДД, Воронеж, 1972.
  21. Этерлей Е. Н. Функции простых форм прошедшего времени глагола быти в древнерусском языке. Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1962, т. XXVIII, вып. 2.
  22. Dostál, A. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954.
  23. Ruzicka, R. Der Verbalaspekt in der altrussischen Nestorchronik. Berlin, 1957.

ВИДОВЫЕ ПАРЫ ГЛАГОЛОВ В СЕМНАДЦАТИТОМНОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. Н. Тихонов, С. А. Емельянова, Д. Боркан

1. Центральное место в теории видов занимает учение о видовой парности (видовой коррелятивности) глагольного слова. Изучению природы видовых пар, их образованию посвящены работы В. В. Виноградова, Ю. С. Маслова, И. П. Мучника, Н. С. Авиловой, А. В. Бондарко, М. А. Шелякина, А. А. Слагис, А. Н. Тихонова, А. Н. Смирнова и др. В разработку данной проблемы значительный вклад внесли зарубежные аспектологи — А. Мейе, Э. Кошмидер, С. Карцевский, И. Польдауф, А. Мазон, Ф. Копечный и др. Однако вопрос об условиях и критериях видовой парности глаголов все еще остается недостаточным исследованным. В аспектологических работах в видовую корреляцию часто объединяются такие образования, члены которых не составляют грамматической пары. Отсутствие четких критериев видовой парности в аспектологии особенно отрицательно сказывается на лексикографической практике — на подаче видовых корреляций в толковых словарях русского языка.

2. Обычно при определении видовой парности глаголов учитывается два признака — лексический и грамматический. Авторы большинства аспектологических работ основным критерием, позволяющим объединить две глагольные формы в видовую пару, считают их лексическое тождество. «Соотносительные видовые пары, — пишет К. В. Горшкова, — образуют такие глагольные формы, которые имеют лексическое тождество и противопоставляются лишь наличием или отсутствием общеграмматического видового значения: **заработать — зарабатывать, закончить — заканчивать, растратить — растративать, делать — сделать, варить — сварить, хоронить — похоронить** и др.» [7/144].

В монографии «Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке» (М., 1971) И. П. Мучник отмечает «полную лексическую тождественность» (стр. 122) двух соотносительных форм глагола, входящих в видовую пару. Ана-

логичны по содержанию высказывания, в которых главным критерием видовой коррелятивности считается наличие одного и того же или одинакового лексического значения. Ср. следующие определения видовой пары: «В современном русском языке каждому глаголу несовершенного вида обычно соответствует глагол совершенного вида, **имеющий по существу то же самое лексическое** (реальное) значение (подчеркнуто нами — А. Н. Т., С. А. Е., Д. Б.) и отличающийся только видом» [8/123]; «Глаголы, имеющие **одинаковое лексическое значение** (подчеркнуто нами — А. Н. Т., С. А. Е., Д. Б.) и различающиеся только видом, образуют соотносительные видовые пары» [8/123]; «Видовая парность предполагает не просто возможность образовать от одной основы два глагола разных видов, а наличие двух видов при одном и том же лексическом значении, без добавочных смысловых оттенков, без изменения лексического значения глагола. Такие пары, как **решить — решать, встречать — встретить, дичать — одичать, делать — сделать**, являются соотносительными, ибо лексическое значение глагола остается тем же» [27/368]. Видовые пары «имеют одно (?) лексическое значение и отличаются лишь грамматически» [17/3].

Близка к этим определениям характеристика видовых корреляций А. Б. Аникиной: «От бесприставочных глаголов несовершенного вида можно при помощи приставок образовать соотносительные по значению глаголы совершенного вида: **расти — вырасти; звать — позвать; мерзнуть — замерзнуть; хвалить — похвалить; читать — прочитать; строить — построить** и т. п. В этих случаях лексическое значение глагола не изменяется от присоединения приставки и образуется видовая пара глаголов» [3/305].

Таким образом, характеризуя семантические отношения членов видовых пар, ученые отмечают лексическое (семантическое) тождество их, наличие у них **одинаковых лексических значений**, подчеркивают, что они имеют **одно и то же лексическое значение**, обладают соотносительными значениями, т. е. являются семантически соотносительными.

Наиболее широким и наименее точным из приведенных понятий следует считать последнее — «семантическую соотносительность». Семантически соотносительными являются не только члены видовых пар, но и члены любой словообразовательной пары (ср. **строить — подстроить, строить — пристроить, строить — застроить** и **строить — построить**), варианты слов, члены синонимического ряда (ср. созидать, строить, творить, создавать; сравнить, сопоставить, сличить, соотнести и т. п.).

Члены видовых пар имеют **одинаковые лексические значения**. Это обязательное условие видовой парности. При этом, если они однозначны, то являются лексически тождественными.

Так, лексически тождественны совершенный **вспомнить** и несовершенный **вспоминать**, обозначающие «возобновить (возобновлять) в своей памяти». Ср.: **вспомнить** молодость — **вспоминать** молодость. Бесприставочная форма **благодарить** и префиксальная **поблагодарить**, обозначающие «выражать (выразить) благодарность», также семантически тождественны. Ср.: **благодарить** за внимание — **поблагодарить** за внимание.

На основании одного и того же лексического значения в видовые пары объединяются глагольные формы **раскрасить** — **раскрашивать**, **закончить** — **заканчивать**, **изнурить** — **изнурять**, **выгрузить** — **выгружать**, **заклеить** — **заклеивать**, **привезти** — **привозить**, **смелеть** — **осмелеть**, **цепенеть** — **оцепенеть**, **багроветь** — **побагроветь**, **сниться** — **присниться**, **совершенствоваться** — **усовершенствоваться** и др.

Положение о лексической тождественности членов видовых пар обычно демонстрируется на примере однозначных глаголов. Аспектологи мало занимались изучением семантического взаимоотношения видовых форм многозначных глаголов [23, 26]. В многозначных глаголах члены видовых пар могут также совпадать во всех значениях, то есть быть семантически тождественными. Ср. **пропустить** и **пропускать** во всех значениях: 1. Дать проникнуть сквозь что-н. Штора **не пропустит** света — Штора **не пропускает** света. 2. Приняв, обслужить. Столовая за сутки **пропускала** тысячу человек — Столовая за сутки **пропустила** тысячу человек. 3. Заставить пройти через что-н. **Пропустить** мясо через мясорубку — **пропускать** мясо через мясорубку. 4. Приняв, подвергнуть рассмотрению. **Пропустить** проект через комиссию — **пропускать** проект через комиссию. 5. Дать дорогу. **Пропустить** детей вперед — **пропускать** детей вперед. 6. Разрешить демонстрировать, печатать. Издательство **не пропустит** плохо подготовленную рукопись — Издательство **не пропускает** плохо подготовленную рукопись. 7. Не заполнить какое-н. место. При чтении **пропустить** строчку — при чтении **пропускать** строчку. 8. Не явиться на собрание, занятие. **Пропустить** урок — **пропускать** урок. 9. Упустить. **Пропустить** свой автобус — **пропускать** свой автобус. 10. Выпить. **Пропустить** рюмочку — **пропускать** рюмочку (СО)*. Таким образом, несовершенный **пропускать** во всех десяти значениях полностью соответствует форме совершенного вида **пропустить**. Ср. также: **заккрыть** — **закрывать**, **принять** — **принимать**, **вооружить** — **вооружать**, **вступить** — **вступать**, **дать** — **давать**, **спросить** — **спрашивать**, **описать** — **описывать** и др.

* В статье использованы следующие сокращения названий словарей: СО — «Словарь русского языка» (М., 1972) С. И. Ожегова; СУ — «Толковый словарь русского языка» М., 1935—1940 под редакцией проф. Д. Н. Ушакова; САН—4 — «Словарь русского языка» АН СССР в 4 томах (М.—Л., 1957—1961); САН—17 — «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР в 17 томах (М.—Л., 1950—1965).

Лексическая идентичность характерна для членов различных типов видовых корреляций — суффиксальных, префиксальных, а также супплетивных и т. д., Ср. по значению члены префиксальной видовой пары **терять** — **потерять**: 1. Лишиться чего-н., роняя. **Терять** деньги — **потерять** деньги. 2. Переставать обладать чем-н. **Терять** терпение — **потерять** терпение. 3. Становиться обладателем чего-н. в меньшей мере, чем было. **Терять** в весе — **потерять** в весе. 4. **Тратить**, расходовать нецелесообразно. **Терять** время — **потерять** время (СО). Сюда же относятся: **ставить** — **поставить**, **варить** — **сварить**, **крепнуть** — **окрепнуть**, **неметь** — **онеметь**, **делать** — **сделать**, **строить** — **построить**, **пустеть** — **опустеть**, **каменеть** — **окаменеть**, **комкать** — **скомкать**, **корезить** — **скорезить**, **портиться** — **испортиться**, **сеять** — **посеять** и т. п.

Семантически тождественны члены супплетивных видовых пар **брать** — **взять**, **садиться** — **сесть**, **заложить** — **закладывать**.

Иногда члены видовых корреляций многозначных глаголов совпадают не во всех значениях, т. е. не полностью тождественны. Одна из форм имеет значение (значения), которое (которые) отсутствует (отсутствуют) у формы противоположного вида. Ср. **выступить** и **выступать**: 1. Выйти вперед. Наш урядник **выступил** из толпы и указал (ср. **выступает** из толпы и указывает) на Ивана Кузмича (Пушкин. Капитанская дочка). 2. Выйти, отправиться. **Выступить** в поход (ср. **выступать** в поход). 3. Выйти из своих границ. **Выступившая** из берегов вода (ср. **выступающая** из берегов вода) залила прилегающие к озеру болота (Арсеньев. Сквозь тайгу). 4. Проступить. Холодный пот **выступил** (ср. **выступает**) на лице его (Гоголь. Портрет). 5. Предстать перед публикой. **Выступить** на концерте (ср. **выступать** на концерте) (САН-4). Кроме указанных здесь значений, форма несовершенного вида **выступать** имеет еще значения: 1. Образовывать выступ. Правый низменный берег **выступал** вперед мысом (Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня). 2. Идти чинно. А сама-то величава. **Выступает** будто пава (Пушкин. Сказка о царе Салтане). Эти два значения отсутствуют у формы совершенного вида **выступить**.

Несовершенный **темнеть** и совершенный **потемнеть** коррелируют в значениях: 1. Становиться темным. Волосы **темнеют** (ср. волосы **потемнели**). 2. О наступлении темноты. На дворе **темнело** (ср. **потемнело**). Елена внесла зажженную лампу (Поповкин. Большой разлив). В третьем значении «выделяться своим темным цветом» употребляется только несовершенный **темнеть**. Например: За кустами, прямо против окна, **темнела** высокая ограда (Гаршин. Красный цветок).

К видовым корреляциям, члены которых совпадают не во всех лексических значениях, относятся также: **протянуть** —

протягивать, слышать — услышать, требовать — потребовать, тянуть — потянуть, чистить — почистить, мять — измять, двигать — двинуть, ударить — ударять, уложить — укладывать и др.

Таким образом, совпадение лексических значений членов видовых корреляций — необходимое условие видовой парности глаголов. Если глаголы не имеют ни одного совпадающего значения, то, несмотря на семантическую близость, они не образуют видовой пары. Ср.: **цвести — зацвести, дымить — задымить, служить — отслужить, дежурить — отдежурить, кормить — обкормить, бежать — прибежать, ехать — поддехать**. Эти глагольные пары не составляют видовых корреляций. В данном случае приставки **за-, от-, об-, при-, под-**, присоединяясь к исходному глаголу несовершенного вида, не только переводят глагол из одного вида в другой, но и меняют лексическое значение его. Каждая приставка вносит в глагольную основу свое значение: префикс **за-** обозначает начало действия, **от-** имеет значение финитивности, исчерпанности действия, **об-** указывает на чрезмерность действия, **при-** и **под-** показывают направление движения к предмету, приближение к нему.

Не составляют видовых пар глаголы типа **походить — похаживать, почитать — почитывать, поглядеть — поглядывать, посидеть — посиживать, покашлять — покашливать, позевать — позевывать, посмотреть — посматривать** и т. п. В них глаголы совершенного вида с префиксом **по-** обозначают осуществление действия в течение малого промежутка времени (немного), образуют ограничительный способ действия, а глаголы несовершенного вида с суффиксом **-ива-** (**-ыва-**) обозначают многократную повторяемость действия, происходящего «время от времени», и относятся к другому способу действия — прерывисто-смыслительному. Таким образом, семантические расхождения не позволяют этим глаголам вступать в видовые пары.

По этой же причине не образуют видовой пары **заблудиться — заблуждаться, рассудить — рассуждать, подозревать — подозревать, испить — испивать, поучить — поучать** и т. п., хотя формальные различия между ними не выходят за рамки тех отличий, которые свойственны членам видовых корреляций. Ср. **заблудиться — заблуждаться** (не пара) и **возбуждаться — возбуждаться** (пара); **рассудить — рассуждать** (не пара) и **осудить — осуждать, обсудить — обсуждать** (пара); **подозреть — подозревать** (не пара) и **обозреть — обозреть** (пара); **испить — испивать** (не пара) и **запить — запивать** (пара), **пропить — пропивать** (пара); **поучить — поучать** (не пара) и **отучить — отучать** (пара).

Главное, что мешает анализируемым глаголам вступать в видовую пару, — это семантика. У них разные лексические зна-

чения. **Заблудиться**, по данным САН-17, обозначает «потерять дорогу, сбиться с пути» или «случайно попасть, забрести куда-либо», а **заблуждаться** — «превратно судить о чем-либо, ошибаться». **Рассудить** — «разобрав обстоятельства, вынести решение по какому-либо спорному делу, установить, кто прав, кто виноват»; «подумав, прийти к заключению, решению»; «обдумать что-либо, поразмыслить о ком-, чем-либо», **рассуждать** — «составляя мысли, понятия и делая выводы из них, строить умозаключения; мыслить»; «излагать, высказывать свои мысли, суждения, говорить о чем-либо». **Подозреть** — «в речи рыболовов, охотников — приметить, обнаружить», а **подозревать** — «предполагать виновность кого-либо, предосудительность чьих-либо поступков», «предполагать что-либо, догадываться о чем-либо». **Поучить** — «учить, заучивать что-либо некоторое время; наказать, проучить», а **поучать** — «наставлять; учить чему-либо». **Испить** — «выпить некоторое количество чего-либо; попить», «выпить все, до конца», «вынести, вытерпеть», а **испивать** — «пить, выпивать», «иметь пристрастие к пьянству, пьянствовать».

3. Грамматическая противопоставленность является также важным условием видовой коррелятивности. Члены видовой пары должны не только иметь одно и то же лексическое значение, обозначать один и тот же факт действительности, но обязательно должны быть противоположными по виду. Одна из форм должна обладать значением несовершенного вида, а другая — совершенного вида.

Этому условию видовой парности не отвечают соотношения типа **повстать** — **повставать**, **позаволочь** — **позаволакивать**, **пооткрыть** — **пооткрывать**, **пооборвать** — **пообрывать**, **пообъесть** — **пообъедать**, **поотнять** — **поотнимать**, **пооторвать** — **поотрывать** и т. п. Члены каждой пары имеют общие лексические значения. Так, **повстать** и **повставать** являются тождественными в значении «встать друг за другом (о всех или многих)». Ср. Пусть тот бой не упомянут В списке славы золотой, День придет — еще **повстанут** Люди в памяти живой (Твардовский. Василий Теркин) и Люди **повставали** со своих мест и орали от восторга. Володю вызывали несчетное число раз (Фадеев. Молодая гвардия). Значением «заволакивать несколько, в какой-л. степени» обладают глаголы **позаволочь** и **позаволакивать**. Ср.: Туча **позаволокла** небо и Ишь как небо-то с той стороны **позаволакивает!** (Григ. Четыре времени года). Приведенные пары морфологически ничем не отличаются от видовых корреляций **привстать** — **привставать**, **заволочь** — **заволакивать**, **выволочь** — **выволакивать**, **подволочь** — **подволакивать** и т. п. Этот факт часто вводит в заблуждение даже опытных лексикографов: такие пары нередко относятся к видовым в авторитетных наших словарях. Так, в СУ объединены в видо-

вую пару глаголы **повскакать** — **повскакивать**. При этом искажено видовое значение глагола **повскакивать**. Авторы отнесли его к несовершенному виду, хотя это одновидовой глагол совершенного вида. В САН-17 оба глагола правильно характеризуются как *perfectiva tantum*.

Препятствием, не позволяющим относить рассматриваемые слова к видовым парам, является то, что оба члена таких пар обладают одинаковым грамматическим значением — значением совершенного вида, не противопоставлены по виду, не образуют грамматической оппозиции.

Итак, видовую пару составляют две соотносительные формы глагола, имеющие одинаковые лексические значения и образующие грамматическую оппозицию: одна несовершенного вида, другая — совершенного.

II. Разработка теоретических основ видовой парности глаголов имеет важное лексикографическое значение. Как показывают данные толковых словарей русского языка, в подаче видовых корреляций еще много нерешенных вопросов, не все благополучно обстоит даже в таких авторитетных изданиях, каким является, например, семнадцатитомный словарь русского языка. Анализ основных недостатков и упущений в характеристике видовых пар, содержащихся в этом коллективном труде, может оказаться полезным для совершенствования методики лексикографической разработки их в различного типа словарях.

1) В видовую пару в словаре объединены глаголы, которые не составляют чисто грамматической оппозиции. Особенно много таких случаев среди префиксальных образований, созданных по модели **про- ... -ся, на- ... -ся, пере- ... ся, от- ... -ся** и т. п. Так, в словаре читаем:

ПЕРЕВЕШИВАТЬСЯ, *несов.*; **перевешаться**, *сов. 1. Сов. Разг.* Повеситься (обо всех или многих).

2. Страд. к перевешивать.

В первом значении употребляется только совершенный **перевешаться**. Образован этот глагол путем префиксации: **вешаться** — **пере-вешаться**. Что же касается глагола **перевешиваться**, то он с ним никак не связан. Как правильно отмечено в словаре (см. второе значение), несовершенный **перевешиваться** вступает лишь в залоговую корреляцию (**перевешивать** — **перевешивать-ся**).

ОТВОЕВЫВАТЬСЯ, *несов.*; **отвоеваться**, *сов. 1. Сов. Разг.* То же, что **отвоевать** (в 3-м знач.).

2. Страд. к отвоевывать (в 1-м и 2-м знач.).

Как и в предыдущем случае, у глаголов, объединенных здесь в видовую пару, нет общего лексического значения. Первое значение касается только совершенного **отвоеваться**, а второе — только несовершенного **отвоевываться**. Они не связаны и отно-

шениями производности, входят в разные словообразовательные цепочки:

воевать — [от-воевать-ся
от-воевать → отвоев-ива-ть → отвоевывать-ся

Так же обстоит дело в статьях:

ОТКАШИВАТЬСЯ, *несов*; откошиться, *сов.* 1. *Сов. Разг.*
Закончить косябу.

2. Страд. к откашивать

косить — [от-косить-ся
от-косить → откаш-ива-ть → откашивать-ся

ПРОЛЕЖИВАТЬСЯ, *несов*; пролежаться, *сов.* 1. *Сов. прост.*
Пролежав, отдохнуть.

2. Страд. к пролеживать (в 3-м знач.).

лежать — [про-лежать-ся
про-лежать → пролеж-ива-ть → пролеживать-ся

ПРОЛЕЧИВАТЬСЯ, *несов*; пролечиться, *сов. Разг.* 1. Обычно *сов.* Лечиться в течение какого-либо времени.

2. Страд. к пролечивать.

лечить — [лечить-ся → про-лечиться
про-лечить → пролеч-ива-ть → пролечивать-ся

ПРОКОВЫРИВАТЬСЯ, *несов.*; проковыряться, *сов.* 1. Обычно *сов. Разг.* Ковыряться в течение какого-либо времени.

2. Страд. к проковыривать (в 1-м знач.)

ковырять — [ковырять-ся → про-ковыряться
про-ковырять → проковыр-ива-ть → проковыривать-ся

ПРОКОЛАЧИВАТЬСЯ, *несов.*; проколотиться, *сов.* 1. Обычно *сов. Прост.* Кололотиться, жить в нужде в течение какого-либо времени.

2. Страд. к проколачивать (в 1-м знач.).

кололотить — [кололотить-ся → про-кололотиться
про-кололотить → проколач-ива-ть → проколачивать-ся

ПРОКАЧИВАТЬСЯ, *несов.*; прокачаться, *сов.* 1. Обычно * *сов.* Качаться в течение какого-либо времени. Прокачаться весь вечер на качелях.

2. Страд. к прокачивать (в 1-м знач.).

качать — [качать-ся → про-качаться
про-качать → прокач-ива-ть → прокачивать-ся

---

* Следует заметить, что большинство приведенных глаголов с приставкой **про-** (**проковыряться**, **прокачаться** и т. п.) относится к длительно-ограничительному способу действия. За единичными исключениями, они относятся к совершенному виду. Поэтому указание «обычно *сов.*», которым составители снабжают почти все такие глаголы, только дезориентирует читателя и искажает факты.

ПРОСТАВЛЯТЬСЯ, *несов.*; проставиться, *сов.* 1. *Сов. Прост.* Проиграться, теряя ставки в игре.

2. Страд. к проставлять (в 1-м и 2-м знач.).

ставить — $\left[\begin{array}{l} \text{про-ставить-ся} \\ \text{про-ставить} \rightarrow \text{проставл-я-ть} \rightarrow \text{проставлять-ся} \end{array} \right.$

НАПИЛИВАТЬСЯ, *несов.*; напилиться *сов.* 1. Только *сов. Прост.* Попилить много, вдоволь.

2. Страд. к напиливать.

пилить — $\left[\begin{array}{l} \text{на-пилить-ся} \\ \text{на-пилить} \rightarrow \text{напил-ива-ть} \rightarrow \text{напиливать-ся} \end{array} \right.$

НАГРЫЗАТЬСЯ, *несов.*; нагрызться, *сов.* 1. Только *сов.* Вдоволь, много погрызть. *Нагрызлась семечек.*

2. Страд. к нагрызать

грызть — $\left[\begin{array}{l} \text{на-грызть-ся} \\ \text{на-грызть} \rightarrow \text{нагрыз-а-ть} \rightarrow \text{нагрызаться-ся} \end{array} \right.$

НАСТРЕЛИВАТЬСЯ, *несов.*; настреляться, *сов.* 1. Только *сов.* Пострелять много, вдоволь.

2. Страд. к настреливать.

стрелять — $\left[\begin{array}{l} \text{на-стрелять-ся} \\ \text{на-стрелять} \rightarrow \text{настрел-ива-ть} \rightarrow \text{настреливать-ся} \end{array} \right.$

Не имеют общей лексической базы для объединения в видовую корреляцию **настрагиваться** и **настрогаться**, **наезжаться** и **наездиться**, **налавливаться** и **наловиться**, **накусываться** и **накусаться**, **накуриваться** и **накуриться**, **накидываться** и **накидаться**, **наклеиваться** и **наклеваться**, **наковываться** и **наковаться**, **накашиваться** и **накоситься** и многие другие аналогичные образования, зафиксированные в словаре как парные глаголы, несмотря на то, что все префиксально-суффиксальные производные совершенного вида снабжены указанием «только *сов.*».

2) Без каких-либо оснований объединяются в видовую пару глаголы, относящиеся к разным способам действия. Так, иногда в искусственной паре встречаются глаголы однократные с глаголами прерывисто-смягчительного способа действия:

ПОДКАШЛИВАТЬ, *несов.*; подкашлянуть, *сов.* Кашлять слегка, негромко, время от времени.

Известно, что все глаголы прерывисто-смягчительного способа действия не образуют видовых пар.

3) В словаре не нашли удовлетворительного решения проблемы префиксальной омонимии. Явление омонимии, широко распространенное в сфере приставочных глаголов, часто смешивается с полисемией. Следуя традициям, составители часто в одном слове объединяют две и более лексемы. В результате искусственно увеличивается число несоотносительных по виду

глаголов, что ведет к искажению общей картины видовой соотносительности глагола.

Чаще всего в одном слове сливаются образования, которые относятся к разным словообразовательным типам, к разным способам действия. Например, в статье «ПРОКАПЫВАТЬ, *несов.*; прокопать, *сов.* I. Копать насквозь, глубоко; копая, проделывать в чем-либо отверстие, проход. // Копая, проделывать, образовывать. Прокапывать, прокопать проход, нору и т. п. // Копая, прокладывать. 2. Обычно *сов.* Копать в течение какого-либо времени» слиты 2 самостоятельных слова, которые относятся к разным словообразовательным типам: **прокопать I** (*несов. прокапывать*) имеет пространственное значение (копать насквозь) и закономерно образует видовую пару (как и все глаголы этого словообразовательного типа); **прокопать II** — это глагол длительно-ограничительного способа действия, который, как правило, не допускает образования видовой пары (исключения единичны).

В глаголах с приставкой **по-** слиты детерминативный, начинательный, суммарный и др. словообразовательные типы. Без всякого основания последние объединяются в одну лексему с чистовидовыми образованиями. Так, глагол **поваксить** характеризуется: «Ваксить некоторое время; покрыть ваксой». Здесь слиты 2 омонима: **поваксить I** «ваксить некоторое время» — глагол ограничительного способа действия, который не допускает образования видовой пары; **поваксить II** «покрыть ваксой» коррелирует с несовершенным **ваксить**, который обладает тем же лексическим значением (обозначает «покрывать ваксой»). Сюда же относятся: **полудить, почистить, покадить, покидать, покрапать, пожурить, погладить, подействовать, побеседовать, потушить, потерпеть, посмотреть** и т. п.

По 2 слова слиты в образованиях с приставкой **на-**: глаголы кумулятивного способа действия и глаголы с чистовидовым префиксом **на-**. Примеры: **налиновать, налитографировать, намалевать, нашпиговать, наворсовать, наглядцевать, накрахмалить, наканифолить, наточить, наглазурить, наполировать** и т. п.

В образованиях с префиксом **с-** не учтена омонимия, возникающая на базе чистовидового и пространственных значений этой приставки. В словаре как одна лексема представлены **сшить** (пальто) и **сшить** — **сшивать** (соединять шитьем), **сварить** (суп) и **сварить** — **сваривать** (соединять посредством сварки):

СШИВАТЬ, *несов.*; сшить, *сов.* I. Соединить шитьем (края ткани, кожи и т. п.). // Обычно *сов.* Изготавливать шитьем.

2. Соединять, скреплять (доски, листы железа и т. п.).

СВАРИВАТЬ, *несов.*; сварить, *сов.* I. Только *сов.* Приготовить (пищу) кипячением, варением.

2. Только *сов.* При помощи нагревания на огне изготовить для технического применения. *Сварить смолу. Сварить клей. Сварить мыло.*

3. Только *сов.* Приготовить (сталь) из чугуна путем варки в металлургической печи. *Сварить нержавеющей сталь.*

4. Переваривать пищу. О желудке.

5. Только *сов.* *Разг.* Обварить, ошпарить; обжечь.

6. Производить сварку; соединять путем сварки (в 1-м знач.).

В первом примере при значении «изготовить шитьем» имеется помета «обычно сов.». В ней не было бы необходимости, если бы составители словаря учли, что в этом значении выступает **шить II**, который коррелирует с несовершенным **шить**. Ср. **шить** платье и **шить** платье. Префикс **с-** выполняет чистовидовую функцию. **Сшить II** — **сшивать** объединяются в видовую корреляцию на базе значений «соединять шитьем (края ткани, кожи и т. п.)» и «соединять, скреплять (доски, листы железа и т. п.)». Префикс **с-** выполняет словообразовательную функцию, выступает в значении соединения.

Такая же картина наблюдается во втором примере. В значении соединения видовая пара образуется при помощи имперфективации: **сварить II** — **сваривать**. В других значениях формируется корреляция **варить** — **сварить I**. Ср. **варить** суп — **сварить** суп, **варить** смолу — **сварить** смолу, **варить** клей — **сварить** клей, **варить** мыло — **сварить** мыло, **варить** сталь — **сварить** сталь и т. д.

4) Много неточностей в словаре допущено в подаче видовых пар в составе фразеологических оборотов. Известно, что глагольные устойчивые сочетания могут быть одновидовыми: **наострить лыжи**, **надо и честь знать**, **ломать шапку**, **играть вторую скрипку**, **с неба свалиться**, **набрать в рот воды**, **толочь воду в ступе**, **тянуть канитель**. Значительная часть фразеологизмов выступает в форме обоих видов: **надеть (надевать) смирительную рубашку**, **надеть (надевать) маску (личину)**, **назвать (называть) вещи по имени**, **забросить (забрасывать) удочку**, **закрасться (закрадываться) в душу**, **(в сердце)**, **кривить (покривить) душой**, **показать (показывать) спину** [22]. и т. п.

Парные по виду фразеологизмы в словаре в ряде случаев представлены лишь в одной из видовых форм. Так, в статье «служба» дан фразеологизм «**поставить что-либо на службу кому-, чему-либо (кого-, чего-либо)**». Форма несовершенного вида «**ставить что-л. на службу кому-, чему-либо (кого-, чего-либо)**» не приводится ни в статье «служба», ни в статье «поставить», ни даже в статье «ставить». Между тем в этом фразеологизме глагольный компонент употребляется в форме обоих видов. В «Фразеологическом словаре» русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (М., 1967) приведены обе видовые формы:

«Ставить на службу чему. Поставить на службу чему» (стр. 452).

Устойчивый оборот **спутать карты** дан без формы несовершенного вида **путать карты**, которая зафиксирована в «Фразеологическом словаре русского языка».

При фразеологизме **смерить взглядом (глазами)** отсутствует форма несовершенного вида **мерить взглядом (глазами)**, которая широко употребляется в современном русском литературном языке, например: Они **мерили** друг друга **взглядами** (Кетлинская). Я вскочил на ноги и стал против него. И мы стояли так долго, **меряя** друг друга **глазами** (Гаршин). Сдвинув прямые свои брови, он секунды **мерил** сощуренными **глазами** Пастухова с головы до ног (Федин). Старушка... спокойно **мерила** его **глазами** (Горький).

Фразеологический оборот **сбиться с ног** в статье «нога» приводится только в форме совершенного вида, хотя имеет и форму несовершенного вида — **сбиваться с ног**. У А. Лебедеко в повести «Лицом к лицу» (часть III, гл. 17): «Она улыбнулась этому парню, который **с ног сбивался**, подготавливаясь к походу, успевал читать и думать о музеях». Кстати, в «Фразеологическом словаре» этот фразеологизм тоже дается только в форме совершенного вида.

Только в форме несовершенного вида зафиксирован фразеологизм **клеймить позором**. Совершенный **заклеймить позором** дан как свободное словосочетание. Случай, когда фразеологизм в одной видовой форме фиксируется как устойчивое сочетание, а в другой отмечается как свободное сочетание, довольно многочисленны. Примеры: **ломать строй (ряды)**, **пачкать репутацию** (фразеологические обороты), а **сломать строй (ряды)**, **запачкать репутацию** (свободные сочетания). См. также словарные статьи **ставить (поставить)**, **строить (построить)**, **дарить (подарить)**, в которых имеет место неразличение фразеологических оборотов и свободных сочетаний слов.

Таким образом, в семнадцатитомном словаре русского языка реальная картина видовой парности глагола во многих случаях представлена в искаженном виде. Это касается обоих процессов видообразования — перфективации и имперфективации. Особенно много неточностей содержит словарь в подаче префиксальных видовых пар [24, 25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н. С. О категории вида в современном русском литературном языке. — РЯНШ, 1959, № 4.
2. Авилова Н. С. Категория вида глагола в ее отношении к словоизменению. — Известия АН СССР, ОЛЯ, вып. 3, 1972. т. XXXI.
3. Аникина А. Б. Раздел «Глагол» в кн.: Современный русский язык. Под ред. проф. Д. Э. Розенталя. М., изд. МГУ, 1971.

4. Бондарко А. В. Об одном типе видовой соотносительности в современном русском языке. — НДВШ, «Филологические науки», 1963, № 1.
5. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., «Просвещение», 1967.
6. Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1972.
7. Горшкова К. В. Раздел «Глагол» в кн.: Современный русский язык. Под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорчук, ч. II. М., изд. МГУ, 1964.
8. Гужва Ф. К. Современный русский литературный язык. Киев, «Радянська школа», 1967.
9. Гвоздев А. Н. О соотношении форм несовершенного и совершенного видов. РЯШ, 1955, № 2.
10. Карцевский С. Система русского глагола. Вид — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
11. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
12. Кузнецов П. С. Раздел «Глагол» в кн.: Современный русский язык. Морфология. М., изд. МГУ, 1952.
13. Мазон А. Употребление видов русского глагола. — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
14. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1959.
15. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
16. Мучник И. П. О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке. — ВЯ, 1956, № 6.
17. Назикова Е. А. Глагол. Учебное пособие по современному русскому языку с методическими указаниями для студентов-заочников. Воронеж, 1960.
18. Польшауф И. Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида. — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
19. Смирнов Л. Н. Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке. М., «Наука», 1970.
20. Спагис А. А. Парные и непарные глаголы в русском языке. М., «Просвещение», 1968.
21. Тихонов А. Н. Изучение видов русского глагола в узбекской школе. Ташкент, 1970.
22. Тихонов А. Н. К вопросу о видовой парности глаголов в составе фразеологических единиц. — В сб.: Вопросы фразеологии. Новая серия, вып. 106. Труды Самаркандского гос. ун-та. Самарканд, 1961.
23. Тихонов А. Н. О лексической природе видовых форм глагола в русском языке. — В сб.: Научные работы и сообщения, кн. 7. Ташкент, изд. АН УзССР, 1963.
24. Тихонов А. Н. О подаче глаголов с чистовидовыми приставками в толковых словарях русского языка. — В сб.: Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Посвящается VI Международному съезду славистов (Прага, 1968), вып. I. Самарканд, 1968.
25. Тихонов А. Н. Префиксы и префиксальные глаголы в семнадцатитомном словаре русского языка. — Русское словообразование. Труды Самаркандского госуниверситета. Новая серия, выпуск 209. Самарканд, 1972.
26. Тихонов А. Н. Чистовидовая приставка с- в современном русском языке. — Сб. Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Труды СамГУ, Самарканд, 1968.
27. Финкель А. М., Баженов Н. М. Курс современного русского литературного языка. — Киев, «Радянська школа», 1960.
28. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке. АДД. Л., 1972.

ОБ ОДНОМ ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПРИСТАВКИ ПРО- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Шелякин

В современном русском языке небольшая группа глаголов с приставкой **про-** имеет словообразовательные связи с многоактными и реже одноактными глаголами: ср. **бурчать** — **пробурчать** (в кране пробурчало), **блеснуть** — **проблеснуть** («Меж деревьями проблеснула тихая Цна», С. Бородин). Толковые словари колеблются в отнесении таких образований к видовым парам. Академический словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах) характеризует приставку **про-** в данных случаях как чистовидовую: «служит для образования совершенного вида, напр.: ... провизжать, прогудеть ...» (т. II, стр. 907). Напротив, академический словарь современного русского языка (в 4-х томах) считает, что приставка **про-** в глаголах типа **прозвенеть** выражает «законченность, завершенность действия» (т. III, стр. 625). Словарь русского языка С. И. Ожегова выделяет в качестве особого значения приставки **про-** значение «действия, осуществляемого в один прием (преимущ. о звучании), напр. провизжать, прорычать, прошуметь, пробарабанить» (2-е изд. М., 1952, стр. 552).

На наш взгляд, более точным в определении значения приставки **про-** с глаголами типа **прорычать** является словарь С. И. Ожегова. Однако указанное определение нуждается в дальнейшем выяснении разницы между значением одноактности, выражающимся суффиксом **-ну-** (ср. **рыкнуть**, **гуднуть**), и значением одноактности, выражающимся приставкой **про-** (ср. **прорычать**, **прогудеть**). Прежде чем решить этот вопрос, остановимся на причинах, мешающих признать рассматриваемые глаголы с приставкой **про-** чистовидовыми коррелятами.

В историческом настоящем исходные глаголы несовершенного вида не выступают в функции соответствующих глаголов совершенного вида. Ср.: «Желтая калитка долго не открывалась на стук, а потом **провизжала** старинным визгливым запором» (Атаров). При обращении этого предложения в план исто-

рического настоящего глагол **визжать** функционально не передает действия **провизжать**: «Желтая калитка долго не открывается на стук, а потом визжит старинным визгливым запором». Ср. также: «Далеко на пески набежала, прошумела и стихла одинокая волна» (Паустовский) и «Далеко на пески набежала, шумит и стихает одинокая волна» (контекст может восприниматься в плане кратно-цепных действий). Являясь неопредельными, исходные глаголы несовершенного вида в историческом настоящем не могут иметь значения подчеркнутой последовательности действий. Ср.: «На галерейку вышел кот, потерял о ноги Кузьмича, промурлыкал и ушел обратно» (Паустовский) и «На галерку выходит кот, трется о ноги Кузьмича, мурлыкает и уходит обратно» (контекст может восприниматься в плане одновременных действий «мурлыкать» и других). Как известно, суммарное значение совершенного вида синонимично ограниченно-кратному значению несовершенного вида. Однако интересующие нас глаголы не допускают синонимии видов с показателями ограниченной кратности действий. Ср.: «Из-за речки послышалась кукушка. Она два раза прокуковала обычным криком, а потом захрипела, заторопилась и запуталась» (Л. Толстой). Здесь нельзя употребить «два раза куковала» вместо «два раза прокуковала», но ср. возможность взаимозамены членов видовых пар во фразе «он два раза говорил ей одно и то же» и «он два раза сказал ей одно и то же» (мы отвлекаемся от оттенков, присущих тому и другому виду в данном употреблении).

Специфика значений приставки **про-** с многоактными и одноактными глаголами состоит в том, что она, подобно суффиксу **-ну-**, выражает одноактное действие, но при этом, в отличие от **-ну-**, представляет его как протяженное во времени (ср. возможность таких образований переходить в группу пердуративных глаголов: волк провыл один раз — волк провыл всю ночь).

Одноактный характер действий рассматриваемых глаголов подтверждается способностью последних сочетаться с показателями количественной кратности и недлительности действия. Ср.: «Лисица пролаяла еще раз — теперь в другой стороне — и замолкла» (Соколов-Микитов), «Часы звонко пробили шесть раз», «Впереди коротко протрубила труба» (Березко), «Вдруг девушка услышала стон — негромкий, короткий, он прозвучал из операционной» (Березко). Признак протяженной одноактности во времени опирается в большинстве случаев на дискретную (многоактную) природу действий (звучания, света) и проявляет себя в возможности глаголов сочетаться с показателями некоторой растянутости, длительности действия. Ср. «В самом недалеком от меня расстоянии громко и протяжно провыл голодный волк» (Лесков), «Где-то за темным лесом протрещали раскатисто пулеметы» (Гайдар), «Дверь хлопнула

за Серафимой, ступеньки лестницы быстро и дробно проскрипели, все замерло в доме» (Боборыкин). Ср. контекстуальное выражение дискретной и протяженной одноактности действия: «Появилась желтая, резко проблиставшая в туманной мгле цепь огней вдоль русских бастионов, и загрели залпы огромных орудий» (Сергеев-Ценский), «Прижимаясь к заборам и стенкам домов, в сумраке быстро промелькнули три фигуры» (Горький).

Таким образом, русские глаголы с морфологически выраженным одноактным значением можно подразделить на моментально-одноактные (с суффиксом **-ну-**) и протяженно-одноактные (с приставкой **про-**).

Протяженно-одноактные глаголы образуются почти исключительно от неопределенных глаголов звучания. При этом обращает на себя внимание то, что они имеют словообразовательные связи с такими глаголами звучания, которые не присоединяют суффикса **-ну-** либо по морфологическим причинам (ср. **лаять**, но **гавкать** — **гавкнуть**), либо по семантическим (обозначаемые действия носят очень дробный характер, ср. **звенеть**, **жужжать**). Однако встречаются и образования от многоактных глаголов, соотносительных с одноактными глаголами на **-ну-** (ср. **прокукарекать**, **кукарекнуть** и др.).

Ниже мы приводим список протяженно-одноактных глаголов, составленный по материалам академического словаря в 17-ти томах.

Глаголы звучания: *бить в колокол* — *пробить в колокол*, *бить в барабан* — *пробить в барабан*, *барабанить* — *пробарабанить*, *бренчать* — *пробренчать* (пробренчала питара), *бурчать* — *пробурчать*, *визжать* — *провизжать* («Карета провизжала колесами по подмерзшему снегу», Гаршин), *ворчать* — *проворчать*, *вить* — *провить*, *горланить* — *прогорланить* («У него над самым ухом прогорланил петух», Лесков), *греметь* — *прогреметь* (ключами), *громыхать* — *прогромыхать* (железом, прогромыхал где-то гром), *грохать* — *прогрохать* («Скрипнут мерзлые ступени, из окошка вспыхнет свет, и, запорами пропрохав, спит до завтрашних уроков сельский университет», Грибачев), *грозотать* — *прогрозотать*, *гудеть* — *прогудеть* («Нарушая наступившую тишину, прогудит жук и, зацепившись за ветку, свалится к ногам охотника», Соколов-Микитов), *жужжать* — *прожужжать* (пчела прожужжала), *звенеть* — *прозвенеть* («Стекло, звякнув, расколосось, прозвенели осколки, падая на железо», Горький), *звонить* — *прозвонить* («Где-то далеко прозвонил запоздалый колокол, оставивший в воздухе долгий, умирающий звук», Мамин-Сибиряк), *звучать* — *прозвучать* («Прозвучал медный звон подноса, дребезжала посуда», Горький), *каркать* — *прокаркать*, *кричать* — *прокричать* («Смолкли осенние птички, разве изредка вдали дергач прокричит», Мель-

ников-Печерский), *кряхтеть* — *прокряхтеть* (несколько раз), *куковать* — *прокуковать*, *лаять* — *пролаять* («Вечер. Тихо на Петербургской стороне . . . Кое-где через дорогу пробежит кто-нибудь, или пролают в разных местах несколько собак», Решетников), *мурлыкать* — *промурлыкать*, *мычать* — *промычать* («Деревня просыпается. То проскрипят ворота или хлопает дверь, то раздастся человеческий голос или промычит проголодавшая за ночь корова», Новиков-Прибой), *орать* — *проорать* (*во все горло*); *охать* — *проохать* (несколько раз), *петь* — *пропеть* («Где-то далеко-далеко, точно под землей, пропел петух», Мамин-Сибиряк), *пищать* — *пропищать* (*мышь пропищала под полом*), *реветь* — *прореветь* (о животных), *ржать* — *проржать* («Где-то далеко-далеко проржала лошадь», Тургенев), *рычать* — *прорычать* (о собаке), *свистеть* — *просвистеть* («В обычное время в остроге просвистели по коридорам свистки надзирателей», Л. Толстой), *скрипеть* — *проскрипеть* (пример см. выше), *скулить* — *проскулить* (о собаке), *стонать* — *простонать* (*больной простонал несколько раз*), *стучать* — *простучать* («Негреба навел на него автомат, но где-то близко простучала очередь, и всадник свалился», Л. Соболев), *трубить* — *протрубить* («Рожки протрубили, барабаны протрещали. Пушки, мушкеты заряжены, фитили дымились», А. Толстой), *трещать* — *протрещать* (пример см. выше), *тявкать* — *протявкать* (о собаке), *хрипеть* — *прохрипеть* (издать хрипящие звуки), *шелестеть* — *прошелестеть* («Совсем рядом прошелестело женское платье. Женщина в черном платье легко и быстро прошла через зал и села за соседний столик», Саянов), *шипеть* — *прошипеть* («Потом три раза прошипела, три раза топнула ногой, и черным змеем улетела», Пушкин), *шуметь* — *прошуметь* (пример см. выше), *шуршать* — *прошуршать* (*мышь прошуршала по соломе*), *щебетать* — *прощебетать* (о птицах).

Глаголы воприятия света: *блеснуть* — *проблеснуть*, *блистать* — *проблистать*, *сверкать* — *просверкать* (*молния просверкала*).

Протяженно-одноактными глаголами являются также: *глядеть* — *проглядеть* («. . . На свет насилу проглянул, потом в сторонку обернулся и снова крепким сном заснул», Пушкин), *мелькнуть* — *промелькнуть* («Новая мысль быстро промелькнула в ее голове», Гоголь), *молчать* — *промолчать*.

ИСТОРИЯ РУССКИХ ПРЕРЫВИСТО-СМЯГЧИТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

П. С. Сигалов

1. В статье рассматривается история т. н. прерывисто-смягчительного способа действия, речь идет о глаголах типа *похаживать, почитывать, посиживать*. Этот разряд выделялся еще М. В. Ломоносовым, который писал, что глаголы типа *пописывать, похаживать, попевать* обозначают «умалительное учащение» [9/530]. Г. Павский их называет «продолжительно-прерывистые» [15/4]. Для А. А. Шахматова это «определятельный подвид несовершенного вида» [21/475]. В современных работах по русской аспектологии этот разряд последовательно рассматривается как особый способ действия. Ю. С. Маслов предлагает называть его «прерывисто-смягчительным» [12/77], это же обозначение используют А. В. Бондарко [1/21; 5/349] и А. В. Исаченко [7/279 сл] (в немецком варианте своей книги он называет их «die deminutiven Iterativa» [27/407], так же в статье В. Бека [24]). В работе Е. А. Земской, в указанных работах А. В. Исаченко, а также в докторских диссертациях Б. Н. Головина и М. А. Шелякина рассматриваются лексические, словообразовательные и грамматические (видовые) особенности исследуемого глагольного класса с точки зрения современного русского языка. Эти работы будут использованы нами при синхронной характеристике прерывисто-смягчительных глаголов [6/34 сл; 4/586; 22/392].

2. Глаголы типа *похаживать, покашливать* обозначают нерегулярно повторяющееся ослабленное действие, т. е. от простого глагола их отличает: 1) ослабленность действия 2) маркированная повторяемость, кратность действия — при немаркированной кратности действия у простого глагола, ср. *покашливать — кашлять* 3) нерегулярность, непериодичность этой повторяемости. Первый нюанс привносится в глагол приставкой *по-*: ослабленность действия обычно понимается как уменьшение его интенсивности (ср., например, *болеть* и *побаливать, стонать и постанывать*); в зависимости от глагольной семантики этот оттенок может иметь и характер временного ограни-

чения, недлительности, ср. *читать* и *почитывать*. Второй дополнительный семантический момент является значением итеративного суффикса *-ыва/ива*. Сложнее обстоит дело с третьим оттенком: что является средством выражения нерегулярности действия? У собственно итеративов, т. е. у глаголов типа *хаживать*, *нашивать*, *певать* этот обертон выражается тем же итеративным суффиксом, а как быть с глаголами типа *покашливать*? Очевидно, ответить на этот вопрос можно будет после определения способа образования прерывисто-смягчительных глаголов.

В плане формальном ничто не мешает сравнивать прерывисто-смягчительные глаголы с ограничительными глаголами, ср. *покашливать* — *покашлять*, *посиживать* — *посидеть*, *почитывать* — *почитать*, *постанывать* — *постонать*, и считать первые результатом суффиксации, имперфективации вторых. Действительно, уже обращалось внимание на то, что оба глагольных разряда имеют одну и ту же словообразовательную базу — неопредельные глаголы [22/395]. Рядом с глаголом рассматриваемого класса всегда есть делимитативная/ограничительная параллель, ср. *побаиваться* — *побояться*, *побранивать* — *побранить*, *повизгивать* — *повизжать*, *поглядывать* — *поглядеть*, *покапывать* — *покопать*, *поклевывать* — *поклевать*, *покусывать* — *покусать*, *попугивать* — *попугать*, *порисовывать* — *порисовать*, *посиживать* — *посидеть*, *похрамывать* — *похрамать*, и т. д., но обратное не обязательно: есть делимитативные глаголы, не имеющие кратных параллелей. Это объясняется, во-первых, семантическими причинами, ср. отсутствие смягчительно-прерывистых дериватов от глаголов типа *княжить*, *сапожничать*, *директорствовать*, во-вторых, формальными причинами, ср. отсутствие таких образований от глаголов с суффиксом *-ствова-* типа *зверствовать* (семантические и формальные запреты могут выступать в одном и том же глаголе, ср. *директорствовать*), в-третьих, особенностями узуса, ср. отсутствие параллелей к *побегать* (в древнерусском было *побѣгивати*), *поводить*, *поплавать*. Большая формальная и семантическая сложность глаголов типа *покашливать* и неполнота их ряда по сравнению с рядом делимитативных глаголов могли бы дать основание говорить о таком направлении производности: *покашлять* → *покашливать*. Но этому препятствует семантическое различие членов пар: маркированная кратность глаголов типа *покашливать* и отсутствие этого признака у глаголов типа *покашлять*. Можно, очевидно, говорить и о различном семантическом наполнении приставок: о значении ослабленной интенсивности приставки у глаголов типа *покашливать* и значении ограниченной длительности у глаголов типа *покашлять*, но, как представляется, это частные, контекстуальные реализации более общего значения ограничения, присущего приставке *по-*.

Поэтому исследователи, начиная с А. Х. Востокова [3/105], относят как ограничительные, так и прерывисто-смягчительные глаголы к одновидовым. Тем самым признается, что глаголы типа *покашливать* не образуются путем суффиксации глаголов типа *покашлять*. По общепринятому мнению, в современном русском языке и ограничительные и прерывисто-смягчительные глаголы являются дериватами исходного простого глагола: в первом случае используется префикс (*сидеть* — *посидеть*), во втором — сложный формант, состоящий из префикса и суффикса (*сидеть* — *посиживать*).

3. Такое объяснение, вполне приемлемое с точки зрения словообразования современного русского языка, недостаточно для исторического истолкования фактов. Для смешанных способов словообразования (а префиксально-суффиксальный способ является таким) необходимо установить, как образовался этот способ. А возникнуть он мог лишь в результате скрещения двух простых способов. Например, префиксально-суффиксальный тип существительных и прилагательных (ср. *бездорожье*, *беззащитный*) возникает путем суффиксации предложных сочетаний (*без дороги*, *без защиты*), префиксально-суффиксальный тип глаголов мог появиться либо в результате префиксации возвратных глаголов, либо как итог постфиксации префиксальных глаголов (ср. др.-рус. *сладитсяя* — *насладитсяя* и *наладити* — *насладитсяя*). Для возникновения рассматриваемого глагольного разряда а ргіогі допустимы два пути: 1) префиксальное оформление итеративного глагола (т. е. *по* + *читывать* = *почитывать*); 2) суффиксальное оформление приставочного глагола (т. е. *почитать* — *почитывать*). Последний способ признается неправильным с точки зрения современного языка, но он вполне может оказаться верным как исходный момент возникновения типа. Прежде чем рассмотреть оба возможных пути образования прерывисто-смягчительных глаголов, остановимся вкратце на обозрении этого способа действия в других славянских языках и фиксации его в древнерусском языке.

4. Как и в русском языке, этот способ действия представлен в других славянских языках; как и в русском языке, он признается обычно одновидовым и образованным с помощью рамочного форманта [34].

Продуктивен этот способ образования глаголов в белорусском языке, в общих чертах совпадая с его русским аналогом, ср. некоторые примеры: образования от статальных глаголов — *пабольваць*, *палезваць*; от глаголов звука и речи — *пабразваць*, *пабрэхваць*, *пагаворваць*, *пагукваць*, *пакрываць* (отметим, что белорусский суффикс является результатом опущения начального гласного, ср. сохранение его при стечении согласных — *пагрымліваць*, *паігрываць*); от глаголов, обозначающих физическое действие, — *пабойтваць*, *павільваць*, *пагойдваць*,

пакалыхваць; от глаголов, обозначающих природные явления, — *пабліскваць, павяваць, пакрапваць*. Как и в русском языке, нередко отсутствуют образования от ненаправленных глаголов движения (дающих делимитативные образования), но ср. рус. *похаживать, поезживать*.

В украинском языке, как представляется, ситуация несколько отличная. Рассматриваемый тип становится продуктивным лишь в последнее время и, может быть, не без воздействия русского языка. Его развитие могло ограничиваться ранее возможностью образования прерывисто-смягчительных глаголов с приставкой *по-* и суффиксом *-а-*, ср. *поглядати, поробляти, походжати, полюбляти*. Об относительно позднем развитии этого типа в украинском языке говорит нередкое соответствие описательного оборота (т. е. исходный глагол + обстоятельство) русскому префиксально-суффиксальному образованию либо его предпочтительное употребление при наличном точном соответствии. Ср., например: *побранивать* — (*трохи, часом, коли-не-коли*) *ляяти (сварити), побрасывать* — (*потроху, трохи, часом, коли-не-коли*) *кидати, пованивать* — (*трохи*) *смердіти, поворовывать* — (*трохи, коли-не-коли, часом*) *красти* [17]. В современном украинском языке употребительны образования от глаголов, обозначающих звуковые явления (*побрязкувати, подзвонювати, погавкувати, поспівувати*), от глаголов со значением физического действия (*помахувати, пожовувати, погойдувати, поколихувати, покручувати*). Редки образования от глаголов речи (*поговорювати, покрикувати*) неупотребительны дериваты глаголов ненаправленного движения.

В чешском и словацком языках глаголы прерывисто-смягчительного способа действия представляют собой продуктивный словообразовательный разряд [7/283; 34/32]. Некоторые примеры из чешского языка: образования от глаголов состояния — *pobolivati, polehovati, postávati*; от глаголов, обозначающих звуковые явления, — *pohvizdovati si, poštěkávati*; от глаголов со значением физического действия — *pokulhávati, pokuřovati, poplivovali, poschovavati*; от глаголов, обозначающих явления природы — *potživati, povívati*.

В польском языке прерывисто-смягчительные глаголы образуются от глаголов речи — *pogadywać, pokrzykiwać, poszeptywać*; от глаголов, обозначающих звуковые явления, — *poszcze kiwać, pogrzmiewać, pobrzękiwać, pozdrawiać*; от глаголов со значением физического действия — *robettywać, popatrywać, podłubywać, pokąsywać*; от глаголов, обозначающих природные явления, — *robłyskiwać, pokropować*. Как представляется, в польском языке этот тип менее распространен, чем в русском, что, возможно, объясняется наличием близких по значению типов: по-первых, беспрефиксных итеративов двух разновидно-

стей: *chadzać* и *pisywać*, во-вторых, наличием приставочных итеративов типа *pociągać (wino)*, *porabiać*.

Описываемый глагольный тип существует в болгарском языке, но характеристика его осложняется универсальностью видовой пары «префиксальный глагол совершенного вида — префиксальный глагол несовершенного вида». Приставочный глагол несовершенного вида иногда имеет только ограничительное значение, т. е. он семантически тождествен приставочному глаголу совершенного вида и образует с ним видовую пару, ср. *поваря* — *поварявам*. Но даже и в случае оттенка кратности в глаголе несовершенного вида оба глагола признаются видовой парой, ср. *погоря* — *погорявам*. Приведем некоторые примеры прерывисто-смягчительных глаголов в болгарском языке: образования от стальных глаголов: *посеждам* — *посежда*, *постоявам* — *постоя*, *полежавам* — *полежа*; от глаголов движения: *побродвам* — *поброда*, *побягам* — *побяга*, *повозвам* — *повоза*, *повървам* — *повървя*; от глаголов речи: *побъбрям* — *побъбря*, *повиквам* — *повика*, *погълчавам* — *погълча*; от глаголов звучания — *повайквам* — *повайкам*, *поврещявам* — *поврещя*; от глаголов со значением физического действия: *побелвам* — *побеля*, *пободавам* — *побода*, *побрулвам* — *побрула*; от глаголов, обозначающих физические явления: *повеселявам* — *повеселя*, *повилнявам* — *повилня*.

В сербохорватском языке этот тип представлен (ср., например, образования от глаголов звучания: *позвекíвати*, *попéвати*, *поскикíвати*, *пошущтíвати*; от глаголов речи: *почикíвати*, *пошальивати се*; от глаголов физического действия: *поцупкивати*, *пошкрипíвати*), но в меньших размерах, чем в других славянских языках. Этому, возможно, препятствуют близкие к нему по значению разряды уменьшительных глаголов с суффиксами *-уц-*, *-ка-*, *-ака-*, *-кара-* и др., которые могут выступать и в итеративном значении [23/186].

Как видим, несмотря на то, что прерывисто-смягчительные глаголы существуют во всех славянских языках, их продуктивность и их статус неодинаковы: они зависят от существования других, близких по значению словообразовательных типов (добавим, что в каждом языке существует возможность выразить данное глагольное значение описательным оборотом) и от степени универсальности имперфективации.

5. Для изучения истории прерывисто-смягчительных глаголов было бы весьма желательно установление времени их первой фиксации, их временного соотношения с беспрефиксными итеративами, с одной стороны, и с ограничительными глаголами совершенного вида, с другой. Задача представляется малореальной не только из-за позднего происхождения дошедших до нас памятников некоторых славянских языков, но и из-за отсутствия исторических словарей большинства славянских языков. Кроме

того, словообразовательную базу рассматриваемых глаголов составляют «бытовые» слова, их прерывисто-смягчительные дериваты нередко представляют собой разговорную модификацию исходного глагола. Возникали и бытовали такие глаголы, бесспорно, главным образом в народно-разговорном языке, поэтому трудно предположить, чтобы фиксация в памятниках давала объективное представление об их наличии в языке.

В памятниках старославянского языка прерывисто-смягчительные глаголы не зафиксированы. Проверка производилась по следующим источникам: 1. *Slovník jazyka staroslověnského*, Praha, вып. 25—26—27 (до слова *pospěšati*), 1973—1974, 2. L. Sadnik und R. Aitzetmüller, *Handwörterbuch zu den altkirchenslawischen Texten*, Heidelberg — s'Gravenhage, 1955; 3. A. Dostál, *Studie o vidovém systému v staroslovenštině*, Praha, 1954; 4. S. Słoński, *Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgarskim)*, Warszawa, 1937. Причем не отмечены даже и словообразовательные омонимы прерывисто-смягчительных глаголов, т. е. глаголы, имеющие префикс *po-* и суффикс *-ыва/-ива-*. В старославянском языке не было и беспрефиксных итеративов на *-ыва/-ива-*.

Факты древнерусского языка взяты из следующих источников: 1. И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, М., 1958; 2. *Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв.* Института русского языка АН СССР; 3. *Картотека исторического словаря русского языка XV—XVIII вв.* Межкафедрального словарного кабинета Ленинградского университета. Прерывисто-ограничительные глаголы представлены немногочисленными и относительно поздними примерами.

Побѣгивать — обращаться в бегство: *Воиникъ многажды побѣгиваеть* (сб. «Пчела», XIV—XV вв.). Если предположить, что глагол имел итеративное значение, то нужно отметить двойное выражение итеративности: при помощи суффикса и наречия, что может отражать ранний этап развития; в старославянском и древнерусском языках засвидетельствован более ранний итератив с суффиксом *-а-*: *побѣгати*.

Поговаривать. *А здес, свет мои поговаривают что х князь Григорю хотяг посылат со здоровем и с милостивым словом* (Московская деловая и бытовая письменность, док. от 1677 г.).

Покаживать. *И покаживай домъ свой с листвѣмъ и с коренѣмъ его не внидет в него доухъ нечистыи* (Указ как лечити больных людей, XVII—XVIII вв.).

Помѣшивать. ... *чтобы упрѣло два жеребья бы прѣло и помѣшиват* (там же).

Поскакивать. *Стали молодцы забавлятися поперекъ того каменю поскакивати а вдол та ево не смеютъ скакать* (Сб. Кирши Данилова, XVIII в.).

Поглядывать, посматривать. *Красна дѣвица из терема по-*

глядывает своего мила друга поглядывает (Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — нач. XVIII вв.).

Похаживать. ... владимеръ князь распотешился по светлой грядне похаживаетъ таковы слова поговариваетъ (Сб. Кирши Данилова, XVIII в.).

Русские словари XVIII века свидетельствуют о широком распространении прерывисто-смягчительных глаголов. Так, в «Вейсманновом лексиконе» (1731) отмечены глаголы *поглядывать, попить, поплясывать, попрыгивать, попрыскивать*; в «Российском целлариусе» Ф. Гелтергофа: *побаливать, побалтывать, побранивать, побрасывать, побрызгивать, поговаривать, поигрывать, покатывать, покуривать, поманивать, помаргивать, помахивать, пометывать, помешивать, понюхивать, попевать, пописывать, поплакивать, потаптывать, похрипывать, почесывать, пошатывать*; в «Российском с немецким и французским переводами словаре» И. Нордстета (1780—1782): *повевать, поклевывать, поколачивать, полеживать, поскоблывать, поскрипывать, постукивать, потаскивать, потрескивать, потягивать, похаживать, похлебывать, пошучивать*.

Таким образом, прерывисто-смягчительные глаголы фиксируются в XV—XVII вв., преимущественно в народно-разговорном языке. Это не свидетельствует, конечно, о том, что они оформились как словообразовательный тип лишь в это время, но их поздняя фиксация — в соединении с другими аргументами, о которых речь будет идти ниже, — является одним из доказательств их относительно позднего появления.

6. Как говорилось выше, гипотетически можно представить себе два пути возникновения прерывисто-смягчительных глаголов: как результат префиксации итеративных глаголов либо как результат суффиксации приставочных глаголов совершенного вида.

На протяжении XIX и начала XX вв. в славянском языкознании господствовало мнение, что глаголы типа *покашливать* (как и некоторые другие разряды префиксально-суффиксальных глаголов) возникли в результате присоединения приставки к итеративному глаголу. Такое объяснение хорошо истолковывало семантическую наполненность производного глагола, оно выдвигалось в качестве доказательства того, что присоединение приставки не всегда преобразует простой глагол несовершенного вида в глагол совершенного вида, т. е. не всегда перфективирует его. Это был второй аргумент в защиту данного тезиса, первым был известный случай префиксации ненаправленного глагола движения, ср. *носить — приносить*. Такого мнения А. Х. Востокова, Г. Павского, Н. Некрасова, Ф. Миклошича, А. А. Шахматова (Миклошич и Шахматов не исключали возможности образования отдельных разрядов путем

суффиксации приставочного глагола) [3/105; 15/82; 14/233—234; 30/317; 21/475].

Для того чтобы объяснить появление глаголов типа *покашливать* префиксацией итеративов, необходимо признать, что итеративы предшествовали префиксально-итеративным глаголам. Известно, что бесприставочные итеративы представляют собой поздний и весьма по-разному оформившийся в славянских языках глагольный разряд. В русском литературном языке итеративы появились в XIV в. [2/291]. Так что хронологически как будто бы нет препятствий для утверждения об образовании префиксально-итеративных глаголов от итеративов. Но, с другой стороны, хронологический момент не помешал и противоположному предположению: итеративные глаголы являются результатом декомпозиции, депревербации, т. е. они образовались в результате отбрасывания приставки префиксально-итеративным глаголом. Такую мысль высказал П. С. Кузнецов применительно к русскому языку [8/189; 2/291].

В славистике XX века предположение о возможности префиксации итеративов признано неверным, ср. мнение А. Досталя: «... ясно, что большая часть глаголов типа *избавляти* никогда не была известна без приставки (мысль о таком идеальном состоянии, когда бы, например, в праславянскую эпоху существовали все итеративы, которые в историческую эпоху известны лишь с приставкой, давно уже относится к эпохе романтизма)» [26]. Начиная с известной работы С. Карцевского, утвердилось мнение, что присоединение приставки всегда перфективирует исходный глагол несовершенного вида, что итеративы не могут присоединять приставки [10/21; 28, 29/85; 31/61; 32/81]. Глаголы типа *приносить*, *приходить* рассматриваются не как результат префиксации, а как результат имперфективации приставочных глаголов несовершенного вида типа *принести*, *прийти*. Только в этом случае вместо суффиксации основы глагола совершенного вида используется готовая основа параллельного глагола. Ср. с этим использование существующего прилагательного при обычном префиксально-суффиксальном образовании прилагательных (или — в другой трактовке — суффиксации предложных оборотов) типа *без-н(ый)*, так, с одной стороны: *безбилетный*, *беспересадочный*, *безбожный*, с другой: *беззастенчивый*, *безотносительный*, *бесклассовый*. Такой подход к глаголам типа *приносить* оправдывается следующим соображением. Другие глаголы направленного движения (напр., *плыть*, *ползти*, *тащить*) образуют такие ряды: *плыть* — *отплыть* — *отплывать*, *ползти* — *выползти* — *выползать*, *тащить* — *притащить* — *притаскивать*. Т. е. префиксальные дериваты несовершенного вида образуются в этом случае не префиксацией итеративных глаголов (таких глаголов не было и нет) *плывать*, *ползать*, *таскивать* (последний итератив, впрочем,

мог ранее существовать), а суффиксацией приставочных глаголов несовершенного вида *отплыть, выползти, притащить*. Тем самым нет оснований иначе оценивать способ образования глаголов типа *приходить, приносить*.

О невозможности образования префиксально-итеративных глаголов путем префиксации итеративов говорит наличие в некоторых славянских языках синонимичных глаголов с приставкой *по-* и суффиксом *-а-*, ср. укр. *походжати*, пол. *porabiać*, которые могут восходить только к приставочным глаголам совершенного вида, ибо соответствующих итеративов не было.

Из сказанного следует вывод: маркированные итеративы не присоединяют приставок. Немаркированные итеративы могут присоединять приставки во временном и количественном значении, но правило перфективации при этом не нарушается, ср. *бросать — побросать, набросать, пробросать* (весь день). Регулярность образования имперфективных глаголов путем присоединения суффиксов *-а-*, *-ыва-/ива-* при нерегулярности образования итеративов (если даже говорить о времени их наибольшего распространения, это особенно касается глаголов на *-а-*) делает даже более предпочтительной гипотезу П. С. Кузнецова об образовании итеративов путем отбрасывания приставки. Она заслуживает внимания, но вряд ли может быть убедительно доказана. Как представляется, вполне можно предположить независимое, параллельное развитие двух типов — типа *поговаривать* и типа *говаривать*. Возможность самостоятельного возникновения итеративов подтверждается образованием древнейшего их типа с суффиксами *-а-*, *-i-* и чередованием *e/o* и краткий/долгий звук типа *нести — носить, летѣти — лѣтати*. Декомпозиция как средство образования глаголов имела место в том случае, если приставка была плеонастической, «выцветшей». Поэтому необходимо показать, когда и какие приставки были плеонастическими при образовании тех или иных итеративов. Декомпозиция, бесспорно, играла роль в образовании отдельных глаголов, ср., например, историю болг. глагола *беса*, вешать людей', возникшего в результате частичной депрефиксации глагола *обвеся* [36]; очевидно, в результате декомпозиции появился глагол *снуть* с особым значением 'дохнуть' (Словарь Академии Российской 1974, Словарь В. И. Даля), то же в польских диалектах *snąć*, дохнуть' — *ryby sną* [33/21]. Но играла ли декомпозиция роль в образовании глагольных классов слов — вопрос сомнительный. К.-И. Ренгнелль и И. Немец, исходя из того, что глаголы несовершенного вида типа рус. *гаснуть, сохнуть* почти не представлены в ранних памятниках славянских языков, в то время как их префиксальные параллели сов. и несов. вида (типа рус. *угаснуть, угадать*) выступают довольно часто, высказали предположение о возникновении глаголов типа *гаснуть* из префиксальных обра-

зований (типа *погаснуть*) путем декомпозиции [35/79]. И хотя предположение об отсутствии этого глагольного типа в праславянском языке весьма сомнительно [26/305], [11], все же остается неясной причина непредставленности большей части глаголов типа *гаснуть*, *сохнуть* в ранних памятниках славянских языков. Гипотезой остается и объяснение П. С. Кузнецовым возникновения беспрефиксных итеративов (А. Мейе об этом говорит осторожнее: он считает, что польские итеративы типа *pisywać* образовались «вторично в подражание к *przepisywać*, *odpisywać* и т. д.» [13/240], добавим, что, как показывают приводимые выше факты, декомпозиция имеет место при образовании глаголов несов. вида от глаголов сов. вида, тогда как в случае типов *поговаривать* — *говаривать* оба глагола имеют несов. вид).

7. Таким образом, методом исключения мы пришли к выводу, что глаголы типа *покашливать* могли быть образованы только в результате суффиксации префиксального глагола сов. вида (т. е. глаголов типа *покашлять*). В таком случае возникает задача выяснения причин и времени семантического расхождения глаголов в парах типа *покашлять* — *покашливать*, которые, с точки зрения формальной, представляют собой идеальную видовую пару.

Глаголы типа *покашлять* — потенциально исходное звено образования прерывисто-смягчительных глаголов — представлены во всех славянских языках и имеют в них ограничительное значение. Истории глаголов этого способа действия в русском языке посвящена наша статья [18]. Поскольку история прерывисто-смягчительных глаголов непосредственно связана, по нашему мнению, с историей ограничительных глаголов, считаем необходимым привести некоторые выводы статьи об ограничительных глаголах.

Как свидетельствуют памятники, в русском языке в течение долгого времени (для некоторых глагольных разрядов — вплоть до XVII века) приставка *по-* в сочетании с глаголами — предельными и непредельными — имела значение близкое к результативному (мы оставляем здесь в стороне возможные значения «по поверхности», «после», главное — приставка не имела временного и количественного значения [26/260—261]*. Ср. некоторые примеры: *И аште съврѣшиши поболить съ тобою и съвѣта срдѣчнааго поставить* (Изборник 1076 г.); *Кроузъ нбсьныи обидохъ едина и по глоубинѣ походихъ* (Изборник 1076 г.), здесь можно отметить и локальное значение; *а в которые пашенные земли и в сѣнные покосы вступались шебенские волости крестьяне и сѣна повозили* (Грамоты Важского уезда, 1641 г.); *съ моужатицею отиноудь не посѣди и не*

* Здесь наше мнение расходится с точкой зрения А. Достала на значение приставки *по-* в старославянском языке.

побесѣдоуи съ нею въ винѣ (Изборник 1076 г.); *Се язъ Огрофена Федорова жена Михайловича, поговора с своими детьми с Петром да с Андреем дали есмя в дом пречистой Богородицы свою деревню* (Акты феодального землевладения, XVI—XVII вв.); *...явисА столпъ огненъ от землѣ до нѣбес, а молнья освитиши всю землю и на нѣбси погремѣ в часть а нощи* (Ипатьевская летопись, 1425 г.); *Исковавъ оубо сребренныя доски и стыя по нимъ издражавъ и позлативъ, покова сребромъ и златомъ* (Сказание о Борисе и Глебе, XIV в.); *Далъ есмь емоу землю свою всю и городы, и грамоты есмь пописалъ* (Ипатьевская летопись, 1425 г.). Были приведены образования от неопредельных глаголов — глаголов состояния, ненаправленного движения, речи, звучания, глаголов, обозначающих физические действия и различные виды человеческой деятельности. Даже глаголы состояния — этот наиболее репрезентативный разряд неопредельных глаголов — дает с приставкой *по-* результативные дериваты. У стальных глаголов значение результативности выражалось в появлении значения временного ограничения (полного или частичного), т. е. для раннего древнерусского периода значения типа совр. *пожить* — *прожить* не разграничивались, они выражались контекстуально. Стальные глаголы и послужили, как можно предположить, исходным пунктом образования ограничительных глаголов. Впоследствии, в зависимости от предельности/непредельности исходного глагола, оформляются различные глаголы с приставкой *по-*. Ограничительное значение в большинстве семантических разрядов развивалось довольно поздно. Если для стальных глаголов значение ограничительности фиксируется уже в ранних памятниках (нередко контекстуально и без разграничения полного и частичного временного охвата), то для большинства семантических разрядов неопредельных глаголов формирование ограничительного типа следует отнести к довольно позднему времени — к XVI—XVIII вв.

8. Возникает вопрос: можно ли предположить, что прерывисто-ограничительные глаголы возникали непосредственно от ограничительных глаголов как результат их суффиксации? Такой точке зрения благоприятствует наличие ограничительного глагола при каждом прерывисто-смягчительном глаголе, формальная регулярность их образования, хронологическая близость становления обоих словообразовательных типов, развитие значения итеративности у глаголов, возникших в результате имперфективации, в это время. При таком подходе даже семантическое несоответствие глаголов типа *покашлять* — *покашливать*, казалось бы, найдет свое истолкование. И вместе с тем существуют, как представляется, моменты, препятствующие такому непосредственному подходу в понимании истории прерывисто-смягчительных глаголов. Во-первых, способы дей-

ствия, обозначающие временную модификацию исходного глагола, как правило, одновидовы (ср., например, начинательный, финитивный, пердуративный способы действия). Кажущееся исключение составляет т. н. комплетивный способ действия, глаголы типа *допеть* — *допевать*, но это, по сути дела, глагольный разряд, переходный от локального словообразовательного типа к способу действия.

Как известно, помимо прерывисто-смягчительных глаголов, в современном русском языке есть и другие разряды глаголов, образуемые префиксально-суффиксальным способом: это т. н. длительно-смягчительный способ действия (*напевать, насвистывать*), сопроводительный способ действия (*приговаривать, присвистывать*), взаимный способ действия (*перебраниваться, переглядываться*) [1/21—22], процессно-длительный способ действия (*расхаживать, распевать*), осложненно-интенсивный способ действия (*выплясывать, высвистывать*) [22/398—420]. Эти разряды глаголов отличаются следующими особенностями: 1) они немногочисленны, глаголы представляют собой образования от небольших групп, иногда это совокупность узуально закрепленных слов; так, взаимный способ действия (тип *перебраниваться*) образуется в основном только от глаголов речи; 2) это довольно поздние словообразовательные разряды глаголов; 3) словообразовательная история указанных разрядов в большинстве случаев прослеживается даже на современном материале как развитие локального значения. Так, например, глаголы взаимного способа действия развились из видовой пары с локальной приставкой и постфиксом типа *переброситься* — *перебрасываться*, ср. *перекинуться/перекидываться словами, переброситься/перебрасываться словами* → *перебраниваться, перерушиваться*. Сопроводительный способ действия (глаголы типа *приговаривать*) развился из слов, образующих видовые пары, со значением дополнительного действия (связанного с общим значением присоединения у приставки *при-*), ср. *приплатить* — *приплачивать, пририсовать* — *пририсовывать*, ср. возможность образования парного глагола: *присвистывать* — *присвистнуть, пристукивать* — *пристукнуть, прищелкивать* — *прищелкнуть, причмокивать* — *причмокнуть, прихлебывать* — *прихлебнуть, прихлопывать* — *прихлопнуть* и т. д. Эта регулярность возрастает при обращении к диалектному материалу, ср., например, в словаре В. И. Даля (195, III, 407): «*приговаривать, приговорить*... примольвлять, присказывать, деля что-либо, говорить к делу. Одно словцо ты некстати приговорил». Рассмотренные разряды слов в большинстве своем имеют «деепричастное» значение, т. е. обозначают второстепенное действие, сопровождающее основное действие. Отсюда, возможно, их крен в сторону несовершенного вида, их предпочтительное употребление в значении повторяющегося дей-

ствия, что привело постепенно к разрушению видовой пары и возможности образования таких глаголов непосредственно от исходного глагола префиксально-суффиксальным путем. Но если такая видовая пара существует, то члены ее не имеют семантических различий. Прерывисто-смягчительные глаголы отличаются от других префиксально-суффиксальных глаголов широтой своей словообразовательной базы, регулярным наличием формального коррелята (ограничительного глагола), семантическим различием глаголов в такой паре (*покашливать* — *покашливать*), отсутствием связи совершаемого (акционсартного) значения с локальным значением приставки. Все это, как представляется, делает возможным предположение о не-сколько ином пути развития прерывисто-смягчительных глаголов.

9. Широкое распространение вторичной имперфективации с помощью старых (суф. *-а-*) и новых (суф. *-ыва-/ива-*) средств приводило к образованию глаголов и от результативных дериватов с приставкой *по-*. В памятниках отмечены преимущественно вторичные имперфективы от результативных дериватов предельных глаголов, но встречаются образования и от глаголов неопредельных. Вот некоторые примеры: **подъльвати** — частый вторичный имперфектив с результативным значением, близкий по значению к исходному глаголу несов. вида, ср. ... *собирають де тѣ губные старосты ... съ сошныхъ людей деньги на тюремную подѣлку и на всякіе тюремные расходы, и собравъ тѣми многими деньгами сами корыстуются, а ни которые тюремные подѣлки не подѣлываютъ* (Слово и дело); **поискывати**, домогаться' — *Што князь Константинъ далъ мѣстерю съ своею братьею съ своею грамотою и съ печатью, како боле того на тоу землю не поискывати* (Грамота Герденя Полоцкого, сп. XIII—XIV вв); **понуживати**, убеждать, уговаривать' — *Понуживахоуть его, рекуче, поѣди княже* (Ипатьевская летопись, 1425 г.); **порѣзывать**, отрезывать, отсекасть' — *Другимъ члвкмъ головы порѣзывая и бороды, а другимъ очи выжигаше* (там же); **посвѣчивати**, блестеть, сверкать' (ср. посвѣтити, светить, сверкать', об отсутствии у этого глагола ограничительного значения в древнерусском языке говорит отглагольное существительное *посвѣтъ*, такие существительные не образуются от глаголов со временным значением) — *Камо туръ поскачаше, своимъ златымъ шоломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганые головы Половецкыя* (Слово о полку Игореве), И. И. Срезневский верно переводит этот глагол — «блестеть, сверкать» (II, 1232), тогда как Д. С. Лихачев сохранил старый глагол, не заметив его новой семантики [19/201], должно быть: «Куда, тур, поскачешь, сверкая своим золотым шлемом», ср. в переводе «Задонщины» (Л. А. Дмитриев) «злаченнымъ доспѣхомъ посвѣчиваетъ» — «золоченым доспехом сверкая»; **поскакывати**

— *Храбрыи Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ свизѣ* (Задонщина); *посылывати* — ... да отпиши братецъ ко мне посылывал ли кого в Белев а и та деревнишка кокова стоит ли нашеі (Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—XVIII вв.); *похваливати* — *И полковник де Иван Дзиньковский к воровским казакам в круг выходил и службу их похваливал* (Разинские дела).

В принципе такое образование могло быть возможно для каждого приставочного результативного глагола (нас интересуют здесь прежде всего результативные глаголы с приставкой *по-*, а, как известно, эта приставка была наиболее активной для образования результативных коррелятов). Такие глаголы образовывали видовые пары, ср. *подѣлати* — *подѣлывати*, т. е. между обоими членами этой пары не было никаких семантических различий; с другой стороны, имперфективный член такой пары мог в зависимости от контекста выражать некратное или кратное значение. Затем такая ситуация начинает изменяться: происходит дифференциация приставочных глаголов совершенного и несовершенного вида в зависимости от предельности/непредельности исходного простого глагола. В случае предельности исходного глагола в ряду типа *рѣзати* — *порѣзати* — *порѣзывати*, где первичный и вторичный оказывались синонимичными, один из таких глаголов (обычно вторичный имперфектив) в конце концов выходил из употребления. Судьба ряда, образованного от непредельного глагола, оказывалась иной. В связи с развитием значения ограничительности у приставочного глагола сов. вида (типа *поговорить*) разрывалась его связь с приставочным глаголом несов. вида (типа *поговаривать*), т. е. первоначальная видовая пара (*поговорить* — *поговаривать*) распадалась. Глагол типа *поговорить* уже не составлял результативную пару с *говорить* и видовую пару с *поговаривать*, произошел разрыв ряда.

Б. Н. Головин писал о глагольных разрядах с приставкой *по-*: «Логико-генетические отношения взаимной мотивированности типов кажутся очень не ясными, связанными широкими влияниями значений глагольно-именных сочетаний, построенных с участием предлога *по-*» [4/587]. Действительно, можно проследить определенный параллелизм в глагольных группах с приставкой *по-* и в именных сочетаниях с предлогом *по*. Для нас наибольший интерес представляют именные сочетания «*по* + Вин. падеж», так как временные конструкции при глаголах состояния — разряда, давшего начало ограничительным глаголам, — содержит Вин. падеж (типа *сѣдѣ 2 недѣли*). Конструкции «*по* + Вин. пад.» имеют следующие временные значения: 1) обозначение предела, границы; 2) значение «в течение, в продолжение»; 3) обозначение повторения определенного времени [20/980—982]. Первому временному значению соот-

ветствует ограничительное значение глагола, ср. *Пожалуй гсдрь по ка мѣста побудеш на Москве не покин домишку моего* [16/93]. Конструкции со значением временного охвата соответствуют приставочные дериваты с *по-*, контекстуально обозначающие совершение действия в течение всего периода (этот тип был вытеснен образованиями с приставкой *про-*). Наконец, в конструкциях третьего типа можно видеть определенную параллель к глаголам типа *похаживать, поглядывать*. В закреплении этих значений в глаголах могли сыграть роль и одноименные предложные конструкции и явление, которое М. Брель назвал «семантическим заражением» [25/220 сл.]: значение, например, ограничительного обстоятельства (типа *мало*), часто употреблявшегося при результативном деривате предельного глагола (с приставкой *по-*), абсорбируется приставочным глаголом и становится значением его, а затем и его приставки. Можно предположить, что прерывисто-смягчительное значение глаголов несовершенного вида развивалось уже после оформления ограничительного значения у глаголов сов. вида. После разрыва видовой пары, под влиянием предложных конструкций — итеративного контекста типа *Воиникъ многожды побѣживаетъ* (см. выше), при широком развитии значения итеративности в XVI—XVIII вв. и оформляется, очевидно, значение глаголов рассматриваемого типа. После оформления ограничительных и прерывисто-смягчительных глаголов, т. е. после формирования двух независимых и параллельных рядов, прерывисто-смягчительное значение было закреплено за сложным формантом *по-ива*, который и является средством образования глаголов этого способа действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
2. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
3. Востоков А. Х. Русская грамматика. Изд. 12-е. СПб., 1874.
4. Головин Б. Н. Приставочное внутриглагольное образование в современном русском литературном языке (машинопись), I—II. Горький, 1966, Т. I.
5. Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970.
6. Земская Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. — В кн.: Исследования по грамматике русского литературного языка. М., изд. АН СССР, 1955.
7. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. II. Братислава, 1960.
8. Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
9. Ломоносов М. В. Российская грамматика. — В кн.: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7. М.—Л., 1952.
10. Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.

11. Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961.
12. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., изд. ЛГУ, 1965.
13. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
14. Некрасов Н. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
15. Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье. Изд. 2-е. СПб., 1850.
16. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М., «Наука», 1965.
17. Російсько-український словник. Т. II. Київ, 1969.
18. Сигалов П. С. История русских ограничительных глаголов. — Уч. зап. Тартуского ун-та. Труды по русской и славянской филологии, XXIII. Серия лингвистическая. Тарту, 1975.
19. Слово о полку Игореве. — В кн.: Изборник. М., 1969.
20. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. М., 1958.
21. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
22. Шелякин М. А. Приставочные способы действия и категория вида в современном русском языке (машинопись). Воронеж, 1972.
23. Brabec, I., Hrašte, M., Zivković, S. Gramatika hrvatskorpškoga jezika. Zagreb, 1961.
24. Boeck, Wolfgang. Die Aktionsarten der russischen Verbs, «Russischunterricht», 1956, Heft 7—8, Berlin.
25. Bréal, Michel. Essai de sémantique. Paris, 1899.
26. Dostál, Antonín. Studie o vidovém systému v staroslovenštině. Praha, 1954.
27. Isačenko, A. V. Die russische Sprache der Gegenwart, Teil 1, Formenlehre, Halle (Saale), 1962.
28. Karcevski, Serge. Système du verbe russe, Prague, 1927.
29. Kopečný, František. Les fonctions de la préfixation verbale en tcheque moderne. «Révue des études slaves», Paris, 1956, v. XXXIII. Vierte Band, Wien, 1868—1874.
30. Miklosich, Fr. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Vierte Band, Wien, 1868—1874, стр. 317.
31. Netteberg, Kristine. Études sur le verbe polonais. Copenhague, 1953.
32. Němec, Igor. Genese slovanského systému vidového (Rozpravy československé akademie věd, ročník 68, sešit 7), Praha.
33. Oesterreicher, H. Imiesłów bierny w języku polskim, Kraków, 1926.
34. Peciar, Štefan, Slovesá typu pokašľávať, pofukovať, «Slovenská reč», 1 ročník 28, 1963, Bratislava.
35. Regnell, Carl Göran. Über den Ursprung des slavischen Verbalaspekten. Lund, 1944.
36. Vaillant, A. La dépréverbation, «Révue des études slaves», v. XXII. Paris, 1946.

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. А. Шелякин. Основные проблемы современной русской аспектологии	3
Ю. С. Маслов. Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет	23
Ф. Ф. Авдеев. К вопросу о нейтрализации вида в историческом настоящем единичного действия	47
Ф. Ф. Авдеев. О выражении повторяющихся действий глаголами совершенного вида в историческом настоящем	66
Ю. А. Поташкина. К проблеме выражения одновременности действий в русском языке	76
С. А. Емельянова. Стилистические особенности вариантных форм вида	89
Л. И. Ушакова. Взаимодействие неопределенности, частных видовых значений и значения синтаксических моделей инфинитивного класса	101
А. А. Бойко. К употреблению союзов <i>чем и вместо того чтобы</i>	111
Л. П. Бирюкова. Семантические функции вида глагола «быть»	116
А. Н. Тихонов, С. А. Емельянова, Д. Боркан. Видовые пары глаголов в семнадцатитомном словаре русского языка	129
М. А. Шелякин. Об одном значении глагольной приставки — <i>про-</i> в русском языке	142
П. С. Сигалов. История русских прерывисто-смягчительных глаголов	146

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 434.
Вопросы русской аспектологии II. На русском языке. Тартуский государственный университет, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18. Ответственный редактор М. Шелякин. Корректор Н. Чикалова. Сдано в набор 22. 10. 1976. Подписано к печати 13. 06. 1977. Бумага печатная 60×90 1/16. Печ. листов 10,25. Учетно-изд. листов 10,53. Тираж 700. МВ 00260. Зак. № 5407. Типография им. Х. Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. II

Цена 1 руб. 60 коп.